

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Ферхеес Яннигье Хелена

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ЧАСТЬ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛА В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Специальность 10.02.19 «Теория языка»

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:

кандидат филологических наук

М.А. ДАНИЭЛЬ

Москва 2019

Оглавление

Введение	1
1 Эвиденциальность: теоретические предпосылки исследования	15
1.1 Категория эвиденциальности	15
1.2 Малые эвиденциальные системы	26
1.2.1 Типология перфекта и косвенной засвидетельствованности . .	29
2 Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках	40
2.1 Нахско-дагестанские языки	40
2.2 Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках	48
2.2.1 Перфектоиды	52
2.2.1.1 Формальные свойства	54
2.2.1.1.1 Копула	55
2.2.1.1.2 Личные клитики	61
2.2.1.1.3 Без вспомогательного глагола	63
2.2.1.1.4 Вспомогательный глагол	67
2.2.1.2 Семантика	69
2.2.1.2.1 Результатив	70
2.2.1.2.2 Текущая релевантность	74
2.2.1.2.3 Косвенная засвидетельствованность	78
2.2.2 Итоги	82
2.2.3 Другие формы видо-временной парадигмы	83

ОГЛАВЛЕНИЕ

2.2.3.1	Общие прошедшие	83
2.2.3.2	Перфектные вспомогательные глаголы	84
2.2.4	Другие вспомогательные глаголы	87
2.2.4.1	Вспомогательный глагол 'стать'	87
2.2.4.2	Вспомогательные глаголы 'быть', 'оставаться'	88
2.2.4.3	Вспомогательный глагол 'найти' в прошедшем	88
2.2.4.4	Вспомогательный глагол 'найти' в будущем	90
2.2.5	Эвиденциальные клитики	91
2.2.6	Прочие способы выражения эвиденциальности	94
2.2.7	Эвиденциальность в тюркских языках Восточного Кавказа	95
2.2.8	Распределение показателей на карте	99
2.2.9	Итоги	105
3	Эвиденциальность и «перфектоиды» в нарративах	108
3.1	Элицитация эвиденциальных форм	112
3.1.1	Элицитация рассказов	121
3.2	Нарративное употребление как самостоятельный признак	129
3.3	Метод анализа нарративных текстов	133
3.3.1	Нарративная цепочка	137
3.4	Выборка языков и данные	139
3.4.1	Языки	140
3.4.2	Данные	142
3.5	Принципы разметки	144
3.6	Результаты	150
3.6.1	Незасвидетельствованные нарративы	152
3.6.2	Засвидетельствованные нарративы	156
3.6.3	Другие нарративные стратегии	157
3.6.4	Статистическая значимость засвидетельствованности как параметра	158

ОГЛАВЛЕНИЕ

3.7	Итоги	159
	Заключение	165
	Приложения	191
A	Транскрипция	192
B	Элицитированные нарративы на андийском языке	195
B.1	Анкета	195
B.1.1	Косвенная засвидетельствованность	195
B.1.2	Прямая засвидетельствованность	195
B.2	Переводы	196
B.2.1	NNA - Муни	196
B.2.2	A - Риквани	198
B.2.3	ABE - Риквани	200
B.2.4	GRG - Риквани	202
B.2.5	GRSh - Риквани	204
B.2.6	MShM - Риквани	206
B.2.7	AMKh - Рушуха	209
B.2.8	Kh - Зило	211
B.2.9	KhMM - Зило	213
B.2.10	M – Зило	215
B.2.11	MKG - Зило	217
B.2.12	Z - Зило	219

Введение

В видо-временной системе всех нахско-дагестанских языков есть глагольные формы, подобные перфекту. Прототипический перфект указывает на совершенное в прошлом действие, которое имеет релевантность для момента речи — свойство, получившее название ТЕКУЩАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ (current relevance) (Comrie 1985: 24–25). Пример (1) показывает употребление Перфекта со значением текущей релевантности в багвалинском языке нахско-дагестанской семьи.

- (1)   iʃi-r   ha:-b-saʔatʃi-r q'ani-r   q'ani-b-o   ek'wa
мы.EXCL-ERG сей-N-час-ERG есть-MSD есть-N-CVB AUX.PRS
'Мы только сейчас **покушали** (букв. еду съели).'

(Татевосов 2007: 359)

багвалинский язык

Предложение в (1) не просто передает факт, что событие 'поели' имело место в прошлом, но подчеркивает факт (в данном случае недавнего) завершения этого события и наличие у него имплицитных последствий. Предложение с Перфектом в (1) уместно, например, в контексте, описанном С.Г. Татевосовым, где говорящий X говорит: «Пусть твой брат приходит ко мне обедать», а говорящий Y ему отвечает: «Вряд ли он пойдет.» Высказывание в (1) представляет причину или объяснение того, почему брат говорящего Y вряд ли пойдет: они только что поели (импликация: брат еще сыт) (ibid.).¹

В нахско-дагестанских языках такого рода формы часто приобретают дополнительное значение: говорящий сам не был свидетелем сообщаемого события. Ср. при-

---

¹Для сравнения: общее прошедшее время (в случае багвалинского языка - Претерит) передавало бы просто факт, что кто-то поел, без импликаций для момента речи.

мер (2), также из багвалинского языка.

- (2)   ʔali-r   sī: k'wa-b-o   ek'wa
Али-ERG медведь убивать-N-CVB AUX.PRS
'Али [, я слышал] **убил** медведя.'
'Али [, я вижу] **убил** медведя.'
(Татевосов 2007: 360)

багвалинский язык

В примере (2), Перфект указывает на то, что говорящий узнал о том, что 'Али убил медведя' каким-то косвенным образом: например, кто-то ему об этом рассказал — РЕПОРТАТИВ (hearsay); или он видел какие-то очевидные последствия (например, он видел, как Али разделывал тушу медведя) и на основе этих косвенных свидетельств делает вывод, что событие имело место — ИНФЕРЕНТИВ (inferential). Конкретная интерпретация определяется контекстом, и понятие НЕПРЯМОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ (indirect evidentiality) или более распространенный в русскоязычной лингвистике термин КОСВЕННАЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТЬ объединяют эти два значения.

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ — грамматическая категория, которая маркирует источник информации, лежащий в основе высказывания (Aikhenvald 2018: 1), например чужие слова или умозаключение в случае примера (2). В лингвистической типологии категория эвиденциальности является относительно молодым концептом.² Интерес к ней рос экспоненциально именно последние 20 лет, что доказывает актуальность настоящего исследования, посвящённого эвиденциальности как одному из значений перфектоподобных форм в языках нахско-дагестанской семьи.

---

²Феномен грамматического маркирования источника информации впервые был отмечен давно, согласно (Friedman 2018: 125) в IV веке до н.э. в санскритской грамматике Панини. Однако первое описание этого значения как грамматической категории обычно приписывают американскому лингвисту и этнографу Францу Боасу, который обнаружил эту категорию в языке квакиутль (Aikhenvald 2004: 12). Сам термин ввел Р.О. Якобсон (опираясь на материал болгарского языка и языка хопи) в статье *Shifters, verbal categories and the Russian verb* (Jakobson 1957: 41–58).

Рис. 1: Количество публикаций по ключевому слову *evidentiality*

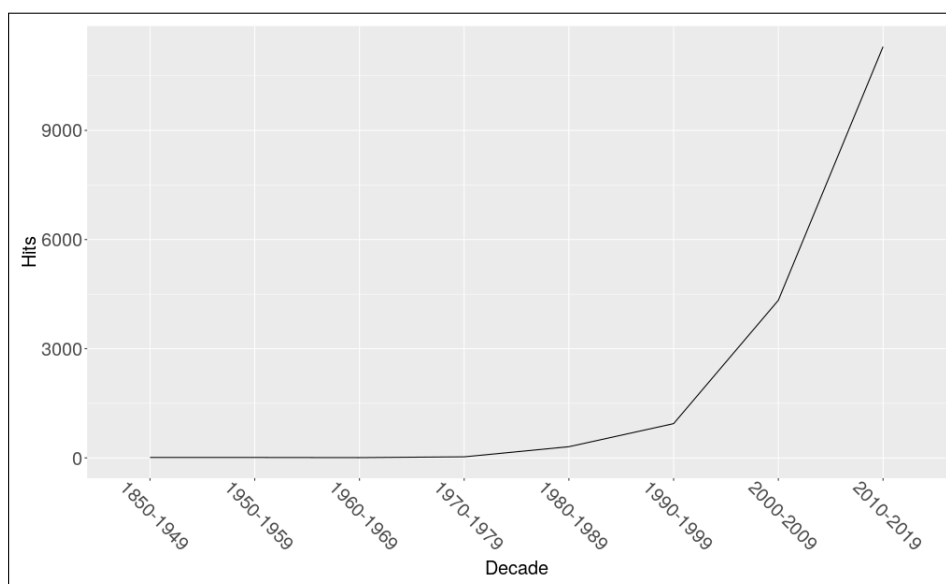

Рисунок 1 показывает число публикаций по ключевому слову «*evidentiality*» в поисковой системе академических текстов Google Scholar (по десятилетиям).³ За период 1850–1949 вышло лишь 11 публикаций, и ни в одной из них не обсуждается именно лингвистическая эвиденциальность.⁴

В период 1980–1989 количество публикаций начинает быстро увеличиваться (+307 по сравнению с предыдущими периодами), особенно после 1986-го года, когда вышел в свет широко цитируемый сборник *Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology*

³Поисковая система Google Scholar подбирает результаты по наличию ключевого слова, и упорядочивает их в поле результатов по релевантности, учитывая полный текст публикации, где она была опубликована, кем была написана, сколько раз и когда была процитирована, см. статью о поисковой системе в Википедии. Результаты не отражают точную историю выхода публикаций по теме, во-первых, потому что эвиденциальность не всегда называлась эвиденциальностью и, во-вторых, потому что некоторые публикации алгоритмом не считаются релевантными. В наших поисковых результатах, например, основополагающая статья Р.О. Якобсона (см. предыдущую сноску) отсутствует в периоде 1950–1959, что возможно связано с тем, что эвиденциальность не является главной темой этой работы. Хотя термин *EVIDENTIAL* в этой публикации использовался впервые, он упоминается лишь кратко в рамках обсуждения типологии глагольных категорий. Стоит также напомнить что количество отражает только англоязычные публикации.

⁴Помимо лингвистики, термин эвиденциальность употребляется в том числе в академических текстах по философии и психологии. Мы считаем не очень вероятным, что рост числа публикаций по теме эвиденциальности может быть связан с параллельным развитием данного понятия в этих дисциплинах, хотя следует признать, что мы не изучали содержание списков результатов для последних двадцати лет. Можно сказать тем не менее, что по крайней мере на первых страницах абсолютно доминируют лингвистические публикации, что указывает на то, что самые цитируемые работы по эвиденциальности на данный момент — это работы по лингвистике.

под редакцией Джоханны Николс и Уоллеса Чэйф (Chafe & Nichols 1986). В 1999 г. Жильбер Лазар замечает: «Evidentiality seems to be currently in fashion» (Lazard 1999: 91), но это оказалось только началом. В период 1990–1999 выходит 941 публикация, а в 2000–2009 годах насчитывается уже 4.330 публикаций, причем рост наблюдается в основном после выхода в 2004-м году авторитетного типологического исследования А.Ю. Айхенвальд *Evidentiality*, подготовленного на основе большого количества описаний языков (Aikhenvald 2004). На момент поискового запроса (в апреле 2019-го года) в период с 2010-го по 2019 год вышло 11.300 публикаций.

За это время накопилась богатая литература о категории эвиденциальности в отдельных языках. Выясняется, что у языков, распространенных на географически смежных территориях, встречаются похожие системы маркирования эвиденциальности, и категория в общем считается легко заимствуемой. Можно выделить по крайней мере пять разных «эвиденциальных ареалов» (Plungian 2010: 19–23). Территория нахско-дагестанских языков находится в центре одного из таких ареалов, охватывающего в том числе балканские, кавказские, финно-угорские, тибето-бирманские и тюркские языки. Тюркские языки многими исследователями считаются вероятными источниками распространения категории эвиденциальности в этом регионе (Chirikba 2003: 265), поскольку эта категория в той или иной степени присутствует во всех современных тюркских языках, и обладает доказанной древностью (подробнее об этом в разделах 1.2.1 и 2.2.7). При этом, тюркские языки географически разбросаны почти по всему ареалу, включая Кавказ, и их носители могли находиться в контакте с носителями других языков.

Эвиденциальные системы, характерные для данного ареала, иногда называют малыми (Aikhenvald 2004): они отличают незасвидетельствованные от засвидетельствованных событий.⁵ Основой этих систем часто являются перфектоподобные или «перфектоидные» формы со значением косвенной засвидетельствованности. Термин пер-

---

⁵По сравнению, в амазонских языках, например, отмечены до пяти разных маркированных источников, различая, например, зрительное восприятия от аудиторного и других способов чувственного восприятия.

ПЕРФЕКТОИД используется В.А. Плунгяном для обозначения таких глагольных форм из выше описанного ареала, которые имеют некоторое сходство с прототипическими перфектами как находятся, например, в западноевропейских языках (ср. также пример (1) в начале этого введения), но которые при этом, помимо текущей релевантности, приобретают дополнительное эвиденциальное значение (Плунгян 2016: 14–15). Поскольку термин ПЕРФЕКТ часто отождествляется с семантикой текущей релевантности, термин ПЕРФЕКТОИД нам кажется удобным способом описать предмет настоящего исследования, поскольку он одновременно подчеркивает и сходство, и различие с прототипическими перфектами.

Помимо ее особенного диахронического источника и частотности ее распределения в определенном регионе, перфектоидная эвиденциальность особенна еще тем, что многие исследователи языков или языковых семей, принадлежащих вышеописанному ареалу, предпочитают вовсе не называть это явление «эвиденциальностью», см. в том числе (Johanson 2000), (Friedman 2000), (Lazard 1999). Хотя предложенные альтернативные термины различаются, мнение этих авторов глобально заключается в том, что указание на источник информации не является *главной функцией* этих форм. Несмотря на то, что перфектоиды часто используется в ситуациях, где говорящий сам не наблюдал события, категория эвиденциальности с их точки зрения не способна объяснить все употребления соответствующих форм (помимо текущей релевантности и косвенной засвидетельствованности). Формы могут употребляться, например, когда человек сам был свидетелем, но информация является новой или неожиданной — МИРАТИВНОСТЬ (DeLancey 1997: 36), или считается говорящим менее достоверной — ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ (Boye 2012: 1–6). Обе эти концептуальные категории встречаются как самостоятельные грамматические категории в языках мира, но часто они достаточно часто (хотя необязательно) сопровождают семантику косвенной засвидетельствованности.

В связи с этим, некоторые авторы пользуются более обобщенными концептами, такими как МЕДИАТИВ (фр. *médiatif*, англ. *mediative*) , ср. в том числе (Lazard 1956)

и (Lazard 1999), обозначая главным образом *дистанцирование* говорящего от передаваемой им информации. В зависимости от контекста, причиной дистанции может быть отсутствие прямого доступа к событию (эвиденциальность) или неожиданность информации (миративность) (Lazard 1999: 95). Другие авторы различают несколько отдельных дополнительных значений, считая одно из них (чаще всего эвиденциальное) основным, а другие — РАСШИРЕНИЕМ собственно эвиденциальной семантики, то что называется *extension* в (Aikhenvald 2004). Предполагается, что эти дополнительные значения являются вторичными импликатурами, которые носители приписывают косвенной засвидетельствованности.

Судя по описаниям, конфигурации этой функциональной полисемии весьма своеобразны в отдельных языках. Балканские языки, например, считаются более «моделированными» (Plungian 2001: 354), т.е. главная функция перфектоидов в этих языках — передача личного отношения говорящего к сообщаемой информации как более или менее достоверной (т.е. эпистемическая модальность). Как правило, оценка статуса разных значений относительно друг друга основана на впечатлениях отдельных исследователей, которые изучали употребление форм в одном языке разными методами: элицитацией, анализом письменных текстов и разговорной речи. Естественно, чтобы понимать, как функционируют в языке столь разносторонние формы, нужно рассматривать данные из самых разных типов дискурса с учетом ситуативного контекста. Проблема таких подходов для сопоставительного анализа заключается в том, что исходный языковой материал на основе которого сделаны выводы автора обычно недоступен или не полностью доступен исследователям-типологам, и в последствии мы вынуждены делать выводы на основе описаний и нескольких примеров, что не позволяет провести сопоставительного анализа собственно языкового материала. Работы об эвиденциальности в целом направлены скорее на изучение категории в отдельных языках. Сопоставительные исследования опираются на такие описания и в результате имеют обзорный характер. Сравниваются скорее описания признаков, чем собственно языковой материал.

В целях сравнения часто используется метод элицитации примеров или контекстов, которые в других языках оказались показательными. Известно, например, что формы косвенной засвидетельствованности плохо сочетаются с действующим субъектом первого лица, поскольку человек обычно является свидетелем собственных действий. В связи с этим, наблюдаются разные ЭФФЕКТЫ ПЕРВОГО ЛИЦА, в плане частотности употребления показателей косвенной засвидетельствованности с субъектом первого лица, но и в плане интерпретации таких конструкций (Curnow 2002). Если показатель косвенной засвидетельствованности сочетается с субъектом первого лица, часто возникает интерпретация, что говорящий совершил действие *неосознанно*, например, потому что он спал или был пьян. Считается, что если сочетание с первым лицом дает эффект неосознанности, то это хороший индикатор присутствия эвиденциального значения. Тем не менее, при работе с такими категориями как эвиденциальность, интерпретация которых сильно зависит от дискурсивного контекста, метод элицитации отдельных предложений имеет определенные недостатки. Ситуация элицитации может ощущаться носителем как неестественная, и соответственно и использование (глагольных) форм будет неестественное. Например, носитель может использовать более нейтральную форму вместо более уместной в предложенном контексте эвиденциальной формы потому, что ситуация элицитации не является естественной дискурсивной ситуацией, см. (Aikhenvald 2004: 18). Метод анализа корпусных данных также представляет определенные сложности: использование эвиденциальных форм в разных жанрах может регулироваться стилистическими правилами. Кроме того, эвиденциальности как грамматическая категория широко представлена в малых, бесписьменных языках, для которых большие корпуса недоступны, см. обсуждение разного рода данных в исследовании эвиденциальности в (Kittilä, Jalava & Sandman 2018).

Цель настоящего исследования — оценить статус компонента эвиденциальности в значении перфектоподобных форм в сопоставительной перспективе, и следовательно оценить статус этих форм в грамматике нахско-дагестанских языков. Кроме того, мы пытаемся оценить вероятность того, что этот признак появился в рассматриваем-

мых языках под влиянием контакта с местными тюркскими языками. Для этого необходимо учитывать формальные свойства форм, их ареальное распространение и данные об истории языковых контактов. Эта цель подразумевает решение следующих задач:

- **Инвентаризация и сравнительный анализ** формальных и семантических признаков нахско-дагестанских «перфектоидов» и их распределения по ветвям семьи и по территории Восточного Кавказа для выявления генеалогических или ареальных паттернов; сравнение релевантных признаков нахско-дагестанских форм с особенностями аналогичных форм в местных тюркских языках на общем фоне грамматики и выражения эвиденциальности в исследуемых языках.
- **Сравнительный анализ употребления перфектоидов**, что подразумевает разработку метода и меры сопоставления, поскольку имеющиеся подходы к анализу такого рода форм были направлены на описание эвиденциальности в разных языках, и результирующие данные часто трудно сопоставимы.

Для решения второй задачи мы предлагаем анализ употребления перфектоидов в нарративных цепочках. Известно, что прототипический перфект не может использоваться в цепочке клауз или предложений о последовательных событиях, и употребление перфектной формы в качестве нарративного времени считается признаком более продвинутой стадии ее грамматикализации, см. (Lindstedt 2000). Тем не менее, роль перфектоидов в повествованиях неоднозначна. Их употребление в определенных жанрах может подвергаться конвенционализации, при которой выбор форм диктуется скорее нарративными нормами чем источником информации говорящего. При этом, чередование перфектоида с основным прошедшим в текстах может служить как средство структурирования дискурса, помимо эвиденциальной функции. Существующие подходы к анализу эвиденциальных форм в нарративах рассматривают разные тексты целиком, описывая используемые формы и стараясь объяснить их распределение. Как многие другие работы об эвиденциальности вообще, они сосредоточены на изучение

категории и ее особенностей в определенном языке, и не ставят себе целью сопоставительного анализа.

Научная новизна настоящего исследования состоит в попытке предложить метод сопоставительного анализа употребления в нарративных цепочках в разных жанрах повествования. При этом мы опираемся на формальные определения нарративной цепочки, используемые в (Labov & Waletzky 1967) и (Падучева 2010) для извлечения из данных по разным языкам сопоставимых данных. **Теоретическая значимость** данной диссертации состоит в том, что она является первой попыткой систематического сравнения употребления эвиденциальных перфектоидов в нахско-дагестанских языках.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Перфектоподобные формы (перфектоиды) обнаруживаются во всех современных нахско-дагестанских языках, причем они могут выражать не только семантику косвенной засвидетельствованности, но и семантику текущей релевантности. При этом мы заметили тенденцию к развитию новых результативных конструкций.
- Показано, что выраженность действующего субъекта является фактором, различающим собственно результативное значение и значение результативного перфекта. Для нахско-дагестанских языков это является релевантным, поскольку результатив диахронически предшествует результативный перфект, и последнее может вовсе отсутствовать.
- Эвиденциальное прочтение возникает в весьма разнородных условиях:
- Значение косвенной засвидетельствованности как часть семантики перфектоида отсутствует в языках, находящихся на юге региона, где сильно влияние азербайджанский язык, в котором этот признак (в отличие от многих других современных тюркских языков) представлен слабо. Признак наоборот присутствует во многих языках северного и центрального Дагестана, где кумыкский язык (в

котором признак представлен), исторически использовался как лингва франка; это указывает на то, что присутствие эвиденциальности в нахско-дагестанских языках может коррелировать с контактами с тюркскими языками, хотя наблюдаемая изоглосса требует дальнейшего изучения.

- Употребление перфектоидов в качестве нарративного заглазного времени оказывается важным диагностическим контекстом для определения наличия и возможно степени грамматикализации эвиденциального значения для нахско-дагестанских языков.

Практическая значимость работы состоит в дальнейшем применении используемых приемов анализа. Обзорная часть диссертации дает отправную точку для дальнейшего изучения исследуемых форм и их семантики в типологической перспективе. Во многих существующих описаниях не хватает детального описания условий, влияющих на интерпретацию формы, и примеров употребления многофункциональных форм, что затрудняет их интерпретацию в сравнении с якобы аналогичными формами в других языках. Разработанный в третьей главе метод для анализа естественных повествований позволяет сравнительный анализ разного рода текстового материала из разных языков по конкретным параметрам. Его применение при этом не ограничивается исследованием нахско-дагестанских языков.

Основным материалом исследования являются грамматики и специализированная литература об эвиденциальности и смежных явлениях в отдельных языках нахско-дагестанской семьи и в соседних тюркских языках. Сведения о формальных и функциональных аспектах эвиденциальности сопровождаются данными о социолингвистической ситуации на территории распространения нахско-дагестанских языков и о влиянии местных языков друг на друга. Материал третьей главы основан на проведенной автором полевой работе с разными диалектами андийского языка и анализа глоссированных текстах, опубликованных в грамматиках багвалинского и цахурского языков. Результаты работы прошли апробацию на разных международных конферен-

циях, в том числе:

- Tense, Aspect, Modality and Evidentiality (17-18 ноября 2016, Университет Дидеро, Париж)

Доклад: Evidentiality and other usages of the perfect in Avar and Andi (Nakh-Daghestanian)

- Международная научная конференция «Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы» (16–17 марта 2017, Сыктывкар)

Доклад: Эвиденциальность и перфект в рутульском языке (на материале говора с. Кина)

- 50-я ежегодная конференция Европейского лингвистического общества (SLE 2017) (10–13 сентября 2017, Университет Цюриха)

Доклад: Evidentiality and the perfect in the Rikwani and Zilo dialects of Andi (East Caucasian)

- Четырнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (23–24 ноября 2017, Санкт-Петербург)

Доклад: Evidentiality in the Rikwani dialect of Andi

- 16-я конференция международной ассоциации прагматики (IPrA) (9–14 июня 2019, Политехнический Университет Гонконг)

Доклад: Narrative use: a measurable feature of evidentiality as a meaning of the perfect

На момент аттестации вышли следующие публикации, из которых первая опубликована в сборнике, индексируемом в SCOPUS, вторая вышла в журнале из перечня ВАК, а третья вышла в журнале, индексируемом в SCOPUS Q1, и в Web of Science Q4.

1. Verhees S. Chapter 12. The perfect in Avar and Andi: Cross-linguistic variation among two closely-related East Caucasian languages, in: Tense, Aspect, Modality and

Evidentiality: Cross-linguistic perspectives. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2018. P. 261–280.

2. Ферхеес С. К происхождению эвиденциальности в нахско-дагестанских языках: структурные и ареальные перспективы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2018. № 57. С. 110–123.
3. Verhees S. 'General converbs in Andi'. *Studies in Language*. 43:1 2019. P. 195–230.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и нескольких приложений с собранными данными.⁶ Во введении представлена общая характеристика работы. Первая глава посвящена эвиденциальности в типологической перспективе, с фокусом на перфектоидную эвиденциальность. Вторая глава представляет собой обзор эвиденциальности в нахско-дагестанских языках и включает ареальный анализ перфектоидов в нахско-дагестанских языках. Третья глава представляет анализ данных, полученных элицитацией у носителей разных диалектов андийского языка, и анализ нарративного материала из багвалинского и цахурского языков нахско-дагестанской семьи. Заключение суммирует основные результаты работы и обсуждает перспективы для дальнейшего исследования.

Представление материала. Примеры из языков приводятся в том виде, в каком они даны в оригинале, при необходимости добавлен русский перевод. В случае примеров из дагестанских языков транскрипция унифицирована (см. приложение с таблицей соответствий). Если автор употреблял сокращения, которые нами не используются, они сохранены. Только глоссы, которые часто используются в нашей работе, унифицированы, например, конверб глоссируется нами как СВВ (вместо используемого некоторыми авторами CONV). В целом мы придерживаемся Лейпцигских правил глоссирования.⁷ Нумерация рисунков и таблиц отдельная в каждой главе. Каждый при-

---

⁶ Данные также доступны в репозитории на Гитхабе: https://github.com/sverhees/dissertation_evidentiality

⁷ См. <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>.

мер сопровождается указанием на то, из какого он языка (иногда приводится более подробная информация о конкретном диалекте по схеме — андийский: зиловский, т.е. андийский язык, зиловский диалект), и из какого источника он получен. Названия грамматических форм из конкретных языков обозначены заглавной буквой, а типологические или сравнительные концепты пишутся с маленькой буквы, как предложено в том числе в (Haspelmath 2010). Конкретные концепты при этом могут быть омонимами, ср. «Типологически **перфект** ассоциируется с семантикой текущей релевантности», и «В андийском языке **Перфект** имеет значение косвенной засвидетельствованности».

Для визуализации данных использовался язык программирования R и программный интерфейс R Studio (R Core Team 2018). Непосредственно для лингвистических карт был использован пакет **lingtypology** (Moroz 2017), для работы с данными — пакет **tidyverse** (Wickham 2017), а для графиков — **ggpubr** (Kassambara 2018).

Благодарности

Автор выражает благодарность научному руководителю М.А. Даниэлю, за то, что он рискнул стать моим научным руководителем и в течение четырех лет неутомимо обсуждал со мной теоретические проблемы моей работы, Т.А. Майсаку, за советы и обсуждения работы, и за то, что он доверил мне редактирование очерка ботлихского языка, Н.Р. Добрушиной, которая помогала мне превращать свои мысли в публикуемые тексты, и обеспечила мне замечательное место работы в Лаборатории языковой конвергенции, моему любимому соавтору Г.А. Морозу за помощь в программировании и дружбу, Кьяре Наккарато, которая все четыре года была рядом, а также рецензентам, которые тщательно и критично прочитали диссертацию, всем носителям андийского, ботлихского, аварского и других языков с которыми я работала, коллегам экспедиционерам, коллегам из лаборатории, коллегам кавказоведам и московской лингвистике в целом за то, что она такая интересная и дружелюбная. Говорят, что нужна целая деревня, чтобы воспитать одного ребенка. Чтобы воспитать меня как лингвиста их, как

оказалось, нужно было несколько. Однако все недостатки работы (и их на момент публикации текста на сайте института, к сожалению, немало), естественно, мои.

Глава 1

Эвиденциальность: теоретические предпосылки исследования

Настоящая глава посвящена эвиденциальности как типологической категории. В разделе 1.1 изложено определение категории, лежащее на основе настоящей работы. Обсуждается семантическая зона эвиденциальности, способы выражения категории и ее коммуникативная функция. В разделе 1.2 мы сосредоточимся на "малых эвиденциальных системах характерных для ареала, к которому относятся нахско-дагестанские языки. Особое внимание уделяется развитию форм косвенной засвидетельствованности из перфекта (раздел 1.2.1), поскольку именно эти формы представляют собой предмет настоящего исследования.

1.1 Категория эвиденциальности

В нашем понимании эвиденциальность — совокупность значений, обозначающих источник информации, лежащий в основе высказывания. Как отмечено в (Boye 2018: 263–264), понятие «источник информации» используется для определения данной категории в большинстве работ по эвиденциальности. Рисунок 1.1 суммирует как основные эвиденциальные контрасты, так и более подробную классификацию согласно разным типологическим обзорам (Willett 1988, Aikhenvald 2004, Plungian 2010). Схема по-

строена по следующему принципу: отдельное место заслуживает каждое значение, которое связано с указанием на источник информации и которое хотя бы в каком-то языке выражается отдельным показателем. Частные значения далее объединяются в более общие значения в том случае, если в каком-то языке они выражаются одним показателем. Категорию в целом обычно делят на прямую и непрямую эвиденциальность, что в русскоязычной литературе принято называть прямой и косвенной засвидетельствованностью (Козинцева 2007). Предметом настоящей диссертации являются формы косвенной засвидетельствованности в видо-временной парадигме нахско-дагестанских языков. Эти формы могут иметь инферентивное или репортативное прочтение — выбор той или другой интерпретации определяется контекстом (см. пример (2) и обсуждение на ст. 2 во введении настоящей работы), а иногда форма имеет более общую функцию маркирования информации не из личного свидетельства.

Рис. 1.1: Семантическая зона эвиденциальности

Прямая засв.	> личное участие	
	> чувственное восприятие	> зрительное
		> слуховое
Косвенная засв.	> умозаключение (инферентив)	> на основе очевидного результата или последствий (инферентив)
		> на основе имеющего знания (презумптив)
	> с чужих слов (репортатив)	> из третьих рук
		> из вторых рук
		> из фольклора

В схеме не учтено значение **общего знания**. Во всех языках с категорией эвиденциальности есть тот или иной способ маркирования информации, полученной (выведенной) говорящим из общеизвестных фактов, которые сложно привязать к конкретному

источнику (напр. «мир круглый»). В наmbикварских языках есть специализированный показатель, указывающий на «information that is known to the whole community, either because it is habitual, or because it is part of their mythological lore» (Eberhard 2018: 350). В других языках общее знание маркируется либо формой прямой засвидетельствованности, либо формой презумптива. Место этого значения в схеме остается не до конца ясным (см. обсуждение этой проблемы в (Plungian 2010: 35–38) и (Verhees 2019a)). В нахско-дагестанских языках для таких случаев используется форма общего прошедшего, которая противопоставлена форме косвенной засвидетельствованности — форма общего прошедшего может быть нейтральной в плане эвиденциальности (см., например, (Forker 2014: 56) об эвиденциальности и общем знании в гинухском языке) или иметь оттенок прямой засвидетельствованности (см. (Verhees 2018: 274) о рикванинском диалекте андийского языка). Подробнее о формах общего прошедшего и значение прямой засвидетельствованности в нахско-дагестанских языках см. раздел 2.2.3.1.

Мы также исключили из схемы значение **квотатива**. Хотя показатели чужой речи для настоящего исследования играют периферийную роль, это решение требует некоторого пояснения. Действительно, во многих работах о категории эвиденциальности (например в типологии А.Ю. Айхенвальд (Aikhenvald 2004)), квотатив считается частью этой функциональной зоны. Во второй главе настоящей диссертации, помимо эвиденциальности в видо-временной парадигме, обсуждаются и другие грамматические средства выражения эвиденциальной семантики в нахско-дагестанских языках, поскольку они семантически частично пересекаются с видо-временными формами, конкурируют с ними и, тем самым, влияют на их употребление и грамматический статус. В нахско-дагестанских языках встречаются специализированные репортативы, специализированные квотативы, а также показатели, которые выполняют обе эти функции. Однако, как аргументируется ниже, на наш взгляд эти две функции, даже если они выражаются одним показателем, существенно различны. Только репортатив можно называть собственно «эвиденциальным» показателем, тогда как квотатив — это значение смежное, но все же отлично от собственно эвиденциальности. Чтобы понять,

какие показатели чужой речи из нахско-дагестанских языков можно называть эвиденциальными показателями, нужно сначала понять, чем различаются репортативы и квотативы.

Согласно А.Ю. Айхенвальд, репортатив обозначает информацию, полученную с чужих слов, тогда как квотатив указывает на цитату, т.е. содержит информацию, полученную от конкретного источника *от конкретного источника* (Aikhenvald 2004: 25); оба значения она считает частью семантической зоны эвиденциальности. Согласно (Holvoet 2018), «эвиденциальными» можно называть только такие квотативы, основной функцией которых является именно указание на источник информации, что в данном случае обозначает: вербальное сообщение от конкретного источника. На самом деле квотативы только косвенно указывают на источник, тогда как их функция — маркирование речевого акта как цитаты. Это может быть не только цитирование чьих-то слов, но и цитирование мыслей, повтор собственных слов или воображаемое высказывание, приписанное определенному человеку, целой группе людей или недискретному интерлокутору, ср. пример (1) с квотативной частицей *мол*, где автор приписывает цитату своей предполагаемой аудитории.¹ Указание на какой-нибудь конкретный источник может и вовсе отсутствовать. Отметим, что примеры, приведенные в (Aikhenvald 2004), не противоречат определению квотативов как маркеры цитаты.

- (1) *Нужно развивать в себе рефлексивные умения — давать оценку себе, своим действиям. Не обвинять молодежь, мол, она такая-сякая, а спросить у себя, в чем причина, почему же она «такая».*

На семантических картах Л. Андерсона квотатив находится вне рамки семантической зоны эвиденциальности, аналогично другим выражениям, которые либо семантически близки к эвиденциальным выражениям, либо могут являться их диахроническим источником, но тем не менее не представляют часть концептуальной категории эвиденциальности. Такое представление функциональной зоны кажется нам наи-

---

¹Из: <https://md-gazeta.ru/obshhestvo/4869>.

более удачным (Anderson 1986: 307).

Хотя типологические классификации эвиденциальности основаны в первую очередь на грамматических средствах ее выражения, большинство современных исследователей рассматривают эвиденциальность как семантико-функциональную категорию, значения которой можно выразить языковыми средствами разной природы. Среди них: грамматические показатели, лексические средства (например, вводные обороты, такие как «видимо») и так называемые эвиденциальные СТРАТЕГИИ — формы или обороты, которые приобретают отличное от их основного значения эвиденциальное прочтение через контекстную импликацию (Aikhenvald 2004: 105–152). В качестве примера эвиденциальной стратегии можно упомянуть некоторые модальные глаголы в германских языках, которые в определенных контекстах могут интерпретироваться как указание на то, что у говорящего есть некоторые косвенные основания для высказывания суждения. Ср. пример (2) из нидерландского языка, в котором используется глагол *moeten* ‘должен’, основной функцией которого является выражение деонтической модальности.²

- (2) De film moet uitstekend zijn.
DEF фильм должен.PRS отличный быть.INF
‘The film is said to be excellent.’
‘Говорят, что фильм — отличный.’
(de Haan 1999: 74)

нидерландский язык

В данном случае эвиденциальное прочтение возникает из контекста. Если человек утверждает, что «фильм должен быть отличным», подразумевается, что его убеждение на чём-то основано. При этом маловероятно, чтобы это было прямым знанием - в этом случае он скорее сказал бы, что «фильм — отличный [я его видел]». Такая интерпретация употребления деонтической формы достаточно естественна, но языки различаются между собой тем, насколько та или иная эвиденциальная интерпре-

---

²В данном случае автором диссертации был добавлен подстрочный перевод с глоссами на русском языке, потому что он в оригинале отсутствовал.

тация приемлема и распространена. В нидерландском языке пример (2) однозначно интерпретируется репортативно (т.е. как передача информации с чужих слов).³ Напротив, аналогичный пример с английским глаголом *must* скорее всего понимается как умозаключение говорящего (например, ему понравились другие фильмы того же режиссера) и передает оттенок уверенности со стороны говорящего (Van der Auwera & Plungian 1998: 81). В нидерландском языке такие оттенки отсутствуют. Эвиденциальное значение нидерландского *moeten* — периферийное явление наряду с другими значениями, описанными в диахронической перспективе в (Olbertz & Honselaar 2017).⁴ При этом эвиденциальное прочтение можно "отменить" добавив, например, «иначе я потребую возврата денег» (т.е. «фильм должен быть отличным» в таком случае значит «если фильм не отличный, (то я потребую возврата денег)»). Это подтверждает, что форма не является примером грамматического выражения эвиденциальности.

Эвиденциальное значение нахско-дагестанских форм косвенной засвидетельствованности также возникает из имплицатуры (подробнее об этом процессе в разделе 1.2.1), но на интерпретацию форм влияет не только внев лингвистический контекст, но и структура формы, конструкции или предложения. В одних случаях эвиденциальное прочтение возможно, но при этом всегда возможно отменить его, а в других случаях другая интерпретация невозможна в принципе. Значение Перфекта в аштынском даргинском, например, может быть только эвиденциальным, когда форма образована от имперфективной основы глагола, как в примере (3). Аналогичная форма, образованная от перфективной основы, может быть перфектной или эвиденциальной (Беляев

³В устной речи интонация может влиять на интерпретацию — если фразовое ударение на модальном глаголе, доступна лишь деонтическая интерпретация.

⁴Стоит отметить, что, насколько мы знаем, не существует корпусного исследования использования данного глагола как показателя эвиденциальности; неизвестно, возникает ли оно в равной степени часто в разных конструкциях с этим глаголом. Для английского *must*, например, известно, что эпистемическое значение более частотно в определенных синтаксических контекстах (de Naan 2012). Глагол *moeten* как показатель эвиденциальности обсуждается в основном в работах (de Naan 1997) и (de Naan 1999), где неизменно приводится один и тот же пример, цитируемый нами выше (2). Следовательно, когда мы говорим, что это «периферийное явление», мы опираемся не на результаты систематического исследования (хотя отсутствие упоминания эвиденциального значения в подробном анализе (Olbertz & Honselaar 2017) можно считать показательным), а на собственную языковую интуицию (нидерландский является родным для автора настоящего исследования). Кажется по крайней мере, что нидерландский *moeten* более характерен для устной речи и не является аналогом немецкого *sollen*, который широко употребляется в письменной речи, см. например (Vanderbiesen 2018).

2012: 202–204).

- (3)   uci-l   kaɣaj-ti   ka-d-i:ž-ip:i   selsawet-li
      брат-ERG письмо-PL down-NPL-писать.IPFV-PF сельсовет-IN
      ‘Мой брат писал письма в сельсовет.’

Контекст: говорящий разговаривал с братом по телефону, т. е. не видел его

(Беляев 2012: 202)

даргинский: аштынский

Пример (4) с перфективной глагольной формой из ицаринского даргинского имеет две возможных интерпретации: 1) РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ (говорящий сел и сейчас сидит) или 2) ЭВИДЕНЦИАЛЬНАЯ (говорящий по какой-то причине не был осознанным свидетелем собственного действия и делает вывод о том, как он оказался в таком положении).⁵

- (4)   kiž-ib-li-da
      sit_down.PFV-PST-CVB-1SG
      1. ‘I am sitting.’ / ‘Я сижу.’
      2. ‘[It appears] I sat down.’ / ‘[Оказывается, что] я сел.’

(Tatevosov 2001: 450)

даргинский: ицаринский

Разного рода стратегии и их эвиденциальное прочтение в конкретных языках демонстрируют разную степень грамматикализованности и часто служат диахроническим источником для грамматических показателей эвиденциальности (Aikhenvald 2004: 267–280). Поскольку одна из целей настоящего исследования — попытка оценить статус категории эвиденциальности в грамматике нахско-дагестанских языках, для нас важно различить разные виды стратегии с точки зрения наличия контекстов, в которых эвиденциальное прочтение является прочтением по умолчанию. Соответственно, мы различаем следующие четыре способа выражения эвиденциальности:⁶

⁵Результативное значение в примере (4) очень похоже на собственно перфектное значение и часто считается членом семейства перфектных значений, но оно представляет более ранний этап грамматикализации — об отношениях между результативом и перфектом вообще см. в разделе 1.2.1, а конкретно в нахско-дагестанских языках в разделе 2.2.1.

⁶Под словом «единицы» имеются в виду любые языковые средства выражения эвиденциальной семантики: лексические единицы, специализированные морфемы, конструкции и т.д.

1. Единицы с неотъемлемым эвиденциальным значением⁷

Маркирование источника информации при этом *обязательно*
(грамматические способы)

2. Единицы с неотъемлемым эвиденциальным значением

Маркирование источника информации при этом *необязательно*
(грамматические и лексические способы)

3. Единицы с эвиденциальным значением, которое зависит от составляющих конструкций или предложения

(грамматические способы и эвиденциальные стратегии)

4. Единицы с эвиденциальным значением, которое зависит от дискурсивного контекста

(эвиденциальные стратегии)

В первую категорию входят только строго грамматические показатели эвиденциальности.⁸ Внутри второй категории можно при необходимости различать лексические и грамматические единицы. Лексические выражения непосредственно (самим своим лексическим значением) указывают на (вид) источника информации; таким образом, обороты типа «говорят» отличаются от факультативных репортативных частиц непрозрачной этимологии. В ботлихском языке нахско-дагестанской семьи, например, имеется репортативная частица χ^wata (см. пример (5) ниже). Если во многих нахско-дагестанских языках такого рода частицы явно восходят к глаголом говорения (см. раздел 2.2.5), происхождение ботлихской частицы остается неясным.

- (5)   zini   hiʎ'a b-uk:-u= χ^wata
          корова вниз N-упасть-AOR=REP

⁷Неотъемлемым значением мы считаем значение, которое по умолчанию выражается определенной формой в немаркированном контексте.

⁸В настоящей работе мы называем такие формы «эвиденциальными показателями». Этот термин мы применяем только к таким формам, а формы промежуточного статуса называем формами или выражениями с эвиденциальным значением, имплицитно, что это не их единственное значение.

‘Корова упала, говорят.’

[полевая работа 2018-го года]

ботлихский язык

Частица в примере (5) указывает на то, что информация, передаваемая основной пропозицией («корова упала»), получена с чужих слов. При этом употребление данной частицы в таких случаях необязательно. Однако единицы не всегда можно однозначно охарактеризовать как этимологически прозрачные или непрозрачные (ср., например, русскую частицу «мол»). В таких случаях помогает функциональный подход к их разграничению, предложенный в (Boye & Harder 2012); согласно этому подходу, грамматические единицы передают дискурсивно вторичную информацию, тогда как лексические единицы несут основную смысловую нагрузку высказывания.

«[...] grammar is constituted by expressions that by linguistic convention are ancillary and as such discursively secondary in relation to other expressions [...]. Conversely, lexical expressions are by linguistic convention potentially primary in terms of discourse prominence. The concept of discourse prominence is understood in terms of a core idea that we regard as essentially uncontroversial: in entertaining complex mental content, there is always a priority dimension involved, so that some parts of the content are more highly prioritized than others»

(Boye & Harder 2012: 2)

На наш взгляд, такое определение позволяет принимать более последовательные решения, хотя результат может противоречить традиционным представлениям о лексиконе и синтаксисе. Как отмечено в (Cornillie, Marín Arrese & Wiemer 2015: 3), синтаксические наречия с эвиденциальной семантикой (в отличие от матричных предикатов с той же семантикой) оказываются грамматическими показателями, несмотря на то, что и те, и другие прямо указывают на (вид) источника информации. Впрочем, для настоящего исследования различие между лексическими и грамматическими средствами не принципиально.

Третья и четвертая категории пересекаются в том смысле, что одна и та же форма может попадать в обе категории: она может иметь контексты употребления, в которых эвиденциальное значение является для нее единственным или значением по умолчанию, тогда как в других контекстах оно может быть обусловлено дискурсивным контекстом, как, например, в случае аштынского перфекта, образуемого от основы имперфектива (эвиденциальное прочтение по умолчанию) или перфектива (эвиденциальное значение может наводиться дискурсивно). Наша классификация позволяет таким образом разложить одну форму на разные конструкции с разного типа эвиденциальным значением. Это позволяет более отчетливо различить разного рода контексты употребления и их роль в интерпретации формы.

Помимо семантики и способа выражения, категорию эвиденциальности можно рассматривать с точки зрения ее **коммуникативной функции**: эвиденциальные показатели устанавливают связь между моментом речи и его участниками и событием, о котором идет речь, посредством некоторого промежуточного события, в результате которого говорящий получил сообщаемую информацию. Их значение соответственно зависит от речевой ситуации и ее участников. С этой точки зрения, эвиденциальные показатели — ЭГОЦЕНТРИЧНЫЕ элементы: они по умолчанию интерпретируются как указывающие на источник информации говорящего.⁹ Исключение могут составлять вопросительные предложения: в шайенском языке алгонкинской семьи один и тот же (репортативный) показатель интерпретируется в утвердительном предложении как относящийся к говорящему (6), а в вопросительном — к адресату (7).

- (6) ná-hó'táhevá-máse.
 1-win-REP.1SG
 'I won, I hear.'
 '[Я слышал, что] я выиграл.'
 (Murray 2017: 45–46)

шайенский язык

⁹Слово «эгоцентричный» мы здесь используем согласно (Падучева 2010: 258–284), хотя стоит отметить, что Е.В. Падучева в своей работе не обсуждает эвиденциальность, что возможно связано с тем, что эвиденциальность как грамматическая категория нехарактерна для русского языка.

- (7) **mó=ná-hó'táhevá-máse?**
Q=1-win-REP.1SG
'Given what you heard, did I win?'
[Что ты слышал —] я выиграл?
(Murray 2017: 45–46)

шайенский язык

Впрочем, такого рода «переключение» в вопросах (interrogative flip) происходит не во всех языках, см. (Murray 2017: 43–50). Кроме того, в нарративном контексте показатели эвиденциальности могут указывать на источник информации не говорящего, а персонажа, см. раздел 3 настоящей работы.

В формальной литературе такое «реляционное» определение эвиденциальности достаточно распространено, см. обзор в (Speas 2018). В своей основополагающей работе о глагольных категориях Р.О. Якобсон классифицировал эвиденциальность как «шифтерную» категорию, наряду со временем и личным дейксисом (Jakobson 1957). Тем не менее, в функционально-типологической литературе такой взгляд на эвиденциальность оказался в фокусе теоретических дискуссий только в последние годы, например в работе Х. Бергквиста, который рассматривает эвиденциальность как дейктическую категорию (Bergqvist 2018), опираясь в том числе на модель реляционного дейксиса В. Хенкса (Hanks 2009: 12). Согласно Бергквисту, эвиденциальные показатели не просто устанавливают связь между событиями, но и определяют дистанцию между ними, которая может быть измерена степенью опосредованности доступа к информации. Грубо говоря, прямая засвидетельствованность — своего рода ближний дейксис, а косвенная засвидетельствованность — более дальний (Bergqvist 2018: 21–23). Возможно наиболее уместный термин для таких подходов в совокупности будет ИНДЕКСАЛЬНЫЙ, как предложено в (Hanks 2014).¹⁰

«Evidential marking is a species of indexicality in which the evidential form indexes the relation between the Speaker, the object or event spoken about and the linguistic act of producing the 'evidential utterance.' It therefore calls for

¹⁰ См. также дискуссию о проблемах, связанных с использованием термина «дейктический» в (Boye 2018: 265–267).

three overlapping lines of research: grammar, semantics, and pragmatics.»

(Hanks 2014: 169)

Из индексальной природы эвиденциальности следует, в частности, что категория передает фоновую информацию: «Evidentials are not themselves the main predication of the clause, but are rather a specification added to a factual claim about something else» (Anderson 1986: 274). Поэтому значение эвиденциальных показателей, как правило, не поддается отрицанию, потому что в центре внимания является содержание основной пропозиции, тогда как источник сведений о нем не находится в фокусе внимания (*not at issue*), ср. (Murray 2017: 28–30). Вклад эвиденциальных показателей в семантику высказывания в целом можно рассматривать как своего рода МЕТАПРОПОЗИЦИЮ, которой пропозиция подчинена (Evans, Bergqvist & San Roque 2018: 151).

Преимущество индексальных подходов заключается в том, что они позволяют более адекватно анализировать функционирование эвиденциальности в речи с учетом речевой ситуации и по сравнению с другими индексальными категориями, т.е. временем и лицом. Это помогает объяснить неожиданные на первый взгляд смены форм и переключения перспективы, что оказывается существенным для эмпирического исследования категории эвиденциальности в третьей главе настоящей работы.

1.2 Малые эвиденциальные системы

Как уже было отмечено во введении, в определенных ареалах системы выражения эвиденциальных значений демонстрируют определенные сходства. Наиболее сложные системы представлены в языках коренного населения Америк, как например в туканских языках Южной Америки, которые различают от трех до шести разных источников информации обязательными глагольными аффиксами, кумулятивно выражающими эвиденциальность, время/вид и согласование по роду/лицу (Stenzel & Gomez-Imbert 2018). Различаются в том числе зрительное и другие типы восприятия (т.е. говорящий не видел события, но услышал, например, предполагающий событие звук или

почувствовал соответствующий запах или прикосновение, ср. пример (8) из языка ту-кано), логический вывод на основе очевидных последствий (инферентив) или обще-принятого знания (презумптив), а также знание, полученное с чужих слов (репорта-тив).

- (8) ~ahú~pea ~badî-de ~du'dî~da' weé-sa~ba
 biting.gnats 1PL.INCL-OBJ bite-SS do-NVIS-3AN.PL
 'Gnats are biting us! (the insects are too small to see, but the bites can be felt.'
 'Мошки кусают нас! (насекомых не видно, потому что они слишком маленькие,
 но их укусы чувствуются)'
- (Ramirez 1997: 131)¹¹ язык тукано

Ареал нахско-дагестанских языков находится в центре так называемого ЭВИДЕНЦИАЛЬНОГО ПОЯСА (также: «Эвиденциальный пояс старого света» (Sumbatova 1999: 63)), охватывающего часть Восточной Европы, Кавказ, Среднюю и Южную Азии и Сибирь.¹² По типологии Айхенвальд «малые» системы (обозначены буквой А в (Aikhenvald 2004)), выражают только одно или два значения, среди них: прямая vs. косвенная засвидетельствованность (А1), косвенная засвидетельствованность (А2), ре-портатив (А3), значительно реже: чувственное восприятие и репортатив (А4), слухо-вое восприятие (А5). В языках эвиденциального пояса представлены в основном си-стемы типа А1, А2, А3. При этом во многих языках сосуществуют несколько независи-мых систем, так что показатели могут быть «разбросаны» по грамматике: так назы-ваемое scattered coding (Aikhenvald 2003: 8–11). На Кавказе часто сосуществует эвиден-циальность в видо-временной парадигме, осуществляющая базовый контраст прямой и косвенной засвидетельствованности (или маркирующей только косвенную засвиде-тельствующую по контрасту с нейтральной формой), и специализированная части-ца для репортатива или (реже) инферентива.

Эвиденциальность внутри глагольной парадигмы часто восходит к перфектной

¹¹ По (Stenzel & Gomez-Imbert 2018: 367)

¹² Нам не удалось выяснить, кто первым употребил термин «эвиденциальный пояс» — он часто упо-требуется, например, в (Aikhenvald 2004: 290), (Plungian 2010: 19) и во многих других работах, но, как правило, без ссылки на других авторов.

форме глагола, которая приобретает оттенок косвенной засвидетельствованности (об этом подробнее в разделе 1.2.1). В результате грамматикализации перфектной формы противопоставленная ей менее маркированная форма прошедшего времени (Общее Прошедшее, Претерит, Аорист или Простое Прошедшее) может по контрасту переосмысляться как форма прямой засвидетельствованности. С другой стороны, частицы часто происходят от глаголов речи в роли матричного предиката или глаголов типа 'казаться' (см. раздел 2.2.5 для примеров из нахско-дагестанских языков).

Вероятным источником для распространения эвиденциальности в пределах Пояса считаются тюркские языки, поскольку в этих языках древность категории подтверждается ее наличием в старых памятниках письменности, ср. (Erdal 2004: 273), а также потому, что она до какой-то степени присутствует во всех современных языках семьи (Johanson 2018: 510–511). При этом тюркские языки географически разбросаны почти по всей обсуждаемой территории, включая и Восточный Кавказ. Гипотеза о том, что появление эвиденциальности в глагольной системе связано с контактами с тюркскими языками, специалистами оценивается как возможная по крайней мере для грузинского (Boeder 2000: 297–298) и восточноармянского (Kozintseva 2000: 415) языков. Для этих двух языков имеются древние памятники письменности, которые помогают проследить появление того или иного употребления, учитывая при этом историю контакта с тюркскими народами (хотя насколько мы знаем, точная хронология этих процессов пока не исследовалась). С другой стороны, эвиденциальные формы глагола в западнокавказских языках оцениваются В.А. Чирикбой как предшествующие усилению контактов с местными тюркоязычными народами (Chirikba 2003: 265–267).

Для нахско-дагестанских языков пока не была предпринята попытка оценка вероятности данной гипотезы, кроме обсуждения ареального распределения эвиденциальности внутри семьи в (Ферхеес 2018). В разделе 2.2.7 настоящей работы мы обсудим гипотезу о развитии категории эвиденциальности в нахско-дагестанских языках под влиянием тюркских языков на фоне представлений о языковом контакте, принимая во внимание не только то, как устроены эвиденциальные системы в исследуемых языках,

но и географическое распределение свойств этих систем и языков в пределах ареала.

1.2.1 Типология перфекта и косвенной засвидетельствованности

Перфект — форма глагола. Перфект часто рассматривается как вид, хотя на самом деле его семантика сочетает вид со временем, ср. (Comrie 1976: 6). Сам термин «перфект» часто отождествляется с семантикой так называемой «текущей релевантности»: совершенное в прошлом действие определенным образом релевантно для момента речи (Comrie 1985: 24–25). Текущая релевантность (далее TP) представляет собой обобщение четырех более частных значений, перечисленных ниже и проиллюстрированных на примерах употребления английского Перфекта (present perfect).¹³

1. Результативный перфект (perfect of result / stative perfect)

Совершенное в прошлом действие с результатом или последствиями в настоящем.

John has gone.

‘Джон ушел (и его сейчас нет).’

2. Континуатив (continuative / universal perfect)

Действие было совершено за определенный промежуток времени в прошлом, и до сих пор продолжается.

John has worked here for 20 years.

‘Джон работал здесь 20 лет (и он до сих пор здесь работает).’

3. Недавнее прошедшее (perfect of recent past / «hot news» perfect)

Действие совершилось только что, и его завершение является (неожиданной) новостью для говорящего, адресата или обоих.

John has just resigned.

‘Джон (только что) подал в отставку.’

---

¹³Здесь мы опираемся на обзорную статью Е.-М. Ритз (Ritz 2012: 882–884), те же значения перечисляются, например, в (Comrie 1976) и (McCawley 1971).

4. Экспериентив (experiential / existential perfect)

Некоторое действие совершилось по крайней мере один раз в прошлом.

John has been to Japan.

‘Джон бывал в Японии (он имеет такой опыт).’

Перфекты могут иметь разные диахронические источники, но в настоящей работе мы сосредоточимся на перфекте, восходящем к результативным конструкциям. Именно такое развитие характерно в целом для Евразии и, в частности, для нахско-дагестанских языков. Все перфектоподобные формы, рассматриваемые нами в разделе 2.2.1, с большой вероятностью имеют результативное происхождение, что подтверждается наличием значения узкого результата у многих из них и, косвенно, высокой степенью формального сходства между формами разных языков. Результатив в узком понимании (т.е. результативная конструкция) образует одновалентный предикат, обозначающий совершенное в прошлом действие *с результирующим состоянием в настоящем* (Плунгян 2016: 10). Это значение обычно складывается непосредственно из составляющих конструкции: нефинитная форма с семантикой прошедшего времени или совершенного вида в сочетании со вспомогательным глаголом в настоящем времени. Результативы типично ограничиваются предельными предикатами, хотя есть некоторые исключения (Недялков 1983: 25).

По (Bybee, Perkins & Pagliuca 1994), результатив может развиваться в сторону перфекта текущей релевантности (у Байби и др. *anterior*) и далее в перфективное или простое прошедшее, как это произошло, например, в романских языках. На стадии перфекта / TP отдельные значения характеризуются разной степенью грамматикализованности, что проявляется в их сочетаемости с разного рода предикатами. Результативный перфект, аналогично узкому результативу, указывает на совершенное в прошлом действие, но *с результатом* в настоящем; он не ограничивается предельными предикатами и необязательно обозначает некоторое очевидное результирующее состояние. В отличие от результата, результативный перфект допускает присутствие действующего субъекта и не сочетается со словом «еще», см. подробнее об этом в раз-

деле 2.2.1. Континуативное значение возникает при сочетании с неопределёнными глаголами. В целом перфект как бы «инвертирует» семантику исходного предиката: из предельных предикатов он образует дуративное состояние, а из неопределённых предикатов — завершённое действие. Экспериментив считается более продвинутым уровнем грамматикализации перфекта (Lindstedt 2000: 379).

Развитие значения косвенной засвидетельствованности проходит иным образом, через конвенционализацию имплицатуры. Согласно Левинсону, разговорная имплицатура представляет собой имплицитное значение выражения, подразумеваемое участниками момента речи. Имплицитные значения бывают частными, т.е. случайными, обусловленными конкретным контекстом, или общими — более менее стандартные презумпции, вызываемые семантикой самой единицы, ср. адаптированный пример (9) из (Levinson 2000: 16).

(9) *Some guests are leaving the party.*

Общая имплицатура: некоторые остаются, не все уходят.

Частная имплицатура: наверно уже поздно.

При частом употреблении имплицитное значение может становиться конвенциональным, что в свою очередь может вести к (частичному) переосмыслению самого языкового выражения (Hopper & Traugott 2003: 81–82). Известным примером является развитие конструкции *be going to* в английском языке. Исходно конструкция с глаголом движения *go* указывала на движение в пространстве, но через обобщённую имплицатуру она превратилась в показатель будущего времени. Конструкция с модальным глаголом в нидерландском языке, представленная нами в примере (2), в этом смысле находится на полпути. Репортативная интерпретация достаточно распространена, и глагол употребляется для того, чтобы вызвать такую интерпретацию, но модальная интерпретация во всех контекстах остаётся возможной. По сравнению с ней, английская конструкция *be going to* за счёт нового значения распространилась на новые контексты, где пространственная интерпретация невозможна, например в сочетании с инфини-

тивом, ср. пример (10) ниже, по (Levinson 2000: 263), который можно перефразировать как *He is going to serve in the army* ('Он будет служить в армии').

- (10) 1. *He is going to the army.* ('Он идет в армию.')
2. Импликатура: В какой-то момент в будущем, он будет в армии.
3. Новое значение: Он приступает к службе в армии.

Развитие из перфекта в косвенную засвидетельствованность сначала проходит через стадию инферентива. Комри объясняет семантическую близость этих значений акцентом на результат: «the semantic similarity (not, of course, identity) between perfect and inferential lies in the fact that both categories present an event not in itself, but via its results» (Comrie 1976: 110). Согласно подходу (Bybee, Perkins & Pagliuca 1994: 96), исходящему из того, что непрямая эвиденциальность восходит непосредственно к результату (а не к перфекту / TP), употребление результата подразумевает каузальное отношение между двумя событиями: 1) произошло событие X — 2) имеется результат Y. Например: утверждение *Mary is gone* подразумевает, что: 1) Мэри ушла — 2) Мэри сейчас нет. В случае инферентива, связь между этими событиями интерпретируется наоборот: говорящий знает, что Мэри в некоторый момент покинула определенное место, потому что ее сейчас нет. Подобным образом, В. Бёдер анализирует переход из результата в косвенную засвидетельствованность как субъективизацию внутренней причины (internal causation) (Boeder 2000: 310–312).¹⁴

Иными словами, подчеркивая результат некоторого действия, результативы и перфекты могут имплицировать, что у говорящего на глазах был именно результат или следствие, а предшествующее действие он, наоборот, не наблюдал. Такой оттенок не уникален для языков эвиденциального пояса, инферентивное значение перфекта также представлено, например, в шведском языке (Dahl 1985: 152–153). Оно также может

¹⁴ Внутренней причиной в ситуации *Mary is gone*, является «Мэри нет, *потому что* она ушла» (в отличие, например, от «Мэри нет, *потому что* она болеет»): X потому что Y. В случае косвенной засвидетельствованности это осмысливается следующим образом: X, потому что есть свидетельство Y, из которого следует X (Boeder 2000: 311).

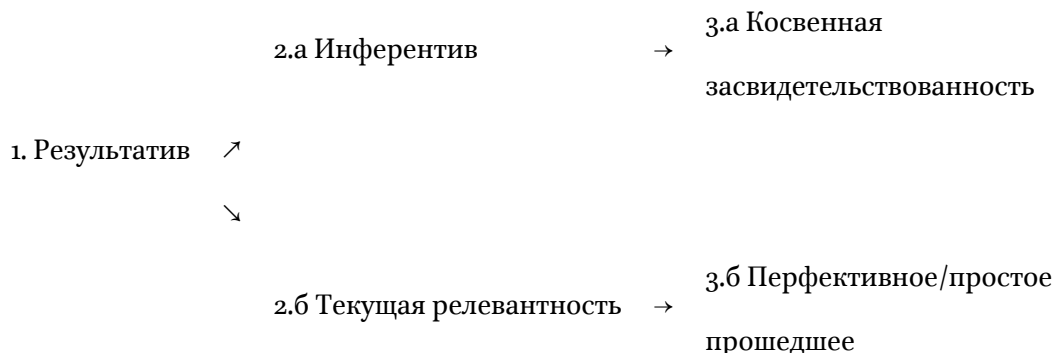
возникать в английском и в других языках, где значение косвенной засвидетельствованности у перфекта в принципе отсутствует. Вслед за конвенционализацией инферентивного значения форма может расширить свои контексты употребления на ситуации, где в момент речи результат или последствия не наблюдаются. В этом случае у формы появляется значение того, что событие целиком произошло вне поля зрения говорящего, так что он (скорее всего) знает про него с чужих слов - т.е. значение репортатива.¹⁵ Параллельно семантическому обобщению форма утрачивает морфосинтаксические ограничения, связанные с исходной конструкцией. Важным показателем для перфектов в этом плане является использование в НАРРАТИВНЫХ ЦЕПОЧКАХ (narrative sequences). Прототипичный ТР-перфект (в отличие от разных других видо-временных форм) не может использоваться в качестве главной формы в цепочке клауз (или предложений), которые передают последовательность событий (Lindstedt 2000: 371), см. также (Ritz 2012: 897–899).

Остается не совсем ясным, из какого исходного значения вытекает импликатура, что говорящий не наблюдал действие, которое привело к результату: непосредственно из узкого результатива, или через ТР. В рисунке 1.2 представлена схема, адаптированная из (Bybee, Perkins & Pagliuca 1994: 105), согласно которой инферентивное значение происходит непосредственно из результатива, а ТР представляет собой отдельный путь развития.

---

¹⁵Интересно отметить, что, как и в описанном процессе грамматикализации, в детской речи у эвиденциальных форм сначала появляется инферентивное употребление, и лишь потом репортативное. Это происходит одинаково как в языках с формой косвенной засвидетельствованности, которая в зависимости от контекста используется как инферентив или репортатив (например, в турецком), так и в языках, где есть специализированные морфемы для инферентива и репортатива (например, в кечуа) (Fitneva 2018: 191) Семантика вида при наличии осваивается еще до этого (Aksu-koç 1988: 194–195).

Рис. 1.2: Развитие из результата в ТР или эвиденциальность по [Bybee et al. 1994: 105]

На материале трех нахско-дагестанских языков С.Г. Татевосов предположил, что перфекты со значением инферентива или косвенной засвидетельствованности сначала должны пройти стадию ТР. Эта гипотеза опиралась на наблюдение, согласно которому в этих языках перфекты, выражающие узко-результативное и эвиденциальные значения, в определенных прагматических контекстах тоже могут выражать ТР (Tatevosov 2001: 460–462). Перфект в арчинском языке при этом сочетает эвиденциальное значение именно с ТР, а результатив выражается отдельной конструкцией. С другой стороны, по Татевосову, не засвидетельствованы языки, в которых результатив сочетается в одной форме с косвенной засвидетельствованностью, но не сочетается с ТР (Tatevosov 2001: 460–462). Согласно О.И. Беляеву, однако, в ширинском даргинском имеются две формы, похожие на перфект, одна из которых выражает только узкий результатив и эвиденциальность, тогда как другая является специализированной формой ТР (Belyaev 2018). Соответственно, Беляев считает, что развитие от результата в эвиденциальность необязательно проходит через стадию ТР, хотя в отсутствие прямых диахронических данных сложно доказать, что отсутствие значения ТР у ширинской формы не является результатом утраты. В любом случае, мы согласны с С.Г. Татевосовым, что переход от результата в эвиденциальность без посредства ТР не очень вероятен, хотя и на несколько других основаниях: процессы грамматикализации, как правило, проходят через некоторую промежуточную стадию функциональной неоднозначности (Diewald 2006). Когда исходный, узкий результатив расширяет

свое употребление на новые морфосинтаксические контексты, а эвиденциальное значение еще не окончательно грамматикализовано, семантика ТР — естественный побочный эффект в определенных ситуациях.

Как было отмечено в начале настоящего раздела, перфект как типологическая категория часто отождествляется с семантикой ТР. Однако в нахско-дагестанских языках мы находим формы, которые называются перфектами, но главной функцией которых считается выражение косвенной засвидетельствованности (например, в даргинском и багвалинском языках в анализе Татевосова (Tatevosov 2001: 446)). С другой стороны, есть форм, для которых описаны значения узкого результата и косвенной засвидетельствованности, а отличной от результата семантики ТР не описано. Засвидетельствованы формы, для которых результативное и перфектное употребления ограничиваются предельными предикатами: когда форма такого "перфекта" образуется от неопредельного предиката, она интерпретируется как эвиденциальная. В связи с этим в настоящей работе мы используем для обозначения нахско-дагестанских глагольных форм, похожих на перфект, но которые необязательно имеют ТР как главное значение, термин ПЕРФЕКТОИД. Термин «перфектоид» впервые использован В.А. Плунгяном для обозначения эвиденциальных перфектов и результативов в языках эвиденциального пояса (Плунгян 2016: 14–15). Поскольку этот термин одновременно подчеркивает и сходство, и отличие от прототипических перфектов, мы считаем его подходящим для обозначения предмета настоящего исследования. Критерии, которые мы использовали для классификации конкретных форм как перфектоидов, изложены в разделе 2.2.1.

Формы косвенной засвидетельствованности, помимо собственно эвиденциальных значений, могут приобретать дополнительные смысловые оттенки, связанные с оценкой достоверности информации говорящим (категория ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ (Boye 2012: 1–6)) или со статусом информации как новой или неожиданной для говорящего и/или адресата (МИРАТИВНОСТЬ (DeLancey 1997: 36)). Эти оттенки также могут грамматикализировываться.

В анализе В. Фридмана, например, главная функция эвиденциальных перфектов в

балканских славянских языках определяется как указание на то, что говорящий не ручается за достоверность или правдивость передаваемой информации (Friedman 1986: 185–186).¹⁶ Формы аориста и имперфекта, наоборот, указывают на то, что говорящий ручается за передаваемую информацию. По мнению В. Фридмана, говорящие часто не ручаются за такую информацию, которая была получена каким-то косвенным образом. Как результат, формы перфекта часто встречаются в контекстах, где говорящий не был свидетелем событий. В.А. Плунгян объясняет ассоциацию между источником информации (прямой / не прямой) и оценкой достоверности (более / менее высокая) культурными стереотипами, которые, по имеющимся типологическим свидетельствам, не являются универсальными (Plungian 2001: 354). Отношения между категориями эвиденциальности и эпистемической модальности — сложная и активно изучаемая тема (см., например, обсуждение актуальных подходов и проблем в недавнем обзоре (Wiemer 2018)). В настоящей работе мы исходим из того, что эвиденциальность и эпистемическая модальность являются различными, но функционально близкими категориями, и часто (но необязательно!) оказывается переплетены между собой.

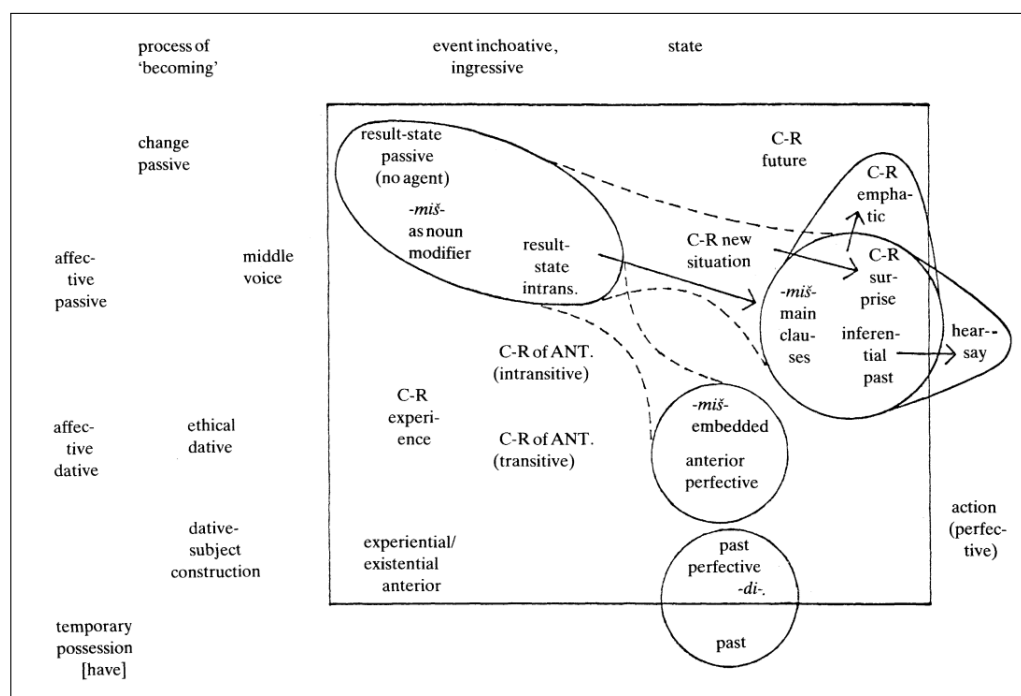
Относительно значения миративности существует активная полемика о том, следует ли ее считать отдельной грамматической категорией и являются ли формы, характеризующиеся как миративные, действительно грамматически миративными.¹⁷ По крайней мере описаны специализированные показатели неожиданной информации, например, частица *q'al* в даргинском языке (Tatevosov 2001: 453–454), поэтому мы допускаем, что такая категория действительно существует.

¹⁶ На наш взгляд, эту функцию можно рассматривать как пример эпистемической модальности, хотя сам Фридман предпочитает использовать термин «(не)конфирмативность».

¹⁷ Ср. названия некоторых статей по теме: *Mirativity: the grammatical marking of unexpected information* (DeLancey 1997), *Mirativity, evidentiality, mediativity, or other?* (Lazard 1999), *Still mirative after all these years* (DeLancey 2012), «*Mirativity*» *does not exist: hdug in «Lhasa» Tibetan and other suspects* (Hill 2012), *Didn't you know? Mirativity does exist!* (Hengeveld & Olbertz 2012), *Perhaps mirativity is phlogiston, but admirativity is perfect: On Balkan evidential strategies* (Friedman 2014).

Рис. 1.3: Семантическая карта турецкого «перфекта» на -mİŝ (Anderson 1982: 234)

Согласно Айхенвальд, миративное «расширение» показателей косвенной засвидетельствованности часто восходит к инферентиву (Aikhenvald 2004: 195), связанному с моментом обнаружения ситуации. Для эвиденциальных перфектов это необязательно так. Напомним, что среди частных значений ТР имеется НЕДАВНЕЕ ПРОШЕДШЕЕ, (или, по (McCawley 1971), «перфект горячих новостей»), которое употребляется для передачи новой информации с оттенком удивления. Рисунок 1.3 представляет собой семантическую карту перфекта как типологической категории, на которой обведены употребления турецкого суффикса *-mİŝ* (Anderson 1982: 234). Турецкий суффикс *-mİŝ* чаще всего анализируется как показатель косвенно засвидетельствованного прошедшего, но он также может выражать и неожиданную ситуацию и восходит к перфектной форме (Slobin & Aksu-Koç 1982: 188–190). На карте Андерсона, миративное значение (C-R surprise) восходит именно к перфекту недавнего прошедшего (C-R new situation), якобы утраченному в турецком языке.

Ж. Лазар предлагал термин МЕДИАТИВ для форм, сочетающих эвиденциальную и миративную семантику (опираясь в основном на данные персидского и других иран-

ских языков) (Lazard 1956). По мнению Лазара, значения инферентива, репортатива и миратива связывает более абстрактное значение отстранения, дистанцирования говорящего от передаваемой им самим информации. (Подобное рассуждение встречается в (Maisak & Tatevosov 2007) в связи с данными цахурского языка нахско-дагестанской семьи.)

«Speakers are somehow split into two persons, the one who speaks and the one who has heard or infers or perceives. This Operation distances them from their own discourse, whereas in neutral expression they adhere to their own discourse by virtue of the very laws of linguistic intercourse. The real value of the forms in question is this abstract distance, not any consideration of the nature of the source of the speaker's knowledge of the facts.»

(Lazard 1999: 95)

Такое отстранение в турецком языке анализируется как «прагматический эффект» собственно эвиденциального значения в (Slobin & Aksu-Koç 1986: 162–163). Юхансон называет главной функцией таких форм в языках тюркской семьи «to express the establishment of the event through the awareness of a conscious mind» (Johanson 2000: 71). В зависимости от контекста, эта опосредованность наблюдателя приобретает самые разные конкретные прочтения. Стоит, однако, отметить, что употребление рассматриваемых форм в тюркских языках по мнению авторов при этом не связано с уверенностью говорящего в достоверности передаваемой информации, как в балканских славянских языках в анализе Фридмана.

Несмотря на то, что ярлык эвиденциальность многими считается не совсем подходящим для форм, типичных для эвиденциального пояса, большинство авторов (включая тех, кто предлагает альтернативные термины), причисляют эти формы к эвиденциальности как типологической категории, хотя и оговариваются, что значение этих форм на самом деле шире, чем простая оппозиция прямой и не прямой эвиденциальности. Судя по описаниям, полисемия, ассоциированная с этими формами,

демонстрирует весьма разнообразные конфигурации в отдельных языках, а вопрос о том, как можно оценить их семантику в сравнительной перспективе, остается нерешенным. На фоне различных интерпретаций эвиденциальных перфектов в речи наиболее стабильным контекстом употребления нам представляется нарративный текст, поскольку значения ТР и миративности нехарактерны для описания последовательных событий и не усугубляют проблем теоретической интерпретации перфектоидов. Особенности употребления перфектоидов и форм косвенной засвидетельствованности в нарративе обсуждаются подробнее в разделе 3.

Глава 2

Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках

2.1 Нахско-дагестанские языки

Нахско-дагестанские языки составляют семью из по крайней мере 29 языков, на которых говорят на относительно маленькой территории на восточном Кавказе (оттуда альтернативное название «восточно-кавказская семья», распространенное в англоязычной литературе), см. рисунок 2.1 на странице 41. Полного консенсуса по поводу различия языков и диалектов и их генетического ветвления внутри семьи нет, однако можно по крайней мере различать языки и группы, представленные в таблице 2.1.¹

В таблице подчеркиванием выделены языки с существующей и официально принятой практической орфографией, а жирным шрифтом выделены наиболее крупные языки, имеющие письменную традицию. В последние годы, вслед за появлением описаний ранее малоизученных или неизученных идиомов даргинского, распространилось мнение, что некоторые варианты даргинского, ранее классифицируемые как диа-

---

¹Представление основано на схеме в (van den Berg 2005: 182) с тем отличием, что как отдельные ветви выделяются лакский и даргинский (у (van den Berg 2005) составляющие одну группу) и хиналугский, который раньше относили к лезгинской группе, см. (Алексеев 1985) и (Nichols 2003: 207).

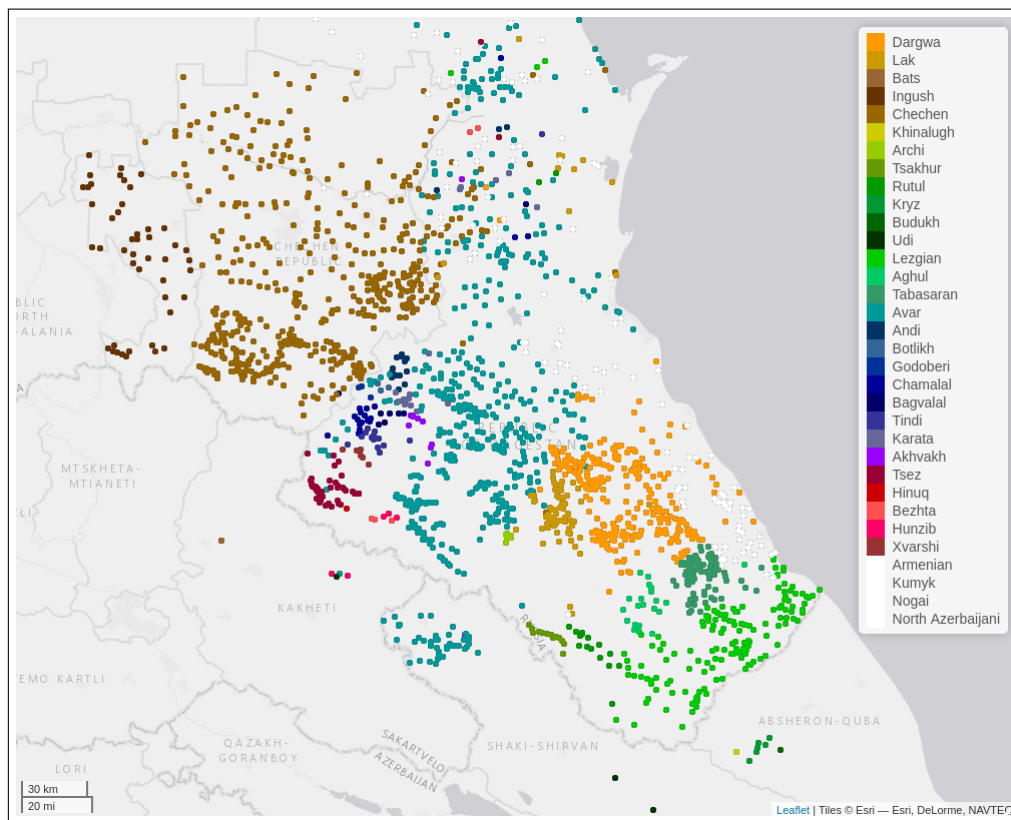
Таблица 2.1: Генеалогические группы нахско-дагестанских языков

Группа	Языки
нахская	<u>чеченский</u> , <u>ингушский</u> , бацбийский
аварская	<u>аварский</u>
андийская	андийский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, ботлихский, годоберинский, чамалинский, каратинский
цезская	цезский, гинухский, хваршинский, бежтинский, гунзибский
лакская	<u>лакский</u>
даргинская	<u>даргинский</u>
лезгинская	<u>лезгинский</u> , табасаранский, агульский, цахурский, рутульский, будухский, крызский, арчинский, <u>удинский</u>
хиналугская	хиналугский

лекты, правильнее считать отдельными языками внутри даргинской группы, поскольку они сильно отличаются как друг от друга, так и от литературного даргинского языка и не являются взаимопонимаемыми; ср., например, дерево в (Коряков 2006: 21), где в даргинской группе выделено 11 языков. Ю.Б. Коряков пишет, что даргинская группа или ветвь включает «по последним оценкам до 17 языков» (Коряков 2006: 11). В настоящей работе мы для простоты придерживаемся традиционной классификации, но указываем название конкретного даргинского идиома, из которого приводится пример. Рисунок 2.1 показывает географическое распределение сел, в которых говорят на определенных языках.² Языки, не относящиеся к нахско-дагестанской семье, закрашены белым цветом. Как видно, в целом генеалогические группы образуют кластеры точек на карте. Исключением является северо-восток Дагестана, лингвистически смешанный регион, населенный переселенцами из других местностей относительно недавно.

²Данные доступны по ссылке: https://github.com/sverhees/master_villages. Используемая версия: 04.04.2019. Стоит иметь в виду, что на карте не изображены города, и не отражается существование сел со смешанным этническим составом. Село Ботлих, например, закрашено цветом ботлихского языка, поскольку исторически село является моноэтническим, ботлихским селом, хотя на настоящий момент собственно ботлихцы представляют лишь около половины населения села; остальные жители — аварцы и представители разных андийских народов, которые переселились в Ботлих из окружающих сел относительно недавно.

Рис. 2.1: Нахско-дагестанские языки по селам

Большинство населенных пунктов, говорящих на языках семьи, находится в одной из четырех кавказских республик: Чечня, Ингушетия, Дагестан и Азербайджан. Некоторые языки и диалекты находятся за пределами России в соседних государствах, например бацбийский язык в Грузии, и хиналугский, закатальский аварский и несколько лезгинских языков на севере Азербайджана. На удинском языке говорят в Грузии и в Азербайджане. В разных странах имеются дагестанские диаспоры, например, в Турции с 19-го века проживает лезгинское сообщество (Moog 1985). В Турции и Иордании имеются чеченские и ингушские диаспоры, возникшие в результате депортаций после Кавказской войны (Nichols 2011: 4).

На территории Восточного Кавказа по соседству с носителями нахско-дагестанских языков живут носители кумыкского, ногойского и азербайджанского языков тюркской семьи, грузинского языка картвельской семьи, осетинского и татского языков индоиранской семьи. В Дагестане до сих пор присутствует ар-

мянская диаспора, см. исторические переписи в (Dobrushina, Staferova & Belokon 2017), которые отчасти переселились в период до Кавказской войны (подробнее об этом в (Магомедханов & Мусаева 2015)). Во всех трёх республиках представлены и русские, хотя на северо-восточном Кавказе их относительно мало по сравнению с другими национальными республиками, где русские по численности преобладают над коренными народами (как, например, в Республике Коми), и проживают они почти исключительно в городах.³

Нахско-дагестанская семья считается одной из трёх коренных языковых семей Кавказа, помимо западно-кавказской (или абхазо-адыгской) и южно-кавказской (или картвельской) семей. Предполагается, что предки нахско-дагестанских народов изначально жили на юге от Главного Кавказского Хребта, а именно в центрально-восточной части Закавказья (Schulze 2013: 317), откуда они постепенно распространились по нынешней территории. Высокогорный Дагестан при этом был населен уже в конце раннего неолитического периода (примерно 7500 – 7000 лет назад);⁴ в раскопках на территории селения Чох (Гунибский район) были найдены остатки зерновых культур, таких как пшеницы и ячменя (Амирханов 1987). Названия некоторых злаков можно реконструировать для нахско-дагестанского праязыка, датировка которого варьирует от 5000 (Коряков 2006: 21) до 6000-8000 лет (Nichols 2019), что подтверждает древность семьи и их проживания на данной территории.

В разные периоды на нахско-дагестанские языки влияли разные соседние и внешние языки. Северо-восточный Кавказ входил в состав Персидской империи во время государства Сасанидов, т.е. с III по VII век (Атаев и др. 1967: 121). Язык империи был среднеперсидский, и в современных нахско-дагестанских языках отмечены заимствования, которые связывают именно со среднеперсидским периодом, например: *warani* ‘верблюды’ в бежтинском языке (Comrie & Khalilov 2009a). После того как сасанидов сменили тюрки-хазары, персидский язык влиял уже как более отдаленный, но все еще

³По данным Всероссийской переписи населения 2010-го года (ФСГС 2010).

⁴В разных местах в Дагестане были найдены и следы первобытного человека ашельского и мустьерского периодов нижнего и среднего палеолита (Атаев и др. 1967: 12–13).

важный культурный язык, особенно на юге региона. В лезгинских языках отмечается использование персидских грамматических элементов, например, употребление комплементаризера *ki* в удинском (Ландер 2014), в хиналутском (Daniel 2013) и других языках. Впрочем, те же единицы встречаем и в азербайджанском языке, который сильно влиял на языки южного Дагестана и на который персидский в своей очереди оказывал большое влияние, см. базу данных о заимствованной из тюркских языков морфологии в нахско-дагестанских языках (Aristova 2019). Можно предполагать, что персидское влияние было в значительной степени опосредовано азербайджанского языка.

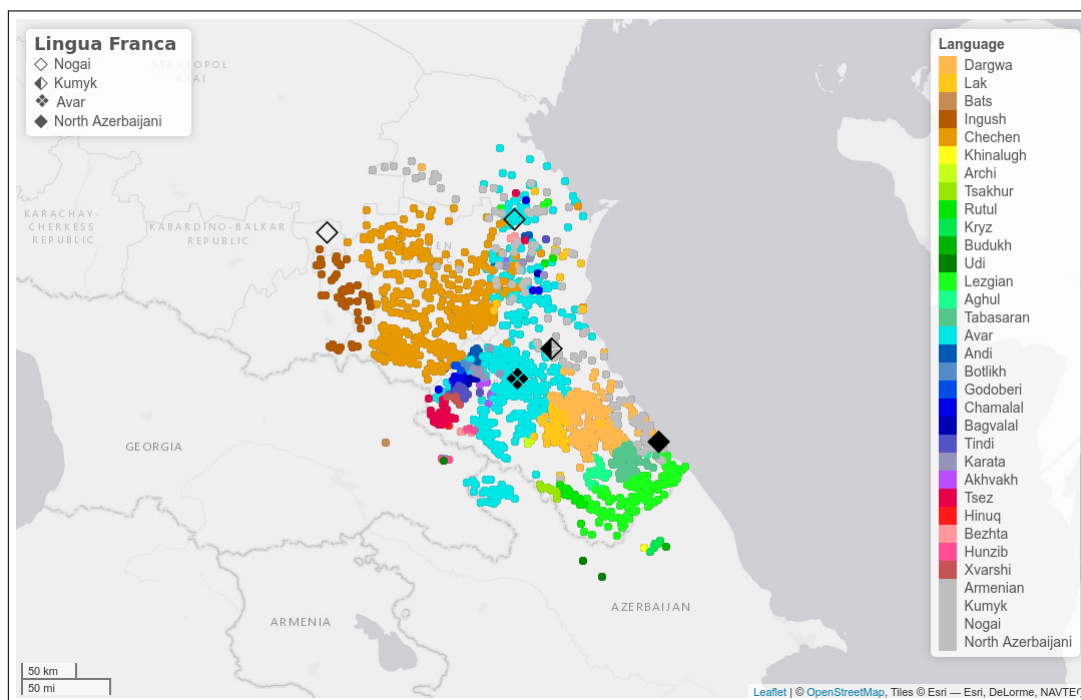
Огузы (предки, в частности, современных турков и азербайджанцев) появились на территории Азербайджана примерно в X веке, во время сельджукской экспансии (Johanson 2006: 162–166). Собственно азербайджанский язык сформировался позже, на основе кыпчакских и огузских языков, но «с преобладанием огузских элементов» (Ширалиев 1958: 78). На юге Дагестана азербайджанский служил языком межэтнического общения, и до сих пор многие носители лезгинских языков владеют, помимо родного и русского языков, также и азербайджанским, см. данные в (Dobrushina, Staferova & Belokon 2017). В других регионах Восточного Кавказа роль лингва франка выполняли аварский, кумыкский и ногайский языки (Chirikba 2008: 72–74).

Кыпчаки, предки современных кумыков, появились на Северном Кавказе в XI веке (Пиотровский 1988: 148). Ногайцы (другой кыпчакский народ) появились в регионе намного позже, согласно Л. Йухансон после распада Золотой Орды в XIII веке (Johanson 2006: 162–166). На территории Дагестана и современных Чечни и Ингушетии кыпчаки селились в основном на равнине, где играли важную роль в торговых отношениях. Р. Виксман называет пять важных торговых центров и языки, на которых там преимущественно говорили: Моздок (ногайский), Кизляр (ногайский), Буйнакс (кумыкский), Хунзах (аварский) и Дербент (азербайджанский) (Wixman 1980: 58–59), см. рисунок 2.2. Эти «рыночные языки» представляют собой языки, которые носители разных нахско-дагестанских языков в первую очередь усваивали в качестве второго языка, причем не только на базаре, но и во ходе отходничества, сезонных миграций с гор на равнину

(см. подробное описание миграционных процессов в Дагестане в (Карпов & Капустина 2011: 30–39)).

Рис. 2.2: Нахско-дагестанские языки по селам и языки рынков

Важным внешним языком для Восточного Кавказа является арабский. В конце VII века арабы захватили Дербент и начали миссионерскую деятельность на Северном Кавказе. Арабский халифат просуществовал недолго, но процесс исламизации продолжался и был завершён в XV веке.

В период исламизации появляются первые письменности для нахско-дагестанских языков на основе арабского алфавита. Исламская культура и письменность открыли для нахско-дагестанских народов литературу других мусульманских стран (З. Магомедова 2017: 150). Некоторые мотивы местного фольклора находят параллели в тюркских, иранских и других языках. Сказки часто начинаются с устойчивой формулы «было, не было», которую находим и в персидском, тюркских и балканских языках (Friedman 2000: 355–356). Также широко встречаются анекдоты про Моллу (или Ходжу) Насреддина и другие распространенные на Востоке фольклорные мотивы. В (Аджиев 1991а) отмечается, что влияние арабской исламской культуры

на местную литературу и фольклор сильнее всего проявляется на юге Дагестана, с центром вокруг Дербента, а к северо-западу уменьшается. В противоположную сторону идет распространение домусульманских элементов, таких как, например, истории про нартов, которые представлены в том числе у чеченцев (Jaimoukha 2005: 213–215), аварцев и кумыков, тогда как на юге они отсутствуют вовсе (Аджиев 1991b: 19). Влияние собственно арабского языка прослеживается преимущественно в лексике. Большинство терминов, связанных в первую очередь с религией, но также с политикой, философией и наукой имеют арабское происхождение, ср. например (Chumakina 2009), (Comrie & Khalilov 2009b).

Помимо арабского роль престижного внешнего языка выполняет русский язык, хотя он появился на Кавказе относительно недавно. Значительное влияние русского языка начинается только в двадцатые – тридцатые годов XX века, с создания советских школ и внедрения обязательного школьного образования (Dobrushina, Kozhukhar & Moroz 2019). Изначально русским владели в основном мужчины, которые служили в армии или работали на государственных или административных должностях (*ibid.*), но по мере урбанизации и развития школьной системы (четырёхлетние школы постепенно заменяли на восьмилетние, потом на десятилетние, становилось более приемлемым отпускать в школу девочек) русский за относительно короткий период стал первым единым лингва франка для всего региона. В Дагестане появился собственный, дагестанский вариант русского языка, некоторые особенные свойства которого обсуждаются в (Daniel, Knyazev & Dobrushina 2010). Влияние русского языка на местные языки проявляется в основном в лексике, в терминологических заимствованиях, связанных с распространением современных технологий. Влияние грузинского и армянского языков, крупных соседей со старой литературной традицией, тоже засвидетельствовано, но оно изучено в основном по отношению к тем нескольким языкам, на которые они оказали особенно большое влияние, например цезские, бацбийский и удинский языки. Их влияние на другие нахско-дагестанские языки, по-видимому, ограничено.

Нахско-дагестанские языки подвергались влиянию не только внешних, нерод-

ственных языков. В Дагестане традиционно было распространено соседское многоязычие, при котором носители владели несколькими (до пяти) местными языками (считая языки тюркских соседей), которые они осваивали в ходе торговли и сезонных работ, связанных, в том числе, со скотоводческими практиками. Про конкретные паттерны традиционного соседского многоязычия в целом в Дагестане мало что известно абсолютно достоверно. Первая попытка к систематическому изучению паттернов многоязычия была предпринята только недавно, см. *Атлас многоязычия в Дагестане* (Dobrushina, Staferova & Belokon 2017) и описание проекта в (Добрушина 2011). Данные Атласа в основном описывают ситуацию в рамках временного периода от конца XIX века до сегодняшнего дня. Соседское многоязычие при этом практически исчезло: как показывают (Dobrushina, Kozhukhar & Moroz 2019), знание соседних и местных языков у молодых дагестанцев по сравнению со старшими поколениями очень ограничено. Среди местных языков особое место занимает аварский язык, который служил языком межэтнического общения для носителей цезских, андийских и нескольких других ареально близких языков и который до сих пор преподается в школе в качестве «родного языка» носителям бесписьменных языков. В связи с этим статусом аварский язык сильно влиял на эти языки, что отражается в многочисленных заимствованиях (см., например, подробнее о языковых контактах конкретно андийцев с аварским языком в (Халидова 2006)). Литературный даргинский язык (который основан на акушинского диалекта) служит такого рода «родным языком» для носителей разных даргинских идиомов, которые могут сильно отличаться от акушинского.

Выше изложенный обзор, естественно, представляет некоторое упрощение ситуации многоязычия на Восточном Кавказе. Хотя влияние рыночных языков в основном концентрировалось в определенных регионах, границы не абсолютны, и точных данных о том, где говорили на каких языках и каким типом многоязычия они характеризовались (только пассивное, активное и активное, свободное владение и т.д.), пока очень мало. При этом русский язык в качестве общего лингва франка с большой скоростью уничтожает следы старых паттернов (Dobrushina, Kozhukhar & Moroz 2019).

Для настоящего исследования важно, что, хотя систематическое исследование конвергенции нахско-дагестанских языков с местными тюркскими языками остается задачей будущего, данные отдельных работ в целом подтверждают то, что влияние разных тюркских языков отмечено в определенных ареалах и что азербайджанский на юге влиял сильнее чем кумыкский и ногойский на севере и в центральном Дагестане. При этом в кумыкском языке отмечается обратное влияние нахско-дагестанских языков (см., например, (Селимова 2016) о нахско-дагестанских заимствованиях в кумыкском языке), что также указывает на несколько иной статус кумыкского языка по сравнению с азербайджанским.

Для нас важны именно контакты с тюркскими языками, поскольку эвиденциальность как часть видо-временной системы — считается древним признаком тюркской грамматики (Friedman 2018: 127), тогда как в русском и арабском языках она отсутствует. В грузинском и армянском, влияние которых ограничивается в основном языками, находящимися с ними в непосредственном соседстве, категория вероятно появилась под влиянием тюркских языков и обладает разной степенью грамматикализованности, см. обсуждение в (Boeder 2000), (Kozintseva 2000) и (Donabédian 2001). Стоит отметить, что категория эвиденциальности также присутствует в персидском языке. Согласно Й. Сопер, эвиденциальное значение персидского перфекта в целом представляет собой периферийный элемент глагольной парадигмы, который, вероятно, заимствован из азербайджанского или турецкого языка (Soper 1987: 356–358). Впрочем, насколько нам известно, вопрос о происхождении именно эвиденциальной функции персидского перфекта не был изучен подробно.

2.2 Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках

Нахско-дагестанские языки — языки эргативного строя (субъект переходных глаголов кодируется эргативным падежом, а объект переходных и субъект непереходных глаголов — абсолютивом, который имеет нулевое маркирование), с преимуществен-

но суффиксальной, агглютинативной морфологией, хотя и в именной, и в глагольной парадигме встречаются элементы флексии. Для языков характерны богатые словоизменительные парадигмы, см. (А. Kibrik 2003) об именной морфологии и (Forker 2018b) о глагольной. Глагольная парадигма состоит из синтетических и аналитических форм. При этом аналитических форм обычно намного больше, чем синтетических, причем последние и сами часто имеют прозрачное аналитическое происхождение (*ibid.*). В качестве вспомогательного глагола используются связки, бытийные и другие глаголы. Глаголы согласуются по роду.⁵ При наличии согласовательного слота глаголы согласуются с абсолютным аргументом. Чаще всего согласовательный слот является префиксальным, но встречаются и показатели в инфиксальной позиции. Наличие слотов для согласования варьируется. В даргинском большая часть глаголов обладает слотом для классного согласования, ср. (Сумбатова 2010), тогда как в андийском языке «согласуемые глаголы» составляют скорее меньшинство глагольного лексикона.

Во многих языках у глаголов выделяются перфективные, имперфективные и некоторые другие виды основ, которые определяют их возможные сочетания с словоизменительными аффиксами (van den Berg 2005: 165–170). Временные формы часто совмещают временное и видовое значение (например, настоящее прогрессивное или прошедшее завершённое). Другие наклонения кроме изъявительного включают в себя императив, юссив (императив третьего лица — «пусть он(а) сделает»), см. (Dobrushina 2012), и гортатив (императив первого лица), прохибитив, и оптатив. Также отмечены эвиденциальность (о которой подробнее ниже), модальность и миративность. Таксисные отношения между клаузами выражаются преимущественно конвербами, которые используются как для подчинения, так и для сочинения клауз (Кибрик 2007). Часто встречаются цепочки конвербных клауз в нарративах, так называемое *clause chaining*, ср. (Nedjalkov 1995), (Nichols & Peterson 2010). При этом распространён синкретизм финитных и нефинитных форм. Формы с нефинитными функциями, такие как причастия, конвербы и масдары (номинализированные глаголы) нередко способны выпол-

---

⁵В литературе чаще всего используется слово «класс», см. обсуждение употребления терминов в (van den Berg 2005: 155).

нять роль главного предиката, см. (Kalinina & Sumbatova 2007), (Kazenin & Testelels 2004), (Creissels 2009). Немаркированный порядок слов — SOV. Порядок этот однако не строгий, и им можно манипулировать для организации информационной структуры (Belyaev & Forker 2016). Другие дискурсивные и некоторые синтаксические функции, включая подчинение, сочинение и, например, вопросительность, выполняют многочисленные частицы и клитики.

Эвиденциальность в грамматике нахско-дагестанских языков является относительно новой, периферийной категорией, согласно (Maisak & Authier 2011: ix). Во многих случаях, формы находятся еще на пути к грамматикализации, а их источники часто вполне очевидны. Тем не менее, категория так или иначе представлена почти во всех языках семьи, и нахско-дагестанские языки часто упоминаются в типологических обзорах эвиденциальности. Эвиденциальность в основном выражается на главном предикате предложения в форме самого глагола или вспомогательного глагола или клитикой. Различаются следующие способы выражения эвиденциальности (см. также подробный обзор в (Forker 2018a)):

- Формы глагола наподобие перфекта / косвенная засвидетельствованность
- Общие прошедшие / прямая засвидетельствованность
- Вспомогательные глаголы / разные значения
- Частицы / репортатив, инферентив, косвенная засвидетельствованность

Эвиденциальные формы в нахско-дагестанских языках впервые были отмечены относительно рано, еще до появления типологической литературы о категории: они упоминаются уже в работах П.К. Услара в конце 19-го века, см. например обсуждение частицы *ila* и заглазные временные формы глагола в грамматике аварского языка (Услар 1889). Заглазные формы прошедшего времени отмечаются и во многих грамматиках и очерках советского периода, например, в грамматиках чамалинского языка (Бокарёв 1949а), гагатлинского диалекта андийского языка (Салимов 2010 (1968)), и

бацбийского языка (Дешериев 1953). Термин «перфект» в данный период встречается реже; исключениями являются, например, работы (Tsertsvadze 1965), (Кибрик, Кодзасов & Оловянного 1972) и некоторых других исследователей. С конца 20-го / начала 21-го веков он становится общепринятым и в дескриптивной литературе.

Подробное изучение семантики этих форм началось лишь 20-30 лет назад, когда авторы грамматик стали уделять больше внимания вопросам семантики и синтаксиса грамматических форм (см. грамматики годоберинского (Kibrik, Tatevosov & Eulenberg 1996), цахурского (Кибрик & Тестелец 1999), багвалинского (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001), ицаринского даргинского (Sumbatova & Mutalov 2003), ингушского (Nichols 2011), гинухского (Forker 2013) и тантынского даргинского (Сумбатова & Ландер 2016) языков). Появились отдельные исследования, посвященные перфектным формам и эвиденциальности в следующих языках: андийский (А. А. Kibrik 1985), цахурский (Татевосов & Майсак 1999а); (Maisak & Tatevosov 2007), багвалинский (Tatevosov 2003, Татевосов 2007), багвалинский, арчинский и (кубачинский / ицаринский) даргинский (Tatevosov 2001), агульский (Майсак & Мерданова 2002), лакский (Friedman 2007), цезский (Comrie & Polinsky 2007), цезские языки в целом (Khalilova 2011), чеченский (Molochieva 2010), гинухский (Forker 2014), рутульский (Ферхеес 2017), лезгинский (Greed 2017), ширинский даргинский с учетом других вариантов даргинского (Belyaev 2018), аварский (Forker 2018с), ахвахский (Creissels 2018), удинский (Maisak 2018) и лезгинские языки (Maisak 2019). Первый обзор категории эвиденциальности в нахско-дагестанских языках вышел в свет в 2018-м году (Forker 2018а).

Хотя в большинстве нахско-дагестанских языков категория эвиденциальности в целом считается слабо грамматикализованной и периферийной, она очень заметна: сведения о ней имеются даже в кратких описаниях, и в работах из периода когда сам термин эвиденциальность еще не был принят в типологии. Мы предполагаем, что ранние исследователи обнаружили категорию благодаря мета-комментариям носителей. В (Nichols 2011: 234) отмечается, что носители ингушского языка отчетливо ощущают и комментируют эвиденциальную семантику глагольных форм. Впрочем, это может

варьироваться в зависимости от языка: по данным нашей работы с аварским языком и различными диалектами андийского языка, эвиденциальная семантика осознается разными носителями в разной степени (подробнее об этом в разделе 3.1.1).

2.2.1 Перфектоиды

Формы, похожие на перфект, обнаруживаются во всех современных нахско-дагестанских языках, рассматриваемых нами. Вместе с формально и семантически менее маркированной формой прошедшего времени (например Аорист, Претерит или Простое Прошедшее) они составляют ядро системы прошедшего времени в этих языках. Типологически, перфекты ассоциируются с семантикой текущей релевантности (*current relevance*) — действие совершилось в прошлом, но его последствия в том или ином смысле актуальны на момент речи. Как обсуждалось в разделе 1.2.1, текущая релевантность — обобщенный ярлык, включающий несколько более частных значений. В описаниях нахско-дагестанских языков (за некоторыми исключениями, перечисленными в разделе 2.2) чаще всего встречается только результативная функция, причем результатив в узком смысле и результативный перфект не различаются (см. разделы 2.2.1.2.1 и 2.2.1.2.2). Это затрудняет типологическую атрибуцию данных форм, поскольку узкий результатив представляет собой более ограниченную конструкцию и более ранний этап в развитии, тогда как результативный перфект представляет следующий этап грамматикализации. Хотя, по нашим данным в нахско-дагестанских языках так или иначе представлены все возможные значения текущей релевантности, остается неизвестным, насколько распространены некоторые из них.

Помимо различных значений текущей релевантности отмечено значение косвенной засвидетельствованности — говорящий не был свидетелем события, о котором он рассказывает. Для цахурского и лакского языков описана более сложная эпистемическая семантика, обозначающая отстранение говорящего от передаваемой информации. Оно напоминает определение медиатива, предложенное Ж. Лазаром (см. обсуждение проблем с терминологией в разделе 1.2.1). Часто, но необязательно, такое упо-

требление совпадает с контекстами, в которых говорящий сам не был свидетелем событий, ср. (Friedman 2000), (Maisak & Tatevosov 2007). Подобное значение пока описано только для двух языков, причем сами описания плохо сопоставимы. В настоящей работе мы рассматриваем эти формы как «эвиденциальные», хотя допускаем возможность, что они имеют более сложную семантику. Попытка сопоставительного анализа форм, которые по-разному характеризуются в литературе, представлена в третьей главе диссертации.

В настоящем разделе сперва мы сравниваем имеющиеся в литературе сведения о всех перефектоподобных, или «перфектоидных», формах, представленных в нахско-дагестанских языках. В разделе 1.2.1 (ст. 35) мы определили термин «перфектоид» как удобный собирательный термин для «совокупности нахско-дагестанских глагольных форм, похожих на перфект, но которые необязательно имеют ТР (т.е. текущую релевантность) как главное значение». Похожими на перфект мы в первую очередь считаем те формы видо-временной парадигмы, которые имеют функцию результата, текущей релевантности, или заглазного прошедшего (т.е. значение косвенной засвидетельствованности в прошедшем). На втором этапе мы постарались выявить те формы, которые действительно имеют перфектное или результативное происхождение.

Стоит иметь в виду, что в более старых описаниях некоторых языков глагольные формы классифицируются с помощью современных им ярлыков как «прошедшее заглазное» без сопровождения описания их употребления. В грамматике рикванинского диалекта андийского языка, например, отмечено «прошедшее заглазное» (Сулейманов 1957), которое по нашим полевым данным имеет и результативную функцию. Для тиндинского перфектоида тоже описано только заглазное значение в (П. Магомедова 2012), тогда как Ж. Отье фиксирует и результативное значение (Authier 2019). Сведения о семантике форм поэтому нужно считать крайне приблизительными — отсутствие описания определенного значения не значит, что этого значения действительно нет, и для многих языков эта тема требует дальнейшего исследования. С другой стороны, в тех случаях, когда присутствие какого-то значения отмечается, не всегда понятно,

на чем это основано, и в какой степени это значение распространено и приемлемо. Несмотря на неполноту данных, в нескольких отдельных случаях можно подтвердить отсутствие или присутствие определенных значений.

2.2.1.1 Формальные свойства

В общей сложности было рассмотрено 65 формы из 42 разных языковых вариантов, включая все те идиомы, которые традиционно считаются различными языками, а также 13 дополнительных диалектов. Мы нашли 61 «перфектоидов» и четыре суффикса неизвестного происхождения (см. ниже), которые выражают подобную семантику. В некоторых языках наличествует две или три формы. Скорее всего наш список неполон для многих рассматриваемых языков. Отметим, что в случае более подробных описаний глагольной парадигмы, как правило, обнаруживается более одной формы. Таблица 2.2 суммирует результаты анализа их морфологической структуры.

Таблица 2.2: Формальная структура нахско-дагестанских перфектоидов

	Копула	Лицо	Без всп. гл.	Всп. гл.	Итого
Конверб	26	8	8	1	43
Причастие	8	6	1	1	15
Другое	2	0	4	0	6
Итого	36	14	13	2	61

Чаще всего формой возглавляет копула, т.е. дефектный вспомогательный глагол со значением «есть, имеется» в настоящем времени, который также используется при неглагольной предикации. Конструкция с полноценным вспомогательным глаголом, сохраняющим словоизменительную парадигму, встречается только в одном языке. В даргинских идиомах на месте копулы используются предикативизирующие клитики, выражающие согласование по лицу (см. подробнее в разделе 2.2.1.1.2). Во многих случаях где отсутствует вспомогательный элемент, его присутствие на более раннем этапе в диахронии можно предполагать с некоторой уверенностью. Лексический глагол преимущественно появляется в форме конверба, и реже в причастной форме. Отмечено

две формы с лексическим глаголом в форме результитивной основы, и четыре суффиксов неизвестного происхождения или статуса (т.е. «другое»). Ниже мы рассмотрим все варианты и их особенности по отдельности.⁶

2.2.1.1.1 Копула В 12 языках основной перфектоид сохраняет свою (предполагаемо) исходную аналитическую структуру из конверба и копулы полностью. Эти языки при этом относятся к разным ветвям семьи, см. таблицы 2.3 и 2.4. Копула, как правило, дефектная форма, которая выражает настоящее время по умолчанию и не спрягается. При неглагольной предикации, например, в прошедшем времени эти формы заменяются формой бытийного глагола. В бежтинском языке копулу можно (но необязательно) опускать в значении косвенной завсидетельствованности, а в значении текущей релевантности — нельзя (Khalilova 2011: 46). Возможно это является первым шагом к функциональной дифференциации КЗ и ТР, но пока оппозиция несимметричная, мы классифицировали бежтинскую форму как имеющую копулу (впрочем, для цезских языков более характерно опущение копулы, см. раздел 2.2.1.1.3).

Лексический глагол в целом преимущественно появляется в форме конверба. Обычно это касается форм, которые, помимо перфектоида и других синтетических форм, используются как общий конверб, обозначая первый этап сложного действия или способ действия. Такого рода конвербы встречаются в цепочках клауз для продвижение нарратива (*converb chaining*) (Nedjalkov 1995). В отдельных языках и описаниях эти конвербы называются по-разному, в том числе перфективный конверб и деепричастие прошедшего времени. В составе перфектоидов не встречаются специализированные конвербы, которые передают более узкие таксисные значения, например, «до того как», и т.д.⁷

⁶Полная таблица со всеми данными о формах доступна по ссылке https://github.com/sverhees/dissertation_evidentiality.

⁷Терминология варьируется у разных авторов. Аварский общий/перфективный конверб на *-un* называется в (Forker 2018c) *anterior converb*; Крейссель применяет термин *anterior* к специализированным конвербам маркированного предшествования (Creissels 2012: 127–128).

Таблица 2.3: Полностью аналитические формы с конвербом и копулой (I)

Форма		Язык	Источник
-un	cm-ugo	аварский	(Маллаева 2007)
[cvb	cop]	(литературный)	
-e:he	g ^w eda	ахвахский	(Магомедбекова 1967)
[cvb	cop]	(северный)	
-o:/e:/a:/i:/ere:/are:(-hi/he/ho)	godì	ахвахский	(Creissels 2018)

Таблица 2.4: Полностью аналитические формы с конвербом и копулой (II)

Форма		Язык	Источник
[cvb	cop]	(ахахдеринский)	
-cm-o	ek ^w a	багвалинский	(Майсак & Татевосов 2001)
[cvb	cop]	(кванадинский)	
-na	gey	бежтинский	(Khalilova 2011)
[cvb	cop]	(бежтинский)	
-ida // -a/-u	ida	ботлихский	(Alexeyev & Verhees 2019)
[pf] // [cvb	cop]	(ботлихский)	
-d:u	ide	чамалинский	(Бокарёв 1949a)
[cvb	cop]	(гадыринский)	
-un	lo/li	гунзибский	(van den Berg 1995)
[cvb	cop]	(гунзибский)	
-cm-oxa	ida	каратинский	(Магомедбекова 1971)
[cvb	cop]	(каратинский)	
-un	goli	хваршинский	(Khalilova 2009)
[cvb	cop]	(инхокваринский)	
-unu	cm-ur	лакский	(Friedman 2007)
[cvb	cop]	(литературный)	
pf.stem	a // ?a	рутульский	(Maisak 2019)
[cvb	cop]	(литературный)	
pf.stem	wo-cm	цахурский ⁵⁶	(Maisak & Tatevosov 2007)
[cvb	cop]	(мишлешский)	
pf.stem	wo-cm-un	цахурский	(Maisak & Tatevosov 2007)

В двух языках такая конструкция образует узкую результативную конструкцию, противопоставленную более грамматикализованному перфектоиду с опущенной копулой. Редуцированная форма в этих случаях вероятно восходит к аналитической структуре, см. (Tatevosov 2001) для обсуждения арчинского случая, и раздел 2.2.3.2 ниже о чеченской парадигме по сравнению с другими языками нахской группы. Здесь мы называем такие формы «вторичными» (см. таблицу 2.5), поскольку они более ограничены в своем употреблении и занимают менее центральное место в парадигме чем перфектоиды с функциями текущей релевантности или косвенной засвидетельствованности, с которыми они сосуществуют. Слово вторичный тем самым не имеет отношения к диахроническим связям: узкие результаты наоборот предшествуют остальным перфектоидным формам.

Таблица 2.5: Вторичные полностью аналитические формы с конвербом и копулой

Форма		Язык	Источник
-li	cm-i	арчинский	(Tatevosov 2001)
[cvb	cop]		
-na	cm-u	чеченский (литературный)	(Molochieva 2010)
[cvb	cop]		

В 8 языках копула в конструкции с конвербом подверглась морфологизацией, и стала суффиксом прозрачной этимологии (ср. формы в таблице 2.6). Это касается в основном лезгинских языков, нескольких андийских языков, и ингушского языка. Интересный случай представлен в крызском языке: перфектоид с суффиксом *-žija* (который делится на суффикс конверба (*ži*) и копулы (*ja*) выражает результатив в узком понимании, а его редуцированный вариант *ža* выражает текущую релевантность (Maisak 2019: 19).

В целом ожидалось бы, что редуцированные формы — более грамматикализованные, что в принципе подтверждается нашими данными: те формы, которые выражают только узкий результатив (их всего 7) — менее редуцированные чем те, которые выражают ТР (текущую релевантность) или КЗ (косвенная засвидетельствованность). В 5

Таблица 2.6: Формы на основе конверба с морфологизированной копулой

Форма	Язык	Источник
-naa/naja	агульский	(Maisak 2019)
[cvb.cop]	(хпюкский)	
-e:da / -i:da	чамалинский	(Бокарёв 1949a)
[cvb.cop]	(гакваринский)	
-d:a	чамалинский	(Бокарёв 1949a)
[cvb.cop]	(гигатльский)	
-á/ú-da	годоберинский	(Dobrushina & Tatevosov 1996)
[cvb-cop]	(годоберинский)	
-na<cm>(y)	ингушский	(Nichols 2011)
[cvb.cop]	(литературный)	
dža	крызский	(Authier 2009)
[cvb.cop]	(алыкский)	
džija-cm	крызский	(Authier 2009)
[cvb.cop]	(алыкский)	
-nwa	лезгинский	(Haspelmath 1993)
[cvb.cop]	(литературный)	
-na	табасаранский	(Maisak 2019)
[cvb.cop]	(литературный)	
-(w)o:	тиндинский	(П. Маромедова 2012);
[cvb.cop]	(тиндинский)	(Authier 2019)

случаях они сохраняют аналитическую структуру, а в двух случаях копула морфологизированная, например в крызском языке, где, как обсуждалось выше, узкий результатив относительно менее редуцирован чем основной Перфект. Единственным исключением является годоберинский язык, о котором подробнее в разделе 2.2.1.1.4. Стоит здесь отметить, что многие грамматикализованные формы тоже сохраняют аналитическую структуру, т.е., если формы выражает только узкий результатив, высока вероятность, что она нередуцированная, или относительно менее редуцированная, но если форма нередуцированная, это ничего не говорит о ее функции. К тому же, есть редуцированные синтетические формы которые сохраняют узко-результативную функцию помимо остальных. В ботлихском языке редуцированная форма является вариантом аналитической конструкции: в одном и том же контексте носители могут употреблять полную форму, или использовать копулу как суффикс, который присоединяется

прямо к основе, ср. *b-uk'a ida* 'был' // *b-uk'-ida*.⁸ Впрочем процесс морфологизация, как представлена в ботлихском языке, достаточно уникальная — в других языках происходит стяжение показателя конверба с копулой, например в лезгинских языках, представленных в таблице 2.6, но также в чамалинском и тиндинском языках андийской группы, а в близкородственном годоберинском языке опускается начальное гласное копулы вместо конвербного суффикса: *-á/ú-da*, от *-á/ú + ida*.

Причастные перфектоиды встречаются значительно реже чем конвербные (см. таблицу 2.2), и при этом обычно существуют наряду с перфектоидами с конвербом. Единственным исключением является будухский язык лезгинской ветви, в котором отмечен только один, причастный перфектоид. Причастные перфектоиды представлены в языках разных ветвей и разных регионов, и их причастная основа не коррелирует с определенной перфектоидной функцией. Ниже в таблице 2.7 представлены аналитические формы, а в таблице 2.8 — формы на причастной основе с редуцированной копулой.

Таблица 2.7: Формы на основе причастия и копулы

Форма		Язык	Источник
-u-cm	ek'wa	багвалинский	(Майсак & Татевосов 2001)
[ptcp	cop]	(кванадинский)	
-no-cm-a		бацбийский	(Holisky & Gagua 1994)
[ptcp/cvb.cop]			
-s/š/iš	goł	гинухский	(Forker 2013)
[ptcp	cop]	(гинухский)	
-d	i	рутульский	(Maisak 2019)
[ptcp	cop]	(литературный)	

Бацбийский язык включен немного условно в таблицу 2.7. В описании (Holisky & Gagua 1994) форма на *-no* описана как причастие, но в бацбийских текстах данная форма по всей видимости используется как общий конверб (см., например, проанализированные фрагменты в (Nichols 1981)). При этом мы знаем что явно когнатные формы из

⁸В связи с тем, что полная форма до сих пор представлена в ботлихском языке, и она по всей видимости не отличается от редуцированной формы в функциональном плане, ботлихский Перфект анализируется нами как аналитический.

других нахских языков (с суффиксом *-na*) выполняют функцию причастия и конверба, а Перфекты анализируются как основаны именно на форме в конвербной функции (ср. (Molochieva & Nichols 2018)).

Таблица 2.8: Причастие и редуцированная копула

Форма	Язык	Источник
-f-e	агульский	(Maisak 2019)
[ptcp-cop]	(хпюкский)	
-najef-e	агульский	(Майсак & Мерданова 2016)
[ptcp-cop]	(хпюкский)	
-vi	будухский	(Maisak 2019)
[ptcp.cop]	(будухский)	
-bú-da	годоберинский	
[ptcp-cop]	(годоберинский)	

Основой для перфектоида в хиналутском языке служит результативная основа лексического глагола. Результативная основа при этом не совпадает ни с какой другой формой, например, с конвербом / прошедшим, как в цахурском и тиндинском языках. Копулы, которые образуют перфектоиды в хиналутском, в неглагольной предикации используются именно в поссесивных конструкциях, согласно (Кибрик, Кодзасов & Оловяникова 1972: 162–164).

Таблица 2.9: Основа и копула

Форма	Язык	Источник
res.stem-(q)omæ	хиналутский	(Кибрик, Кодзасов & Оловяникова 1972)
[stem-cop]		
res.stem-athmæ	хиналутский	(Кибрик, Кодзасов & Оловяникова 1972)
[stem-cop]		

Форма *(q)omæ* дополнительно выражает пространственный дейксис, указывающая на то, что референт находится ниже говорящего, тогда как *athmæ* — нейтральна в

этом плане. Отмечено в (Кибрик, Кодзасов & Оловянникова 1972: 178), что перфектоид со связкой (*q)otæ* «иногда имеет оттенок заглазости». Такая формулировка подразумевает что в данном случае эвиденциальная функция всего лишь слабая имплицатура, в связи с тем эта форма была классифицирована как не имеющая эвиденциальную функцию.

2.2.1.1.2 Личные клитики В даргинских идиомах вместо копул встречаются личные клитики. Личные клитики похожи на копулы в других нахско-дагестанских языках в таком плане, что они образуют предикаты: они употребляются при неглагольной предикации и в случае перфектоидов образуют финитные формы от конвербов (таблица 2.10) или причастий (таблица 2.11). Тем не менее, нельзя их приравнять к копулам в других языках, поскольку личные клитики могут сочетаться с копулами. К тому же, остается недоказанным, что личные клитики исходно являются глаголами:

«Можно предположить, что на более ранней стадии развития языка клитики действительно функционировали как самостоятельные словоформы и занимали при этом позицию предиката. Однако предположение о глагольном происхождении личных клитик, сколь бы разумным оно ни казалось, пока остается необоснованным, так как до сих пор ни для лакской, ни для даргинской группы не выдвинуто конкретных предположений о том, что за глаголы могли быть источниками личных клитик и что с ними происходило.»

(Сумбатова & Ландер 2016: 586).

Личные клитики в даргинских идиомах, в отличие от копул в других языках, в составе перфектоида не редуцируется. Только в одном идиоме (а именно в ширинском) засвидетельствовано опущение клитики в третьем лице, но в отличие, например, от болгарского языка, опущение формы третьего лица не маркирует функциональную разницу между двумя перфектоидами (о специфике болгарской системы, см. ССЫЛКА)

— в ширинском даргинском наличествует три перфектоида, а клитика третьего лица опускается только в специализированной форме текущей релевантности на основе короткой формы причастия, тогда как остальные формы образуются от других нефинитных форм.⁹

Таблица 2.10: Конверб и личная клитика

Форма	Язык	Источник
-ib-li=[person] [cvb=person]	даргинский (акушинский)	(Belyaev 2018)
-ib-li=[person] [cvb=person]	даргинский (аштынский)	(Belyaev 2018)
-li=ra/ri/sa<cm>i [cvb=person]	даргинский (литературный)	(Mutalov 2018)
-ib-li=[person] [cvb=person]	даргинский (ицаринский)	(Belyaev 2018)
-ib-li=[person] [cvb=person]	даргинский (кайтагский)	(Belyaev 2018)
-ib-li=[person] [cvb=person]	даргинский (кубачинский)	(Belyaev 2018)
-ib-li=da/di/ca<cm>i [cvb=person]	даргинский (ширинский)	(Belyaev 2018)
-ib-li=[person] [cvb=person]	даргинский (тантынский)	(Belyaev 2018)

В разделе 2.2.1.1.1 мы отметили, что в принципе нет корреляции между формой лексического глагола (причастие или конверб) и функцией, которую выполняет перфектоид. В даргинском дело обстоит немного иначе: результативную функцию исключительно выполняют конвербные формы, при чем причастные формы преимущественно специализированы на какую-то одну функцию: ТР, экспериентив (частное значение из семейства ТР), или КЗ, тогда как конвербные формы в целом сочетают разные функции. О.И. Беляев в связи с этим предполагает, что можно реконструировать

⁹О.И. Беляев считает в том числе опущение клитики в третьем лице поводом отнести ширинский Перфект к синтетическим формам (Belyaev 2018: 95), но для наших сопоставительных целей на уровне всей семьи, мы решили его все-таки включить в аналитические формы, поскольку он кроме в контексте третьего лица явно состоит из полной нефинитной формы и нередуцированной формы клитики, в отличие от остальных синтетических форм в нашей выборке, у которых ни одной утвердительной формы не сохраняет исходную, композиционную структуру.

результативную конструкцию из конверба и личной клитики для прото-даргинского уровня (Belyaev 2018: 107, 113), и дальше эта конструкция развивалась по-своему в разных идиомах. Помимо этого, Беляев реконструирует Перфект на причастной основе, который только в ширинском остался Перфектом (т.е. специализированная форма TP), а в других идиомах перешел в Аорист или исчез.

Таблица 2.11: Причастие и личное окончание

Форма	Язык	Источник
-si=ra/ri/sa<cm>i [ptcp=person]	даргинский (литературный)	(Mutalov 2018)
-ib=[person] [ptcp=person]	даргинский (ицаринский)	(Belyaev 2018)
-ib=[person] [ptcp=person]	даргинский (кайтагский)	(Belyaev 2018)
-ib=[person] [ptcp=person]	даргинский (кубачинский)	(Belyaev 2018)
-ib-zi-cm=da/di/ca<cm>i [ptcp=person]	даргинский (ширинский)	(Belyaev 2018)
-ib=da/di/Ø [ptcp=person]	даргинский (ширинский)	(Belyaev 2018)

2.2.1.1.3 Без вспомогательного глагола Другой диахронический путь к суффиксальному перфектоиду кроме морфологизации копулы походит через ее опущение. Если копула отсутствует, а перфектоид совпадает с какой-либо из нефинитных форм, не всегда очевидно, что это именно результат опущения. Синкретизм финитных и нефинитных форм может и возникать, когда подчиненная клауза переосмысливается как главная, так что нефинитная форма, которая ее возглавляет, переосмысливается как сказуемое, т.е. «инсубординация» (см. типологический обзор этого феномена в (Evans 2007)). Например, в чеченском языке имеется Перфект с суффиксом *-na*, который тождествен суффиксу Перфективного Конверба. На базе того же конверба и копулы *см-и* образуется также узкий Результатив. В близкородственном ингушском языке форма, которая состоит из конверба на *-na* и когнатной копулы *см-у*, передает значения те-

кущей релевантности, результата и косвенной засвидетельствованности. В связи с этим нам кажется вероятным, что чеченский Перфект восходит к той структуре, которая сохраняется в ингушском, а копула была утрачена в процессе грамматикализации значения текущей релевантности. В гинухском и цезском языках перфектоиды совпадают с конвербом в утвердительных предложениях, однако при отрицании копула снова появляется, так что в этом смысле для утвердительной формы в этих языках можно постулировать копулу.

Таблица 2.12: Нефинитные формы

Форма	Язык	Источник
-d:u [cvb]	андийский (андийский)	(A. A. Kibrik 1985)
-d [cvb]	андийский (рикванинский)	(Verhees 2018)
-j/nij [cvb]	андийский (зиловский)	(Fieldwork)
-li [cvb]	арчинский	(Tatevosov 2001)
-na [cvb]	чеченский (литературный)	(Molochieva 2010)
-no/n [cvb]	гинухский (гинухский)	(Forker 2013)
-un [cvb]	хваршинский (инхокваринский)	(Khalilova 2011)
-no/n [cvb]	цезский	(Khalilova 2011)
<person>-ijo [ptcp]	удинский (ниджский)	(Майсак 2016)

Для андийского языка не удалось выяснить, использовалась ли когда-нибудь в составе перфектоида связка. Если сравнить перфектоиды разных андийских диалектов с перфектоидами других языков андийской группы, кажется очень вероятным, что и в андийском языке когда-то имел место перфектоид, состоящий из конверба и копулы. Тем не менее, несколько факторов мешают нам реконструировать аналитическую структуру с копулой. В андийском языке имеется суффиксальный перфектоид на -d:u,

который совпадает с Общим Конвербом.¹⁰

Отрицание конверба оформляется сложным суффиксом *-č'igu*, который исторически состоит из отрицательного и конвербного суффиксов: **-č'i-gu* [-NEG-CVB], ср. обсуждение в (Verhees 2019c: 202–203)). При финитном употреблении перфектоида на *-du* имеется два разных способа выражения отрицания: тот же суффикс *-č'igu*, и присоединение регулярного отрицания (*-su*) к утвердительному суффиксу (*-du-su*). Конверб же, по всей видимости, отрицается только суффиксом *-č'igu*. Нам кажется вероятным, что суффикс *-du* исторически является суффиксом финитной формы, поскольку позиция отрицания после словообразовательного суффикса в целом характерна в андийском языке для финитных форм в отличие от нефинитных (ср. позицию отрицательного элемента в составе *-č'i-gu*). Показатель *-du* в свою очередь может восходить к аналитической форме. В чамалинском диалекте с. Гигатль Перфект образуется похожим суффиксом *-da*, который появляется в результате стяжения конвербного суффикса *-t'u* и копулы *ida* (Бокарёв 1949a: 105).

Таблица 2.13: Суффиксы неизвестного происхождения

Форма	Язык	Источник
-wudi [pfv.wudi]	ахвахский (ахахдеринский)	(Creissels 2018)
-la-[person/class] [pst.unwit]	аварский (закатальский)	(Саидова 2007)
-no [ptcp/cvb]	бацбийский	(Holisky & Gagua 1994)
-e=[person] [pf]	удинский (ниджский)	(Maisak 2018)

Тем не менее, для андийского языка мы не можем восстановить точный путь развития суффикса. Копула в андийском языке (когнат чамалинской *ida*, согласно (Гудава 1959: 57)) имеет форму *dži/ži/i*, в зависимости от диалекта. Развитие из, например, конвербного суффикса *-gu* и копулы *dži* в суффикс *-du*, с редкой для нахско-дагестанских

¹⁰Форма *-du* встречается в андийском и гагатлинском диалектах, варианты *-d* (рикванинский) и *-j* (зиловский) на наш взгляд явно представляют собой редукцию формы на *-du*. В ниже-андийских диалектах при этом, находим формы иного происхождения.

языков фонемой /d:/ гораздо менее очевидно чем переход *-t'u + ida* в *-d:a*.¹¹ При этом, если мы принимаем по крайней мере, что *-d:i* является исходно суффиксом финитной формы, остается непонятным, каким путём он перешел в конвербный показатель. Во всех других языках наблюдается только обратный случай, при котором конвербная форма приобретает финитное употребление, например, через опущение копулы. В связи с этим андийские перфектоиды были классифицированы нами как не имеющие в своем составе вспомогательный глагол.

Единственная перфектоидная форма в наших данных, которая имеет значение текущей релевантности, но образуется суффиксом неизвестного происхождения, обнаруживается в удинском языке, хотя анализ отрицательных форм позволяет предполагать что происхождение скорее всего аналитическое, ср. (Maisak 2018: 158–160). Отметим, что аналогичная форма в кавказских албанских палимпсестов V–VI века не отмечена, в отличие, например, от удинского аориста, аналог которого был представлен уже в старых памятниках кавказской албанской письменности (*ibid.*). В закатальском диалекте аварского языка имеется суффикс Заглазного Прошедшего *-la*, для которого происхождение также не установлено. Неизвестно, имеет ли эта форма лишь эвиденциальное значение, или у нее есть и другие функции (Саидова 2007: 143–144). В ахвахском диалекте села Ахахдере (Азербайджан) помимо обычного Перфекта текущей релевантности имеется эвиденциальный суффикс *-wudi* (Creissels 2018). В грамматике (Магомедбекова 1967), написанной на материале дагестанских диалектов ахвахского языка, суффикс *-wudi* не упоминается.

Как уже было отмечено в разделе 2.2.1.1.1, в бацбийском языке есть причастие с суффиксом *-no*, которое также используется как конверб, аналогично когнатам в других нахских языках. Форма при этом совпадает с «репортативным аористом», который состоит из Аориста и суффикса *-no*. Остается не совсем понятным, в результате какого процесса форма на *-no* стала именно Репортативным Аористом (т.е. прошедшее заглазное). Отмечено в (Holisky & Gagua 1994) также отмечено, что перфектоидная форма из

---

¹¹ Андийская копула в принципе не употребляется в аналитических формах, кроме как в кванхидатлинском Перфекте, который состоит из Аориста и копулы *dži*.

причастия/конвербы на *-no* и копулы *-SM-a*, упомянутая нами выше в разделе 2.2.1.1.1, появляется только в отрицательных контекстах. Стоит отметить, что, в отличие от других нахско-дагестанских языков, отрицание в бацбийском не выражается морфологически на глаголе, а оформляется отрицательной частицей в клаузе. Поэтому форма имеет структуру утвердительной, несмотря на то, что она ограничена отрицательными контекстами. Согласно (Holisky & Gagua 1994), по семантике форма похожа именно на Репортативный Аорист. Нам кажется вероятным, что Репортативный Аорист на *-no* восходит к перфектоидной форме, которая опускала копулу в утвердительном в процессе грамматикализации, но сохранила ее в отрицательном контексте, аналогично ситуации, например, в цезских языках. В пользу такой теории говорит наличие примеров где перфектоидная форма используется с заглазным значением (при чем в утвердительном контексте), ср. пример (1).¹²

- (1) giurg ps̥tuna-v j-hiv? joh j-i-en-j-a.
 Giorgi woman-ERG F.SG-four girl F.SG-give_birth-PST.PTCP-F.SG-be.lv
 'Оказывается, что жена Гиоргия родила четыре девочки.'

(Дешериев 1953)

бацбийский язык

2.2.1.1.4 Вспомогательный глагол Только в одном языке встречаются формы с полноценным вспомогательным глаголом, т.е., спрягаемый бытийный глагол вместо копулы. В годоберинском языке имеется Перфект с эвиденциальным значением, и результиративная конструкция. Первая форма образуется от конверба и копулы, вторая от причастия и той же копулы. Обе формы имеют аналог с глаголом 'быть' в форме прогрессива вместо копулы.¹³ Функциональная дистрибуция конвербных форм, судя по описанию в (Dobrushina & Tatevosov 1996), заключается в том, что форма с копулой указывает на незасвидетельствованные события, тогда как форма с глаголом 'быть' в форме прогрессива, указывает именно на засвидетельствованные события. Оба при

¹²Пример из текстов, записанных Ю.Д. Дешериевым (Дешериев 1953), глоссы были добавлены Йессе Вихерс Схрёр.

¹³Настоящее прогрессивное в годоберинском языке образуется аналитически от прогрессивного конверба и копулы.

этом сохраняют семантику ТР. Хотя очень часто встречаются формы, которые выражают семантику ТР с оттенком инферентива, и разграничение этих двух функций не всегда можно провести с уверенностью, нам не известны языки, в которых противопоставление по засвидетельствованности выражается именно двумя перфектоидами, вместо перфектоидом с одной стороны, и общее прошедшее с другой. Единственный пример на второй перфектоид который приводится в (Dobrushina & Tatevosov 1996), представлен в примере (2).

- (2) den hinc:u χ^wab-u b-uk'-at-a-da
 I.ERG door open.PST-CVB N-be-PRS-CVB-COP
 'Я открыл дверь.'

(Dobrushina & Tatevosov 1996: 96)

годоберинский язык

Другой перфектоид, наоборот, не сочетается с действующим субъектом первого лица, ср. (Dobrushina & Tatevosov 1996: 94). Возможно второй перфектоид — специализированная форма ТР для первого лица, которая используется в избежании известного эффекта первого лица.¹⁴ В случае результитивной конструкции, наоборот, именно форма со вспомогательным глаголом выражает косвенную засвидетельствованность. Это немного неожиданное парадигматическое отношение, которое требует дальнейшего изучения.

Таблица 2.14: Перфектоид со вспомогательным глаголом

Форма	Язык	Источник
-á/ú cmV=k'-at-á-da [cvb [aux-pres-cvb]	годоберинский (годоберинский)	(Dobrushina & Tatevosov 1996)
-bú cmV=k'-at-á-da [ptcp [aux-pres-cvb]	годоберинский (годоберинский)	(Dobrushina & Tatevosov 1996)

¹⁴Известно, что формы косвенной засвидетельствованности плохо сочетаются с действующим субъектом первого лица, поскольку человек обычно является свидетелем собственных действий. В связи с этим, наблюдаются разные эффекты первого лица, в плане частотности употребления показателей косвенной засвидетельствованности с субъектом первого лица, но и в плане интерпретации таких конструкций (Curnow 2002). Если показатель косвенной засвидетельствованности сочетается с субъектом первого лица, часто возникает интерпретация, что говорящий совершил действие неосознанно, например, потому что он спал или был пьян.

2.2.1.2 Семантика

Семантика перфектоидов состоит, с одной стороны, из значений, которые вытекают из составляющих конструкций, таких как лексической семантики или акционального класса глагола, видо-временного значения используемых форм (например копула настоящего времени в сочетании с перфективным конвербом) и управления предиката. Это касается следующих значений (подробнее об отдельных функциях см. соответствующие разделы ниже):

- результатив (2.2.1.2.1)
- результативный перфект (2.2.1.2.2)
- континуатив (2.2.1.2.2)

Помимо этого есть группа значений, возникающих из импликатур (процесс развития импликатурных значений обсуждалось в разделе 1.2.1. Основные из них следующие:

- недавнее прошедшее (2.2.1.2.2)
- эвиденциальность (2.2.1.2.3)
- эпистемическая модальность (2.2.1.2.3)

Миративное значение, описанное для перфектоидов эвиденциального типа в разных языках, может в свою очередь восходить к недавнему прошедшему или эвиденциальности (конкретно к инферентиву), как было отмечено в разделе 1.2.1. Значение **экспериентива** (2.2.1.2.2), который вместе с результативным перфектом, континуативом и недавним прошедшим относится к семейству значений текущей релевантности стоит отдельно, поскольку оно не вытекает из составляющих конструкции, но импликатурой его обычно тоже не считают. Стоит иметь в виду, что составляющие конструкций могут влиять на доступность той или иной интерпретации, так что импликатурные значения

отчасти зависят от других значений. Например, когда перфект используется в контексте, где значение текущей релевантности невозможно, форма по умолчанию приобретает эвиденциальное значение. В следующих разделах рассматриваются условия, при которых реализуется то или иное значение перфектоида в нахско-дагестанских языках.

2.2.1.2.1 Результатив Результатив в нашем понимании — это результатив в узком смысле, т.е., одновалентный предикат, который обозначает состояние в момент речи как результат действия, совершенного в прошлом, ср. (Verhees 2018). Его сочетаемость с глагольными лексемами, как правило, ограничивается предельными глаголами. В нахско-дагестанских языках обычно отсутствуют стативные глагольные лексемы для определенных физических состояний и поз, ср. замечание из введения к (Кибрик & Кодзасов 1988: 8): «[...] выяснилось, что во многих языках исходным является процессуальное значение “садиться”, “ложиться”, “останавливаться”, а не стативное “сидеть”, “лежать”, “стоять”». Соответствующие состояния поэтому реализуются результативом. Неизвестно, насколько набор таких глаголов совпадает в разных языках, но типичными примерами, которые встречаются в разных ветвях, являются состояния ‘спать’ (3) и ‘сидеть’ (4).

- (3) key-ma-ɐ had saχir a
 PVB-PRON-wake he fall_asleep.PFV.CVB AUXPRS
 ‘Не буди [его], он спит (= заснувший есть).’

(полевая работа 2016-го года)

рутульский: кининский

- (4) kiʒ-ib-li-da
 sit.down-PFV-PST-CVB-1SG
 ‘1. [It appears] I sat down.’ / ‘[Оказывается, что] я сел.’
 ‘2. I am sitting.’ / ‘Я сижу’

(Tatevosov 2001: 450)

даргинский: ицаринский

Другие примеры: ‘заболеть’ (5) и ‘захотеть’ (6).

- (5) **dun unt-un w-ugo**
 1SG become_ill-CVB M-COP.PRS
 'I am sick.'
 'Я болею.'

(Маллаева 2007: 200) по (Forker 2018c: 192)

аварский язык

- (6) **hegešu-j q'oroq'o-j w-uʔin-nu maḡačkalal-ʔo**
 DEM.M-DAT want-PF M-go-INF Makhachkala-LAT
 'Он **хочет** поехать в Махачкалу.'

(полевая работа 2017-го года)

андийский: зилловский

Результативное значение не ограничивается непереходными глаголами, как в примерах выше. С переходными глаголами в функции результата обычно отсутствует агентс (т.е. субъект в эргативном падеже, или в одном из других падежах, кроме абсолютива, в зависимости от управления глагола). Эта конструкция похожа на пассив, в котором действующий субъект обычно отсутствует. При этом собственно пассивный залог в нахско-дагестанских языках как отдельная морфологическая категория отсутствует. Употребление результативной формы наподобие безличного пассива распространено в журналистских текстах на литературном аварском и даргинском языках, согласно (Forker 2018a: 495), ср. пример (7) из статьи об открытии нового детского сада в газете «Замана» (08 июля 2011, ст. 5).

- (7) **haril q'uq'a^ɕ-la qali džaga-li b-alq'-aq-ur-li=ri**
 every group-GEN house beautiful-ADV N-prepare-CAUS-AOR-CVB=COP.PST
 'Комната каждой группы была красиво подготовлена.'

(Forker 2018a: 495)

даргинский язык

Единственный известный нам переходный глагол, который в форме перфекта сохраняет результативную семантику в узком понимании (несмотря на присутствие агенса) — глагол 'хватать, держать', см. (8) и аналогичный пример из багвалинского языка в (Tatevosov 2001: 450).

- (8) čanaqanš:-ti λ'ank'ala b-ič:i-lo
 hunter-ERG hare N-catch-PF
 'Охотник поймал зайца (и сейчас держит его).'

[полевая работа 2018-го года]

андийский: мунинский

Этот пример очень похож на обычное употребление результативного перфекта, но в данном случае предложение интерпретируется именно как указывающее на настоящее состояние (охотник сейчас *держит* зайца), а не просто на достижение результата с релевантностью для момента речи, например: «охотник поймал зайца (и тот сейчас лежит у него в сумке)».

Хорошим показателем результативности в узком смысле является сочетаемость с наречием «еще», которое подчеркивает продолжение состояния в момент речи. По крайней мере в аварском и андийском языках нахско-дагестанской семьи сочетание с этим наречием не допускается при выраженном агенте (Verhees 2018), за исключением случая 'хватать, держать' как в примере (8). Это связано с тем, что результатив обозначает состояние некоторого пациенса. Введение агента в такую конструкцию (при возможности) имеет двойной эффект: оно снимает фокус с пациенса и снижает стативность, из-за чего использование наречий со значением 'еще, до сих пор' становится невозможным, ср. следующие примеры по (Verhees 2018: 263), с результативной конструкцией в английском языке, и с аварским перфектоидом, который сочетает результатив, текущая релевантность и косвенная засвидетельствованность.

- (9) The door is (still) closed.

Дверь закрыта.

- (10) The door is closed *by me*.

Дверь закрыта *мной*.

- (11) *The door is still closed *by me*.

Дверь до сих пор закрыта *мной*.

Пример (9) ориентирован на состояние, тогда как в примере (10) акцент скорее на действии и его совершении. Поэтому пример (11) оказывается неграмматичным.

- (12)   *nuc'a (žegi) q'an   b-ugo.*
          door (still) close.CVB N-COP.PRS
          'Дверь (всё ещё) закрыта.'
          (Verhees 2018: 263)

аварский язык

- (13)   *di-ca nuc'a q'an   b-ugo.*
          I-ERG door close.CVB N-COP.PRS
          'Я закрыл дверь.' / 'Дверь закрыта мной.'
          (Verhees 2018: 263)

аварский язык

- (14)   **di-ca nuc'a žegi q'an   b-ugo.*
          I-ERG door (still) close.CVB N-COP.PRS
          'Дверь (всё ещё) закрыта мной.'
          (Verhees 2018: 263)

аварский язык

В (Ritz 2012: 883) приводится пример с непереходным глаголом *go* в форме Перфекта (Present Perfect), со вспомогательным глаголом *have*, напротив результативного варианта с глаголом *be*.

- (15)   She is gone.
          Она ушла (ее нет).
          (16)   She is *still* gone.
          Она ушла (и ее *до сих пор* нет).
          (17)   She has gone.
          Она ушла (ее нет).
          (18)   *She has *still* gone.
          Она ушла (ее *до сих пор* нет).

Форма с глаголом *have* характеризует не состояние отсутствия, а факт завершения ухода. Она ушла, и подразумевается, что ее сейчас нет, но состояние отсутствия чело-

века не является основным смыслом высказывания (в отличие от примера (15)). Следовательно, использование наречия в данном случае невозможно. Мы будем считать, что, если конструкции, аналогичные представленным выше, допускают присутствие агенса, конструкция перестала быть узким результатом в нашем понимании, и перешла в результативный перфект. Разграничение узкого результата и результативного перфекта не для каждого языка имеет смысл — распространена ситуация, в которой существует одна результативная форма в широком смысле, допускающая конструкции как с агенсом, так и без агенса. Разделение этих значений необходимо нам в целях сравнения перфектоидов в разных нахско-дагестанских языках, в которых имеются и формы, которые выражают только узкий результатив, и формы, которые имеют более широкое применение. Эти типы форм представляют разные этапы в процессе грамматикализации.

По нашим данным из рикванинского диалекта андийского языка, добавление эргативного субъекта в результативную конструкцию с переходным глаголом вызывает переосмысление формы как эвиденциальной, ср. (Verhees 2018). Значение текущей релевантности в данном случае видимо отсутствует. Отдельный случай, требующий дальнейшего изучения, представляет собой лакский язык, в котором Аналитический Претерит от переходного глагола с эргативным субъектом (формально совпадает с генитивом) имеет эвиденциальную интерпретацию (Friedman 2007: 362–363). В таком случае форма лексического глагола и вспомогательный глагол согласуются по классу с объектом. В биабсолютивной конструкции вспомогательный глагол согласуется с субъектом, который в абсолютиве (= Номинатив). Интерпретация при этом оказывается перфектной (*ibid.*), см. следующий раздел о результативном перфекте.

2.2.1.2.2 Текущая релевантность Из значений текущей релевантности наиболее распространено значение **результативного перфекта**. Как уже обсуждалось в разделе 2.2.1, его часто не отличают от узкого результата. Результативный перфект формально отличается от результата тем, что он сохраняет управление лексического глагола

(тогда как результатив образует как правило одновалентные предикаты) и допускает присутствие агенса, см. также (Плунгян 2016: 10), (Verhees 2018: 263). Семантическое различие заключается в том, что результативный перфект менее стативен. Результатив непосредственно указывает на результирующее состояние, тогда как результативный перфект обозначает имплицитный результат в момент речи. Эти две категории семантически очень близки, особенно в сочетании с непереходными глаголами. В примерах (15) и (17) сложно сказать, в чем именно заключается семантическая разница. Пример (15) указывает именно на состояние, которое характеризует субъект, тогда как (17) делает акцент на завершение субъектом действия, хотя данная конструкция подразумевает то же результирующее состояние, что какой-то женщины нет в результате ее ухода. Разница в степени стативности подтверждается и (не)возможностью сочетания с наречиями как «еще» или «все еще».

Пример (19) показывает употребление Перфекта в ширинском даргинском, с переходным предикатом ‘рассказывать’.

- (19) di-la juldaš-li il χabar ha<b>urs-ib
1SG friend-ERG DEM story <N>tell.PFV-PF[3]
‘Мой друг (уже) рассказывал эту историю.’

(Belyaev 2018)

даргинский: ширинский

В примере (19) имплицитный результат заключается в том, что рассказ уже был рассказан, и тем самым говорящий уже знает рассказ. Конструкция не описывает очевидное результирующее состояние, как, ‘спать’ или ‘сидеть’. Основной смысл заключается в том, что событие совершилось до момента речи, и тот факт, что оно имело место, актуален для настоящей коммуникативной ситуации.

Континуативное значение возникает в сочетании с неопределёнными глаголами. Оно указывает на то, что в течении определенного периода в прошлом некоторое действие или состояние постоянно имело место, и что оно продолжается до настоящего момента. Ср. пример (20) из аварского языка: говорящий прожил в каком-то городе уже семь лет до момента речи и в момент речи продолжает там жить — использова-

ние перфекта одновременно указывает на то, что имеет место семь лет проживания и на то, что проживание не закончилось.

- (20)   *dun hani-w ʕumro ha-w-un w-ugo anλ':-go sona-ɬ*
1SG here-M life   live-M-CVB M-COP.PRS seven-NUM year-ERG
'Я здесь **жил** семь лет (и до сих пор живу).'

(полевая работа 2016-го года)

аварский язык

Насколько нам известно, континуатив раньше не был описан для нахско-дагестанских языков. При попытках элицитировать такое употребление носители разных языков предпочитали одну из форм настоящего времени (например, в удинском языке (Maisak 2018)). В целом мы ожидаем что это значение не характерно для нахско-дагестанских языков, поскольку оно отсутствует и в более подробных описаниях.

Значение **недавнего прошедшего** часто сопровождается выражением 'только что' или аналогичными и указывает на то, что некоторое событие совершилось незадолго до момента речи. Таким образом вводится новая (возможно и неожиданная) информация, как в примере (21) в интерпретации З.М. Маллаевой.

- (21)   *q'iral w-ač'-un w-ugo*
king M-arrive-CVB M-COP.PRS
'Король **приехал**.'

Контекст: Говорящий только что видел, что король приехал — никто не ожидал его приезда (Вы слышали новость?)

(Маллаева 2007)

аварский язык

Данное предложение может иметь и другие интерпретации: результативный перфект (т.е. король приехал, и он теперь здесь) или же косвенная засвидетельствованность (говорящий, который сообщает о событии, сам не видел, как король приехал).

«В отличии от перфекта результата, в перфекте «свежих новостей» (*он же недавнее прошедшее* - С.Ф.) семантика наличия результата в момент речи сведена к минимуму и на передний план выдвигается семантика неожи-

данности и близости к моменту речи [...] Возможно, поэтому (в результате снятия семантики наличия результата в момент речи), в данном случае форма перфекта неустойчива, она легко может быть заменена формой аориста.»

(Маллаева 2007: 205)

Описание Маллаевой согласуется с нашим тезисом о том, что это значение, несмотря на то, что оно чаще всего трактуется как одно из подвидов текущей релевантности, относится к имплицатурным значениям. Интерпретация обусловлена контекстом, как описано при примере (21). Без контекста это предложение воспринимается результативно: король приехал, и он сейчас здесь. Описание значения недавнего прошедшего в грамматиках нахско-дагестанских языках не распространено. Во-первых это связано с отсутствием подробных описаний, во-вторых — различие между «обычным» результативным перфектом, с одной стороны, и формой с оттенком недавнего прошедшего, с другой стороны, достаточно тонкое.

Экспериентив обозначает событие, которое имело место хотя бы один раз до момента речи, т.е. говорящий имеет некоторый опыт. Это значение считается более продвинутым этапом грамматикализации в сторону перфективного прошедшего и не имеет таких тесных связей с моментом речи, как другие значения текущей релевантности (Lindstedt 2000). В некоторых лезгинских языках (Maisak 2019) и в ширинском даргинском (Belyaev 2018) отмечен специализированный экспериентив, существующий наряду с другими перфектоидными формами, покрывающими другие значения.

- (22) aw, zun sa ximu-gala žan-ar ŋuɕ:u-f-e gi-sa-ŋ
 yes 1SG one how.much-time body-PL wash.PFV-NMLZ-COP DEM-LOC-INTER
 [Вопрос: в этом озере можно купаться? Ответ:] 'Да, я в нем искупался несколько раз.'

(Майсак & Мерданова 2016: 384)

агульский язык

В других языках в таких контекстах предпочтителен Аорист, а не Перфект. Так обстоит дело, например, в цахурском, лезгинском и табасаранском языках лезгинской

группы (Maisak 2019), а также в андийском и аварском языках (Verhees 2018). Только в удинском языке экспериентивное значение выражается основным перфектоидом, который при этом имеет значение результативного перфекта, ср. (Maisak 2018).

2.2.1.2.3 Косвенная засвидетельствованность Эвиденциальное значение (а именно значение косвенной засвидетельствованности) перфектоиды приобретают через импликацию. Акцент на результат вызывает следующую импликацию: говорящий наблюдает именно результат, а действие (по контрасту) произошло вне его поля зрения. Как обсуждалось в разделе 1.2.1, такая импликация в какой-то степени универсальная, но не в каждом языке она конвенционализируется. Принято считать, что инферентивное значение (т.е. говорящий делает вывод о том, что действие имело место, на основе наблюдения некоторого результата или последствия (23), диахронически первично по отношению к другим эвиденциальным значениям. Инферентивное употребление носителями часто переводится на русский конструкцией со словом 'оказывается').

- (23)   maḥammad-i-r   sī: k'wa-b-o   ek'wa
Mohammed-OBL-ERG bear kill-N-CVB AUX:PRS
'(I see) Mohammed killed a bear.'
'[вижу, что] Магомед **убил** медведя.'
Контекст: Говорящий встречает Магомеда, который разделывает тушу медведя;
он знает, что Магомед пошел охотиться один.
(Tatevosov 2003: 185) багвалинский язык

Переход из результата в инферентив объясняется тем, что в результативной конструкции есть импликация каузальности: случилось действие X, и теперь или поэтому имеется результат Y. Инферентив переворачивает порядок каузальности: есть результат Y, поэтому, вероятно, случилось действие X (см. подробнее раздел 1.2.1). В связи с тем, что инферентивное значение - импликационное (также, как недавнее прошедшее), оно трудно уловимо. Пример типа (23) вне контекста скорее всего будут интерпретироваться просто как результативный перфект («медведь убит Магомедом»). В языках,

где инферентивное значение более или менее приемлемо, результат необязательно должен быть непосредственным результатом действия, обозначаемого лексическим глаголом (как в примере (23)). Употребление инферентива может быть обусловлено тем, что говорящий наблюдает некоторую ситуацию, которая, по его мнению, произошла в результате некоторого другого действия. Пример (24), например, уместен, когда говорящий увидел своего знакомого Магомеда, уставшего и покрытого грязью. Необязательно, чтобы говорящий видел вспаханное поле, для того, чтобы он мог сказать следующее:

- (24)   maḥammad-i-r   hũš:a b-eḷ'i-b-o   ek'wa
          Mohammed-OBL-ERG field   N-plough-N-CVB AUX:PRS
          'I see) Mohammed ploughed the field.'
          '[вижу, что] Магомед **вспахал** поле.'

(Tatevosov 2003: 183)

багвалинский язык

Форма косвенной засвидетельствованности помимо инферентива имеет значение репортатива, или информации с чужих слов. Употребление таких примеров как (23) и (24), например, уместно и в тех случаях, когда говорящий узнал о событии от другого человека. Как правило, эвиденциальная интерпретация мотивируется дискурсивным, а не морфосинтаксическим контекстом. Однако могут существовать специфические для языка морфосинтаксические контексты, в которых иная интерпретация невозможна. Выше уже были упомянуты случаи, где эргативный субъект (в отличие от абсолютного субъекта или в отсутствие субъекта) вызывает именно эвиденциальную интерпретацию.

В аштынском даргинском имперфективные глаголы в форме Перфекта могут иметь только эвиденциальное значение, тогда как Перфекты от перфективных глаголов могут выражать и текущую релевантность (Беляев 2012). В ицаринском даргинском эвиденциальное значение ограничивается имперфективными глаголами, а перфективные не имеют такого значения (Sumbatova & Mutalov 2003). Доступность разных интерпретаций в зависимости от лексической семантики глагола пока мало изучена

(ср. (Татевосов 2007) о багвалинском языке). В (Forker 2018c: 193–194) отмечается, что в аварском языке, определенные неопределенные глаголы в форме Перфекта по умолчанию интерпретируются эвиденциально, в связи с тем, что другие интерпретации для них недоступны, хотя ср. пример (20) в разделе 2.2.1.2.2. Среднее положение между дискурсивным и морфосинтаксическим контекстом занимают нарративные цепочки (narrative sequences). Формы со значением результата или текущей релевантности не могут составлять главную линию в цепочке клауз, описывающих последовательность событий. В примере (25) из рикванинского диалекта андийского языка употребляются два глагола, которые в форме Перфекта по умолчанию интерпретируются результативно (это касается непереходных глаголов, обозначающих позы и состояния, см. раздел 2.2.1.2.1 выше). В примере (25), в рамках нарратива о незасвидетельствованных событиях, они, тем не менее, передают совершенные в прошлом действия. В этом контексте Перфект в видо-временном плане приравнивается к Аористу и функционирует как его заглазный эквивалент.

- (25) se-b zaman hege-j t'ulu=gu j-avi-d, hege-j hogik'o-d
 one-III time dem-F strongly=EMPH F-become_tired-PF DEM-F sit_down-PF
 t'et'uro-t' angu-l'a
 tree-GEN branch-SUP
 'Однажды она очень устала и села на ствол дерева.'
 (Verhees 2020) андийский: рикванинский

В сказках или рассказах о предках перфектоиды могут употребляться не как показатели эвиденциальности, а как признаки жанра (об этом подробнее в разделе 3. Об этом, как и об употреблении перфектоидов в разного рода нарративах, см. подробнее в третьей главе настоящей диссертации. Стоит отметить, что во многих языках остается возможность «отменить» эвиденциальное значение в некоторых предложениях, например, добавляя клаузу, в которой явно указывается, что говорящий сам видел, как событие произошло (26).

- (26) Sanijat-li t'ala^h-ne d-irc-in=ca-d dam=q'ar il
 Sanijat-ERG dishes-PL NPL-wash.PFV-PRET=COP.PRS-NPL 1SG.DAT=PRTC 3SG
 či-b-až-ib=da
 SPR-N-see.PFV-AOR=1
 'Саният помыла посуду, сам(а) видел(а).'
 (Forker 2018a: 496) даргинский: санжинский

Без второй клаузы пример (26) имплицитно, что говорящий видел лишь последствия действия (Forker 2018a: 496). Формулировка Д. Форкер напоминает эвиденциальные стратегии, обсуждаемые в разделе 1.1 настоящей диссертации.

Формы косвенной засвидетельствованности ведут себя особым образом в контексте действующего субъекта первого лица (так называемый «эффект первого лица») (Aikhenvald 2004: 220–223). Поскольку человек обычно является свидетелем собственных действий, употребление косвенной формы с первым лицом обозначает что говорящий действовал неосознанно, например, потому что был пьян или спал (и совершил какое-то действие в состоянии сна), или просто не заметил того, что он сделал. Соответственно, он узнал о событии только косвенно (по последствиям или с чужих слов), см. пример (27) из багвалинского языка.

- (27) de: t'un^kuri-w-o ek^wa ĩsa-č'
 я толкнуть-М-CVB AUX.PRS Иса-CONT
 'Я [, как оказалось,] толкнул Ису [нечаянно и сам этого не заметил, а потому мне об этом сказали.]'
 (Татевосов 2007: 366) багвалинский язык

Согласно В.А. Фридману, перфектоид в лакском языке (также, как и подобные формы в других языках Эвиденциального Пояса), выражает неконфирмативность: говорящий не ручается за информацию, см. (Friedman 2000). Впрочем, для лакского языка Фридман не приводит очевидные примеры, в которых перфектоид используется именно с неконфирмативным значением и которые не могут быть интерпретированы как эвиденциальные. В цахурском языке Перфект с неатрибутивизированной связкой вы-

ражает дистанцирование говорящего, согласно (Maisak & Tatevosov 2007).¹⁵ Выражение дистанции часто используется тогда, когда речь идет о событиях, которые говорящий лично не наблюдал. Однако это необязательно: пример (28) описывает ситуацию на свадьбах, которую говорящий наблюдал неоднократно, но она ему неприятна и он хочет создать дистанцию между собой и этим «обычаем».

2.2.2 Итоги

¹⁵Значение не связано непосредственно с Перфектом: Дуратив и Проспектив с той же формой связи тоже в этом плане противопоставлены аналогичным формам с атрибутивизированной связкой.

пулы. Осталось несколько случаев с суффиксом неизвестного происхождения. Данные о семантике нельзя считать исчерпывающими. Случаи где наличествует больше одного описания языка или конкретной формы показывают, что отсутствие описания в одном источнике не обозначает отсутствие признака.

2.2.3 Другие формы видо-временной парадигмы

2.2.3.1 Общие прошедшие

В результате (частичного) переосмысления перфектоида как заглазного прошедшего, его главный конкурент (Претерит, Аорист или Простое Прошедшее) может приобретать противоположную импликацию: говорящий сам видел описываемое им событие. В литературе оппозиция прошедшего очевидного и прошедшего заглазного описана только для нахских (Molochieva 2010), (Nichols 2011), цезских (Comrie & Polinsky 2007), (Khalilova 2011) и нескольких андийских языков. В случае языков андийской группы это скорее всего связано с тем, что доступные источники не описывают грамматическую семантику временных форм в деталях, используя общепринятые названия, например, «прошедшее заглазное» и «прошедшее очевидное».

Значение очевидности может быть всего лишь оттенком формы, которая по сути является нейтральной, ср. (Forker 2014) о гинухском языке, и (Verhees 2018: 274) про аварский. По мнению Форкер, прошедшие времена в цезских языках скорее всего нейтральны, нежели грамматикализованные показатели прямой засвидетельствованности, поскольку они иногда появляются в незасвидетельствованных контекстах, так же как нейтральная форма в багвалинском языке в описании (Татевосов 2007), см. (Forker 2018a: 498–499). На самом деле, употребление форм заглазного и (условно) очевидного прошедшего в цезских языках требует дополнительного изучения. Распределение форм в нарративах на цезском языке в (Comrie & Polinsky 2007) объясняется в том числе тем, что очевидное прошедшее в контексте заглазного нарратива может служить как прагматический прием «приближения» нарратива к моменту речи и его участникам. Кросс-лингвистически, в рамках нарратива временные формы

с эвиденциальным значением (прямое или косвенное) могут иметь дополнительные не-эвиденциальные функции, например, перемещение действия на передний или на оборот на задний план, ср. (Aikhenvald 2004: 316–317).

По крайней мере в хваршинском языке, по мнению (Khalilova 2011: 43–44), прошедшее очевидное в сочетании с репортативной частицей выражает, что говорящий слышал о событии от очевидца, т.е., значение прямой засвидетельствованности в этом случае кажется устойчивым. В андийском языке (рикванинский диалект), прошедшее с оттенком очевидности в сочетании с репортативной частицей, интерпретируется репортативно, а «прямые оттенки» отменяются (Verhees 2020), но эта тема требует дальнейшего изучения, особенно в сопоставительной перспективе. Носители ингушского последовательно выбирают формы прошедшего времени по параметру эвиденциальности, оппозиция прямой и косвенной засвидетельствованности при этом считается грамматикализованной (Дж. Николс, л.с.), причем она была реконструирована для нахского праязыка (Imnaišvili 1954), хотя см. дискуссию о нахских парадигмах в разделе 2.2.3.2. Формы с оттенком прямой засвидетельствованности также употребляются для общепринятого знания, ср. (Forker 2014: 54) про гинухский язык и (Verhees 2018) про аварский и андийский языки. В языках мира общее знание может выражаться наименее маркированной формой, формой прямой засвидетельствованности или же формой, выражающей презумпцию, см. (Plungian 2010).

2.2.3.2 Перфектные вспомогательные глаголы

В нескольких языках, в которых перфектоид имеет эвиденциальное значение, глагол 'быть' в форме Перфекта является показателем косвенной засвидетельствованности, образуя «перфектную серию»: заглазная парадигма параллельна немаркированным формам (ср. парадигму основных форм прошедшего времени в аварском языке, таблица 2.15).

Таблица 2.15: Аористные и Перфектные серии глагола ‘читать’ в аварском языке (Verhees 2018: 26)

	Аорист	Перфект
Аорист/Перфект	c'al-ana	c'al-un b-ugo
Плюсквамперфект	c'al-un b-uk'-ana	c'al-un b-uk'-un b-ugo
Имперфект	c'al-ul-e-b b-uk'-ana	c'al-ul-e-b b-uk'-un b-ugo

Серии различаются тем, что «Аористные» формы образуются вспомогательным глаголом ‘быть’ *b-uk'-ize* [N-быть-INF] в форме Аориста, а «Перфектные» формы образуются тем же глаголом в форме Перфекта. У форм перфектной серии эвиденциальное значение более устойчиво чем у самого Перфекта. Возможно это объясняется тем, что для неопределённого глагола ‘быть’ в форме Перфекта другие интерпретации недоступны. Соответственно, эти формы имеют эвиденциальное значение во всех контекстах. Подобного рода парадигматизацию мы находим и в тюркских языках (подробнее об этом в разделе 2.2.7). Особенный случай представляет собой чеченский язык, в котором вспомогательный глагол *xila* ‘быть, стать’ в разных формах образует формы косвенной засвидетельствованности (Molochieva 2007). Значение прошедшего заглазного выражается аналитической конструкции из перфективного конверба и вспомогательного глагола в форме Перфекта (*xilla*). Сам Перфект при этом в современном чеченском языке не выражает эвиденциальности (Molochieva 2010), З. Молочиева (л.с.). По структуре чеченское прошедшее заглазное напоминает Плюсквамперфект из перфектной серии в других языках (ср. таблицу 2.15), и Плюсквамперфект в ингушском языке (Nichols 2011: 257)). В чеченском языке на синхронном уровне Плюсквамперфект является синтетической формой. При этом вспомогательный глагол в форме Плюсквамперфекта (*xilliera*) тоже образует заглазные формы. Отметим, что форма на *-na* (в современном чеченском языке Перфективный Конверб / Перфект) реконструируется как показатель косвенной засвидетельствованности на уровне праязыка (Imnaišvili

1954), хотя в (Дешериев 1963: 484–485) форма упоминается как «недавнoproшедшее». При этом в старых текстах в нарративах форма употребляется, по всей видимости, со значением заглазного прошедшего, ср. примеры в (Nichols 1981).

Нам кажется вероятным, что чеченский Перфект в прошлом имел заглазное значение, аналогично когнатным формам в бацбийском (Репортативный Аорист на *-no* (Holisky & Gagua 1994)) и ингушском (Заглазное Прошедшее на *-nad* (Nichols 2011)) языках (о когнатности этих форм см. (Дешериев 1963)). В дальнейшем вспомогательный глагол *xila* в форме Перфекта стал более стабильным показателем заглазности, который образовывал в том числе плюсквамперфект сочетанием перфективного конверба и перфектного вспомогательного глагола: ср. также «инференциальные серии» в ингушском языке (Nichols 2011: 254–261). Бывший заглазный плюсквамперфект (*-na xilla*) в конце концов превратился в Заглазное Прошедшее (о развитии плюсквамперфектов в сторону (эвиденциального) претерита, см. (Сичинава 2013: 43, 154–158)), и собственно Перфект стал специализированной формой текущей релевантности. Стоит отметить, что, по нашим данным, чеченский язык — единственный, в котором каждое из трех значений (результатив, текущая релевантность, косвенная засвидетельствованность) выражаются отдельными формами.

В цахурском языке обнаруживаются параллельные парадигмы другой структуры и происхождения. Каждая финитная форма в цахурском языке имеет атрибутивизированный вариант, который может также использоваться в роли сказуемого. Согласно (Maisak & Tatevosov 2007) из них Перфект, Дуратив и Проспектив с неатрибутивизированной связкой имеют значение, похоже на косвенную засвидетельствованность, тогда как формы с атрибутивизированной связкой образуют их нейтральные эквиваленты. Функция неатрибутивизированных форм описана Т.А. Майсаком и С.Г. Татевосовым как не столько эвиденциальная, сколько более широкая, «эпистемическая», выражающая дистанцирование говорящего от сообщаемой информации.

Таблица 2.16: Перфект, Дуратив и Проспектив в цахурском языке по (Maisak & Tatevosov 2007)

	Неатр.	Атр.
Перфект	aqi wo-d	aqi wo-d-un
Дуратив	aqə wo-d	aqə wo-d-un
Проспектив	aqas-o-d	aqas-o-d-un

Согласно (Maisak & Tatevosov 2007), система эпистемически маркированных форм восходит собственно к Перфекту, хотя нам не совсем очевидно, каким образом подобное развитие могло происходить. По крайней мере на синхронном уровне эвиденциальное (или похожее на него) значение не ассоциируется непосредственно с Перфектом, а именно с формой копулы. Цахурская система необычна в том числе тем, что эпистемически маркированные формы морфологически менее маркированы, тогда как в других языках (в которых, например, имеется перфектная серия) парадигмы устроены обратным образом. При этом эпистемическая оппозиция в цахурском языке, в отличие от эвиденциальной оппозиции в других языках, не ограничивается прошедшим времени, как в других языках, и в прошедшем времени выражается только Перфектом.

2.2.4 Другие вспомогательные глаголы

2.2.4.1 Вспомогательный глагол ‘стать’

В цахурском языке, глагол *ejxe* ‘стать’ в форме Презенса (которая совпадает с имперфективной основой) иногда может выражать инферентивное значение, однако ее семантика в целом неоднозначна и плохо предсказуема (ср. (Татевосов & Майсак 1999b: 291–292)). Тот же глагол в Презенсе выражает презумптив, ср. пример (29).

- (29) samaljot alix-i ejx-e
 airplane 4.fly-PF 4.become-IPFV
 'The plane **has flown** (= left), **probably**.'
 'Самолет улетел, **наверно**.'

(Татевосов & Майсак 1999а: 276–277)

цахурский язык

Отметим, что чеченский глагол *xila*, обсуждавшийся в разделе 2.2.3.2, помимо 'быть' имеет значение 'стать, превращаться в' (Molochieva 2010: 133). В ингушском языке соответствующий глагол имеет значение 'стать' в формах, образованных от основы прошедшего времени (Nichols 2011: 326).

2.2.4.2 Вспомогательные глаголы 'быть', 'оставаться'

В разных даргинских идиомах, глаголы со значением 'быть', 'оставаться', используются как показатель инферентива (Forker 2018a: 500–502). Примерами являются глаголы *b-ies* 'быть' в форме деепричастия прошедшего времени с предикативными личными окончаниями, и *kales* 'оставаться' (Муталов 2002: 147–152). Эти формы оцениваются Р.О. Муталовым как вторичные, т.е. они не являются частью ядра глагольной парадигмы. С другой стороны, согласно Д. Форкер эти формы часто употребляются в фольклорных текстах (Forker 2018a: 500).

2.2.4.3 Вспомогательный глагол 'найти' в прошедшем

В определенной группе языков, которые находились под влиянием аварского языка, глагол 'найти' в прошедшем времени выступает как вспомогательный глагол со значением «обнаружения ситуации» (Даниэль & Майсак 2018).

- (30) mirza uqʼa-li χи
 Мирза м.уходить.PFV-CVB м.находить.PFV
 '[Я домой когда пришел,] Мирза уже ушел (как я **обнаружил**).'

арчинский язык

(Даниэль & Майсак 2018: 127)

Значение «обнаружение ситуации» близко к инферентиву, но не совсем с ним сов-

падает. Оно указывает лишь на момент, когда говорящий (или субъект восприятия) обнаружил некоторую ситуацию, что необязательно подразумевает предшествующий процесс умозаключения со стороны воспринимающего. Интерпретация конструкций с 'найти' при этом зависит от вида лексического глагола. С глаголами в форме имперфективного конверба конструкция указывает на обнаружение ситуации, которая продолжается в момент восприятия (31), что более похоже на прямую засвидетельствованность. Глагол 'найти' в качестве вспомогательного может и появляться в форме заглазного прошедшего. Тогда «обнаружителем» является не говорящий, а персонаж в рамках нарратива, как в примере (32) из андийского перевода сказки о трех поросят.

- (31) hinc'-ibi=la miq'-a-la raq'ë:-w-o š'wa:
 камень-PL=ADD дорога-OBL-SUP поставить-М-PFV.CVB убежать(PFV.CVB)
 w-eñi-ɬa:-χ w-isã
 М-идти-IPFV-CVB М-найти.AOR
 [Когда мы ехали назад, один парень решил нам напакостить:] '(он) камни на дороге расставил, и (я видел, как он) убежал.'
 (Даниэль & Майсак 2018: 126) багвалинский язык

- (32) nif-nif.o-bo=lo nuf-nuf.o-bo=lo b-oci halt'unni-r b-ison-d:u.
 Ниф-Ниф-AFF=ADD Нуф-Нуф-AFF=ADD N-сиблинг работать-PROG N-найти-PF
 'Ниф-Ниф и Нуф-Нуф застали брата за работой (букв. нашли брата работая).'
- (Даниэль & Майсак 2018: 129) андийский: андийский

Значение «обнаружение ситуации» на самом деле достаточно близко к лексическому значению глагола 'найти, обнаружить', и конструкции такого рода занимают весьма периферийное место в глагольной парадигме и не фиксируются в дескриптивных грамматиках, ср. (Даниэль & Майсак 2018: 128). Тем не менее, 'найти' как вспомогательный глагол образует (еще одну) параллельную парадигму, и конструкции с ним переводятся носителями со словом «оказывается», вместо прямого лексического значения глагола 'найти'.

2.2.4.4 Вспомогательный глагол ‘найти’ в будущем

Глагол ‘найти’ в форме будущего времени используется как показатель презумптива, т.е., говорящий делает вывод о том, что событие произошло, на основе общего или личного знания и умозаключения. В отличие от формы прошедшего времени, которая употребляется действительно как вспомогательный глагол, образуя аналитические времена аналогично формам с глаголом ‘быть’, формы будущего времени скорее употребляется наподобие модального наречия, что характерно не только для ‘найти’ в будущем, но и для других вспомогательных глаголов в будущем, как например *b-ik’uɟa* ‘быть’, ‘наверно’ и *b-ukliɟa* ‘падать’, ‘должно’, ср. употребление *b-isinn-ja* (III-найти-FUT) и *b-ik’u-dja* (III-быть-FUT) в примере (33). Глагол ‘быть’ в будущем времени в данном случае передает немного более уверенное утверждение по сравнению с ‘найти’.

- (33) itɬ-χa edinstvennyj slutfaj highi-b sonso-tʃ’u-k:u
 мы.INCL-AD единственный случай DEM-III друг_друга-AD-EL
 w-otʃ’o-s:u-b q’rol-ɬi-s:u-b zij-s:u-b
 М-PL.умирать-NEG-PST.ПТСР ранить-CAUS.AOR-NEG-PST.ПТСР делать-NEG-PST.ПТСР
 slutfaj itɬ-χa zolo itɬ-χa jaraɐ mitʃ’i=gu
 случай мы.INCL-AD очень мы.INCL-AD оружие маленький=EMPH
 b-ik’o-rod=lo b-isin-nja hege-b b-ihu b-ik’o-s:u-rod=lo
 III-быть-MSD=ADD III-найти-FUT DEM-III III-много III-быть-NEG-MSD=ADD
 he-b b-ik’u-dja
 DEM-III III-быть-FUT
 ‘У нас был единственный случай, где друг друга не убивали и не ранили, **может**,
 из-за того что у нас было мало оружия, много не было, из-за этого, **наверно**.’
 (Даниэль & Майсак 2018) андийский: рикванинский

Презумптив от будущего времени ‘найти’ отмечен и в других языках, в которых ‘найти’ в прошедшем времени используется как вспомогательный глагол, см. (Даниэль & Майсак 2018). В литературном даргинском языке презумптив выражается остывшей формой хабитуалиса глагола ‘найти’ (*b-urg-es*) — *burgar*, а в ицаринском диалекте используется глагол ‘быть, мочь’ (*b-iharaj*) в форме будущего времени (Муталов 2002).

2.2.5 Эвиденциальные клитики

Эвиденциальные клитики в нахско-дагестанских языках обычно выражают более специфические значения инферентива или репортатива (в отличие от глагольных времен, одновременно покрывающих оба). Во многих случаях они имеют очевидную этимологию (например, глагол говорения или глагол со значением ‘казаться’). В морфосинтаксическом плане клитики делятся на следующие категории:

- глагольные частицы
- свободные частица
- клитические глаголы

Глагольные клитики присоединяются к разным временным формам глагола, а свободные частицы — к разным частям речи. Глагольные частицы иногда считаются глагольными суффиксами, но, как правило, отличаются от других глагольных суффиксов факультативностью их присоединения, и тем, что они присоединяются к форме, уже имеющей словоизменительные суффиксы, в том же слоте, что и другие частицы необязательного характера, например, интенсификаторы (частицы со значением «же» и «ведь»). При этом их позиция (в самом конце после всех показателей словоизменительных категорий) может оказаться пустой. Свободные частицы по умолчанию тоже присоединяются к главному глаголу, но отличаются от глагольных тем, что могут присоединяться и к другим составляющим предложения, маркируя фокус помимо выражения их основного, эвиденциального значения.¹⁶ Клитические глаголы представляют диахронический более ранний этап в развитии эвиденциальных клитик, среди них имеются застывшие глагольные формы или глаголы, сохраняющие словоизменительные свойства, которые присоединяются к главному глаголу или другим составляющим.

---

¹⁶ В нахско-дагестанских языках для маркирования фокуса используются разные частицы. Например, вопросительные частицы, также как эвиденциальные, обычно присоединяются к глаголу, но могут присоединяться и к главному фокусу вопроса, ср. примеры в (Belyaev & Forker 2016: 253–254).

Наличие эвиденциальных клитик в нахско-дагестанских языках релевантно для настоящего исследования, поскольку их семантика частично совпадает с семантикой эвиденциальных перфектоидов и, соответственно, конкурируют с ними. Однако выявление эвиденциальных клитик в этих языках не так просто. В разделе 2.2.5 мы обсуждали проблему квотатива. Квотатив — показатель чужой речи, который маркирует высказывание от конкретного источника. Он контрастирует с репортативом, который указывает на то, что высказывание в общем основано на информации с чужих слов, без указания на конкретный источник (т.е. морфологический эквивалент «говорят»). В ведущих типологиях категории эвиденциальности, квотатив часто включают в семантическую зону эвиденциальности, хотя на наш взгляд, квотативы (в отличие от репортативов) нельзя назвать показателями эвиденциальности, поскольку указание на источник информации не является их основной функцией. Квотативы всего лишь указывают на то, что некоторое высказывание является цитатой. Указание на источник этой цитаты при этом необязательно. В нахско-дагестанских языках, например, квотативы могут употребляться с точки зрения исходного адресата цитаты, вместо исходного говорящего, ср. примеры (34) и (35) из ботлихского языка.

- (34) in.š:u-č'u arsi guč'i=**tal**u hiλ'u
REFL.M-AD money NEG.COP=QUOT say.AOR
‘[Он] говорил, что у него нет денег.’ ботлихский язык
(Саидова, Абусов 2012)

- (35) ilu-χi masas:i=**tal**u hiλ'u di-qi
mother-APUD tell.PRON=QUOT say.AOR 1SG-APUD
‘‘Не говори маме’’, мне говорили.’ ботлихский язык
(Саидова & Абусов 2012)

При этом возможно сочетание частицы с определенным набором других матричных глаголов, кроме глаголов говорения (и слышания), например: ‘думать’, ‘считать’. Тем не менее, квотативы не являются общими комплементаризерами, поскольку сочетаются не с любым матричным глаголом, а только с теми, которые могут принимать

вербализацию мыслей как сентенциальный актанта. Например, такие глаголы как ‘видеть’ или ‘хотеть’ используют нефинитную стратегию комплементации без частицы.

Однако проблема в том, что четкое разграничение квотатива и репортатива не всегда возможно для нахско-дагестанских языков. Есть языки, где эти функции выполняют отдельные морфемы, но в других языках, одна форма может выполнять обе функции, поскольку квотативы часто являются диахроническими источниками репортативов, ср. примеры (36) и (37) из багвалинского языка со сложной частицей *ɤala(di)* и данные цезских языков в (Khalilova 2011: 42–44).

- (36) “*čo=ɤala tak mala=di,*” *heɭ'i gaʔiʃnik-ʃ:u-r*
что=QUOT так мало=QUOT говорить гаишник-OBL.M-ERG
“‘Что так мало?’ - сказал гаишник.’

(Чумакина & Майсак 2001: 723)

багвалинский язык

- (37) *de: s'orolu-w ek'wa=ɤala*
я умный-М AUX.PRS=QUOT
‘Я — умный, говорят.’

(Чумакина & Майсак 2001: 723)

багвалинский язык

Во многих случаях описаны всего лишь некие «цитативные частицы или «цитативные формы глагола», точная функция которых остается не совсем ясной. Поэтому на данный момент сложно определить, где мы находим специализированные квотативы и репортативы, а в каких языках они выражаются одной формой. В связи с этим, мы рассмотрели все клитические формы со значением косвенной засвидетельствованности, инферентива или передачи чужой речи, и дальше постарались выявить показатели эвиденциальности. Среди 77 таких форм,¹⁷ нашлось 33 показателя эвиденциальности, включая квотативы, про которые мы знаем что они могут выражать репортативность.¹⁸ Специализированных показателей всего только 25, в 14 языках (см. ареальное распределение разного рода показателей в разделе 2.2.8), и среди них — 18 репортати-

¹⁷ См. полный список и свойства показателей по ссылке .

¹⁸ Стоит иметь в виду, что возможно есть больше квотативов с репортативной функцией, для которых это значение просто не было описано в источниках.

вов, 4 инферентивов и 3 показателя косвенной засвидетельствованности.

В некоторых случаях клитики очевидно происходят от смыслового глагола. Известным примером является лезгинская частица *lda*, от *luhuda* ‘говорится’ (англ. one says) (Haspelmath 1993), см. также анализ лакских клитик В. Фридмана (Friedman 2007: 367–368). В крызском языке отмечен единственный пока случай заимствования эвиденциальной морфемы из тюркского (азербайджанского) языка. Суффикс *-miš* в крызском языке присоединяется к разным формам глагола и выражает косвенную засвидетельствованность (Authier 2009: 255–257). Нам кажется вероятным, что крызский *-miš* является заимствованием не азербайджанского глагольного суффикса *-miš*, а копулы *-(i)miš*, см. подробнее раздел 2.2.7.

2.2.6 Прочие способы выражения эвиденциальности

В (Forker 2018c: 196–197) отмечается эвиденциальная стратегия в аварском языке, при которой причастие прошедшего времени используется в качестве главного предиката в значении косвенной засвидетельствованности. Подобная стратегия существует, например, в литовском языке (Wälchli 2000). В кумыкском и в других тюркских языках форма косвенной засвидетельствованности также совпадает с причастием прошедшего времени. Однако для аварского языка имеются всего лишь отрывочные сведения об этой стратегии, причем уточняется, что она очень ограничена в своем употреблении. Эти конструкции при этом отвергаются современными носителями: причастие прошедшего времени в качестве главного предиката в современном языке приобретает эвиденциальное прочтение только в сочетании с репортативной частицей *ila* (Forker 2018c: 196–197). Употребление причастия в качестве сказуемого в общем распространено в нахско-дагестанских языках, с разными функциями (например: разного рода модальность, ср. (Калинина 2003), но насколько мы знаем, именно эвиденциальная функция не отмечена нигде, кроме аварского языка, ср. также (Бокарёв 1949b: 69–80) о причастии в роли сказуемого в аварском языке.

В ахвахском языке два суффикса перфективного прошедшего времени находятся в

эгофорической оппозиции (Creissels 2009). В утвердительных предложениях суффикс *-ada* согласуется с субъектом первого лица (38), тогда как *-ari* используется в со вторым и третьим лицом (39). В вопросах, наоборот, *-ada* коррелирует с вторым лицом (40), а *-ari* с первыми или третьим лицом (41). Это распределение немного напоминает о переключении интерпретации эвиденциальных показателей в вопросах как указывающих на (предполагаемый) источник информации адресата / второго лица, обсуждаемом нами в разделе 1.1.

- (38) de-de кава q:war-ada
1SG-ERG paper write-PFV2
'I wrote a letter.'
'Я написал письмо.'

(Creissels 2009: 11)

ахвахский язык

- (39) me-de / hu-s:w-e кава q:war-ari
2SG-ERG / DIST-M-ERG paper write-PFV2
'You/he wrote a letter.'
'Ты/он написал письмо.'

(Creissels 2009: 11)

ахвахский язык

- (40) me-de čũda кава q:war-ada?
2SG-ERG when paper write-PFV2
'When did you write a letter?' 'Когда ты написал письмо?'

(Creissels 2009: 11)

ахвахский язык

- (41) de-de / hu-s:w-e čũda кава q:war-ada?
1SG-ERG / DIST-M-ERG when paper write-PFV2
'When did I/he write a letter?' 'Когда ты написал письмо?'

(Creissels 2009: 11)

ахвахский язык

2.2.7 Эвиденциальность в тюркских языках Восточного Кавказа

На территории Дагестана представлены три тюркских языка из двух разных ветвей (ср. выше раздел 2.1): ногайский и кумыкский (кыпчакская группа) и азербайджанский (огузская группа). В тюркских языках представлена категория, похожая на про-

шедшее заглазное, реализующаяся разными морфемами в разных ветвях семьи. Суффикс *-miş*, который также представлен в турецком языке (Slobin & Aksu-Koç 1986), выражает результативность / стативность (в очень ограниченных контекстах), заглазность и некоторые дальнейшие семантико-прагматические ответвления как, например, дистанцирование говорящего (Slobin & Aksu-Koç 1986, 1982). В азербайджанском языке имеется тот же суффикс, но эвиденциальное значение в нем почти полностью утрачено, причем, по мнению (Johanson 2018), это произошло под влиянием персидского языка, хотя ср. (Lazard 2000). Для азербайджанской формы более характерно значение текущей релевантности. Согласно (Ширалиев & Севортян 1971: 127), эвиденциальная интерпретация возникает только в сопровождении «вводных элементов», таких как 'говорят' или 'кажется'. Во всех огузских языках форма на *-miş* противопоставлена форме на *-di* — основное прошедшее с оттенком прямой засвидетельствованности. Во многих работах система прошедшего времени (в основном турецкого языка) описывается как образующая оппозицию засвидетельствованных и незасвидетельствованных событий, но интерпретация прошедшего на *-di* как средства выражения прямой засвидетельствованности не общепринят.

Помимо этого существует связка *-(i)mış*, которая образует ряд других форм парадигмы прошедшего времени. В азербайджанском языке формы с *-(i)mış* по умолчанию интерпретируются как заглазные, что указывает именно на утрату эвиденциального значения в основной форме на *-miş*. Показатели *-miş* и *-(i)mış* часто реализуются одинаково, но различаются своей позицией в словоформе: *-miş* добавляется к основе, а *-(i)mış* к другим словоизменительным формам (включая причастие на *-miş*). На наш взгляд, крызская частица *-miş* именно восходит к копуле *-(i)mış*, так как собственно суффикс *-miş* в азербайджанском языке уже не имеет эвиденциального значения (см. также (Johanson 2006: 173) о суффиксе *-miş* в татском языке). При этом, в крызском языке эта частица добавляется к полным словоформам, подобно азербайджанской копуле. В кыпчакских языках в качестве аналога прошедшего на *-miş* представлена форма на *-kan*, которая противопоставлена прошедшему на *-di* — когнат азербайджанской фор-

мы. Семантика кумыкского Перфекта на *-ван* в (Абдуллаева и др. 2014: 335) описана следующим образом: «Общее значение перфекта составляет синтез временного значения перфекта и модального значения неочевидности, «заглазости» действия.» Судя по примерам и описанию, перфектное значение в кумыкском языке включает в себя результатив в узком смысле, результативный перфект, и экспериентив. Косвенная засвидетельствованность включает в себя инферентив и репортатив, но и презумптив, что для нахско-дагестанских языков не очень характерно. Стоит отметить, что согласно (Johanson 2018), формы на *-ван* скорее перфектные, чем заглазные. В ногойском же языке, прошедшее на *-ван* согласно Н. Баскакову имеет результативное значение (Баскаков 1940). Заглазная парадигма в кумыкском языке (и в общем в языках кыпчакской группы) образуется со вспомогательным глаголом *bol-ван* (Абдуллаева и др. 2014: 335), а в ногойском языке используется частица *eken*.

Суффиксы *miş* и *ван* совпадают с суффиксами прошедшего или результативного причастия. В кыпчакских языках в отличие от огузских появляются новые перфектоиды на основе конверба, см. (Johanson 2018). Форма на *-miş* в качестве прошедшего заглазного отмечена уже в старотюркских письменных источниках IX – XIII веков, а финитное употребление формы на *-ван* в них не представлено (Erdal 2004: 233). Обе формы при этом сохраняют результативные и перфектные употребления, особенно в тюркских языках нахско-дагестанского ареала, в отличие, например, от современного турецкого, ср. (Slobin & Aksu-Koç 1982: 188). Точная этимология суффикса *-miş* при этом остается неизвестной. Тенишев предполагает, что *-ş* является формантом перехода одного состояния в другое, но не обсуждается, ни какая форма является первичной (причастие или финитное прошедшее), ни в результате каких процессов они совпали (Тенишев 2002: 189–190). Здесь возможны разные диахронические сценарии: i) нефинитная форма приобретает финитную функцию через стадию аналитической формы, в которой потом опускается вспомогательный глагол и возникает синкретизм финитной и нефинитной форм; ii) нефинитная форма приобретает финитную функцию через десубординацию подчиненной клаузы. Возможно, есть и третий вариант,

при котором финитная форма, восходящая к аналитической структуре, начинает употребляться как нефинитная. Такой сценарий в целом кажется не очень вероятным (ср. однако в разделе 2.2.1.1.3 наше изложение данных андийского языка, в котором финитный перфект, возможно, был переосмыслен как конверб). В разделе 1.2 уже было отмечено, что для некоторых языков Кавказа считается вероятным, что косвенная засвидетельствованность как значение перфекта появилась под влиянием тюркских языков, так как для таких языков как армянский или грузинский, появление данного употребления соответствующих форм можно проследить в старых письменных источниках. Для нахско-дагестанских языков имеются только кавказско-албанские палимсесты V-VI века, в которых нет заглазных или перфектоподобных форм. Кавказский албанский язык является предком современного удинского языка, в котором также отсутствуют заглазные формы.

Если допустим, что в нахско-дагестанских языках косвенная засвидетельствованность как значение перфектоидов появилось под влиянием местных тюркских языков, то это произошло в результате достаточно сложного процесса. В формальном плане нахско-дагестанские формы (преимущественно аналитические формы с конвербом и копулой) очень сильно отличаются от тюркских, которые совпадают с причастием. При этом, именно в тюркских языках, представленных на Восточном Кавказе, заглазное значение не так сильно развито. Л. Йуханском в своей теории о заимствованной морфологии как *code copying*, описывает феномен избирательное копирование, при котором заимствуется не морфему со всеми своими свойствами, а только определенные свойства исходной формы. В данном случае, нахско-дагестанские языки якобы заимствовали семантический компонент «похожей» формы, т.е., формы, выражающей частично ту же функцию (результатив/текущую релевантность), но с дополнительной функцией, не представленной в нахско-дагестанских языках (а именно: косвенная засвидетельствованность).

Естественно, доказать, что такое развитие произошло именно вследствие контактов, тем более при отсутствии письменных памятников и необходимых историче-

ских данных о многоязычии, затруднительно, особенно потому, что подобного рода развитие может происходить и без контактного влияния (см. раздел 1.2.1). В связи с этим, Л. Йохансон предполагает смешанный процесс, при котором языковой контакт с тюркскими языками способствовал внутриязыковым тенденциям (Johanson 2006: 172). В следующем разделе речь пойдет о том, насколько контактная гипотеза происхождения эвиденциальных перфектоидов подтверждается ареальным распределением признаков категории эвиденциальности в нахско-дагестанских языках.

2.2.8 Распределение показателей на карте

В Атласе языковых структур — World Atlas of Language Structures (WALS) (Dryer & Haspelmath 2013) представлены две карты эвиденциальности: карта способов кодирования эвиденциальности (de Naan 2013a) и карта значений, покрываемых системой (de Naan 2013b). На картах отмечены 10 из 29 языков нахско-дагестанской семьи. Помимо проблем более общего характера (например, решения автора о том, что представляет собой грамматический показатель, и отсутствие указаний на конкретные морфемы), в данных нахско-дагестанских языков мы заметили некоторые неточности.¹⁹

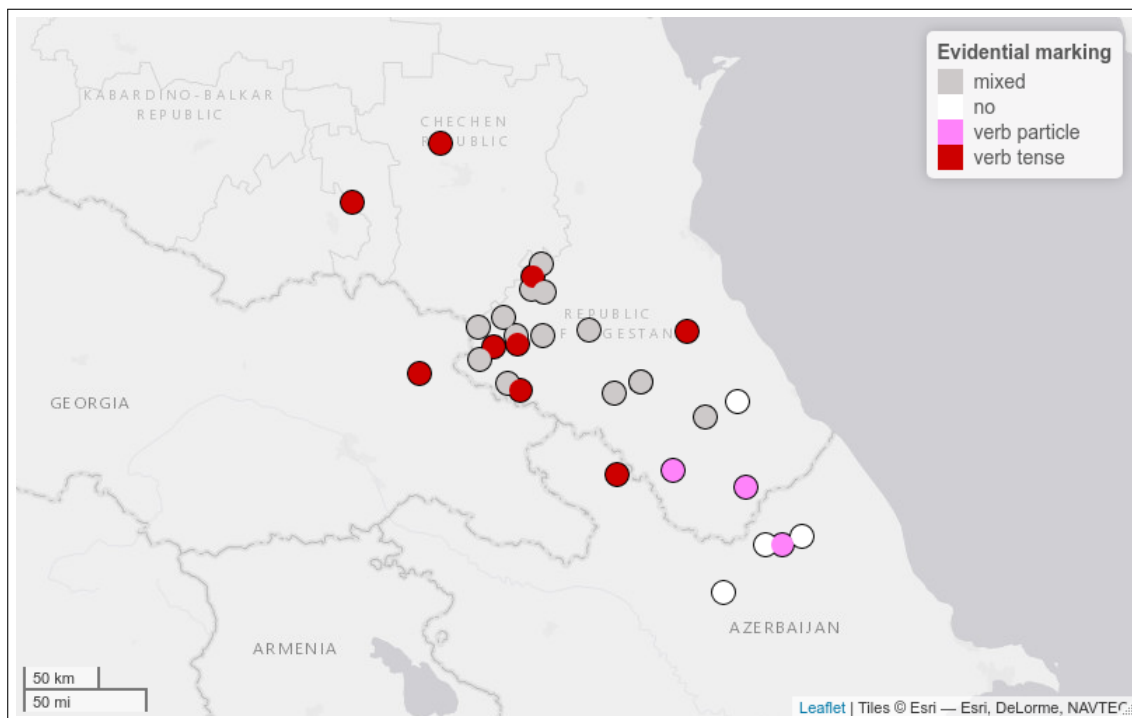
На рисунке 2.3 представлена наша версия распределения разных способов кодирования эвиденциальности среди нахско-дагестанских языков. Мы учитывали только те категории, которые представлены на карте в WALS, и для удобства сравнения использовали те же цвета.²⁰ На карте изображены все 29 языков семьи. На карте (de Naan 2013a) представлено четыре языка, выражающих эвиденциальность видо-временными формами глагола (verb tense), три языка где она выражена глагольными аффиксами / клитиками (verb particle). Смешанная система (mixed = видо-временная система + аффикс/клитика) отмечена только в бацбийском языке, а в двух языках (лакский и будух-

¹⁹В лакском языке, например, эвиденциальность не отмечается, со ссылкой на статью Г.Б. Муркелинского. Тот же автор несколько лет спустя написал полную грамматику, в которой он описывает эвиденциальные частицы (Муркелинский 1971) (см. однако обсуждение статуса этих форм в (Friedman 2007)). Имеются и другие неточности и неверные интерпретации, которые перечислены в (Verhees 2019b).

²⁰Интерактивные версии всех карт в настоящем разделе доступны по ссылке: <https://sverhees.github.io/maps/m43.html>.

ский) категория отсутствует.

Рис. 2.3: Кодирование эвиденциальности в нахско-дагестанских языках

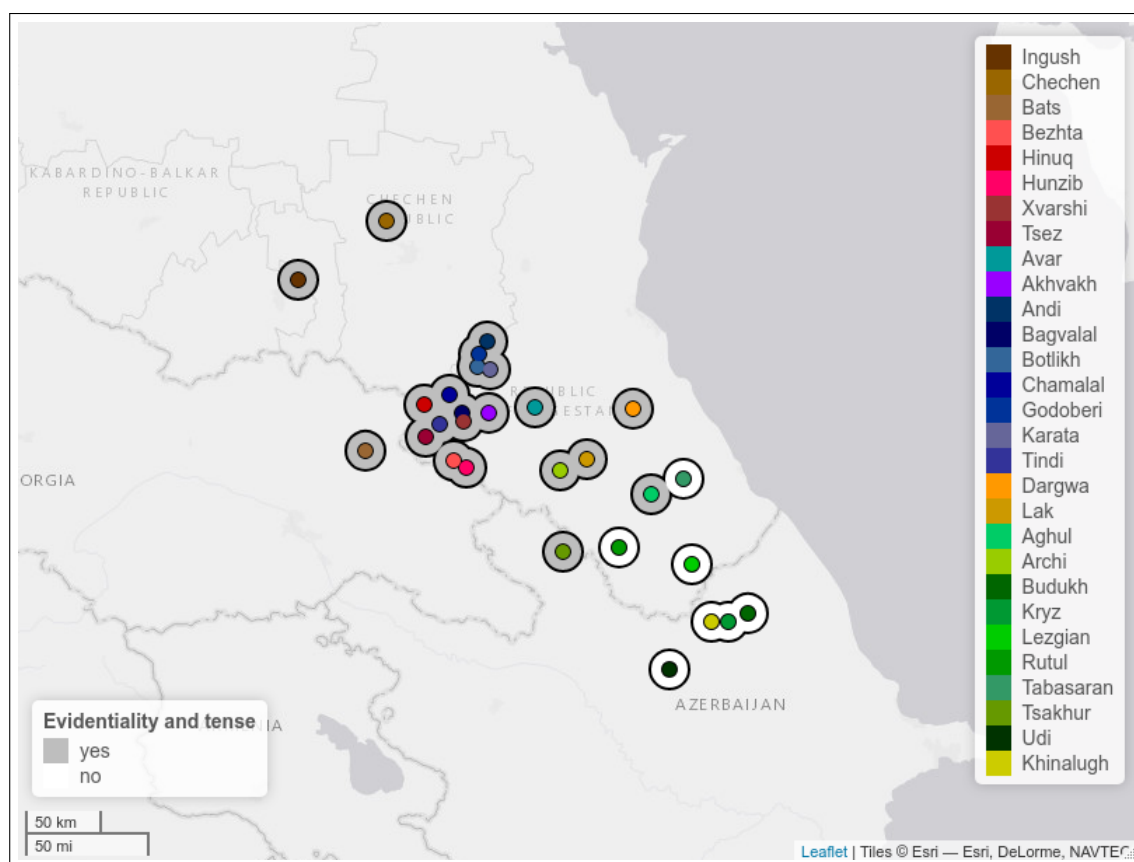

По нашим данным, смешанные системы более распространены: они находятся в 16/29 языков. В 7 языках эвиденциальность выражается только внутри видо-временной системы, а соответствующие клитики не отмечены. В трех языках имеются только специализированные глагольные аффиксы. В трёх языках категория видимо отсутствует: в удинском, в будухском и в табасаранском. Из них удинский относительно хорошо изучен, так что можно с большой уверенностью предполагать, что категории эвиденциальности в нем нет. Ниже приводим более детальные карты, на которых разные способы (глагольные формы / частицы) изображены на отдельных картах.

На рисунке 2.4 показано, в каких языках эвиденциальность отмечается внутри видо-временной парадигмы (включая как несмешанные, так и смешанные системы). Цвет точки соответствует языку, а присутствие или отсутствие эвиденциальности указано цветом ободка.

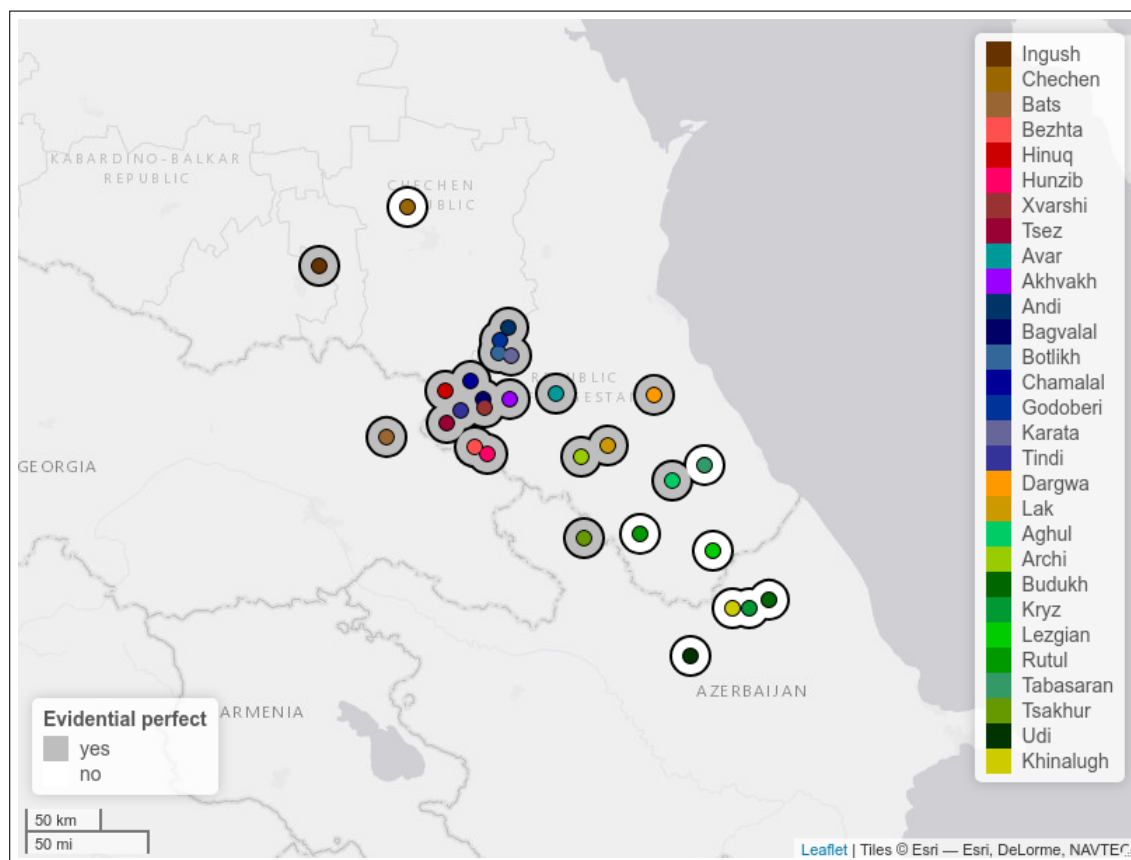

Рис. 2.4: Эвиденциальность в видо-временной системе нахско-дагестанских языков

На рисунке 2.4 можно заметить ареально-генеалогический паттерн. Среди лезгинских языков на юге региона признак отсутствует (исключениями являются цахурский и агульский языки). При этом мы знаем, что азербайджанский язык очень сильно влиял на языки этого региона. Эвиденциальность в видо-временной системе связана главным образом с перфектоидными формами, выражающими косвенную засвидетельствованность. Рисунок 2.5 показывает распределение перфектоидов с эвиденциальным значением и без него, показанное так же, как на предыдущей карте.

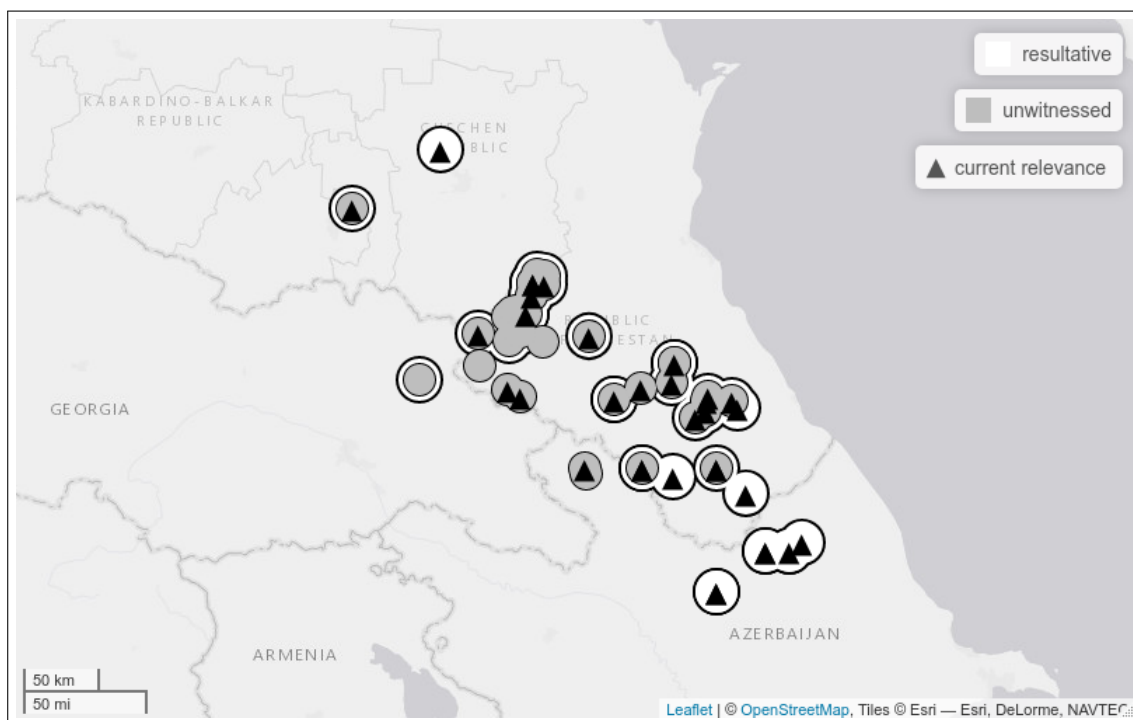
Рис. 2.5: Перфектоиды и эвиденциальность в нахско-дагестанских языках

В данных о перфектоидах, которые представлены в разделе 2.2.1, было учтено несколько дополнительных диалектов; были проанализированы разные перфектоидные формы.²¹ Карта показывает распределение перфектоидов на карте по семантическим признакам. Она отражает ареальные паттерны, аналогичные тем, которые наблюдаются выше на рис. 2.4, 2.5: на юге эвиденциальное значение у перфектоидов отсутствует (рис. 2.6), а результативное значение и текущая релевантность по контрасту представлены по всему региону.

²¹Точки, показанные на картах на рисунке 2.6, имеют разную природу. На предыдущих картах использовались координаты языков из базы данных Glottolog 4.0 (Hammarström, Forker & Haspelmath 2013). Координаты Глоттолога представляют приближение примерного региона проживания носителей какого-то языка. Реальность, конечно, сложнее (ср. например рисунок 2.1 в настоящей работе. В рисунке 2.6 пункты из Глоттолога дополнены более точными сведениями там, где это возможно. Одноаульный ширинский даргинский, например, имеет координаты самого села Шари (по данным карт поисковой машины Гугл). В исходных данных указано, какого рода точка используется — координаты определенного села или обобщенная точка по Глоттологу.

Рис. 2.6: Значения перфектоидов в нахско-дагестанских языках

По сравнению с эвиденциальностью как значение перфектоида, эвиденциальные клитики, описанные в разделе 2.2.5 не показывают ярко ареальное распределение, ср. рисунки 2.7 и 2.8.

Рис. 2.7: Эвиденциальность в видо-временной системе и клитики

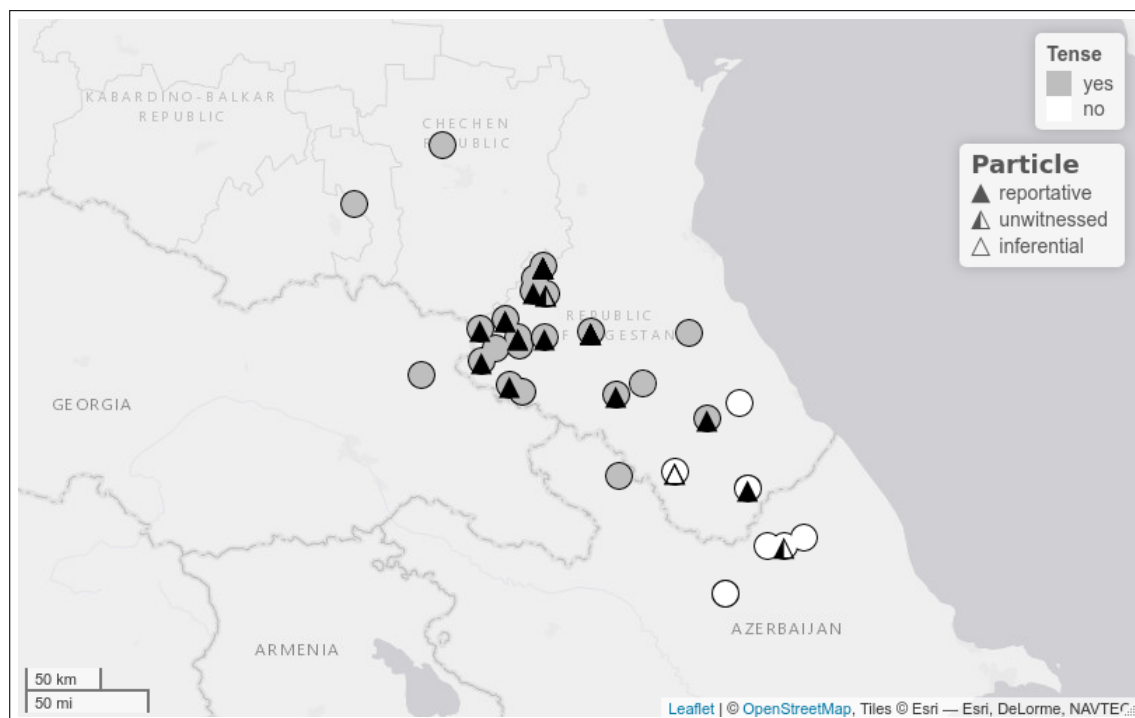
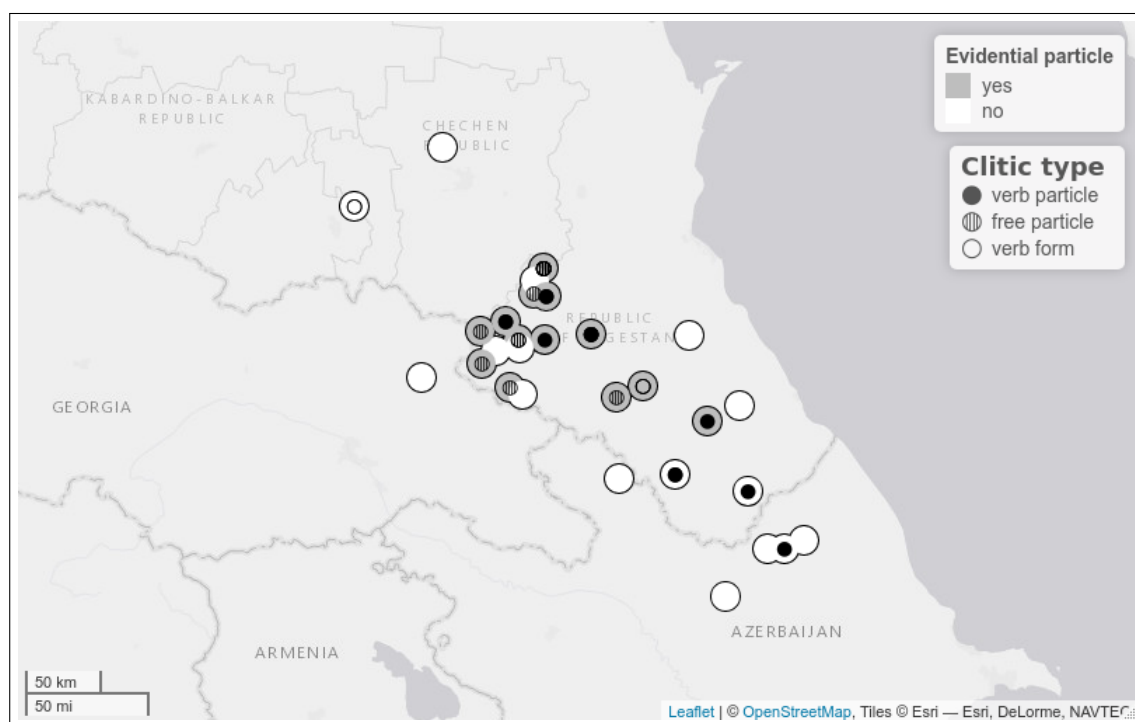

Рис. 2.8: Распространение эвиденциальных клитик

2.2.9 Итоги

Эвиденциальность в нахско-дагестанских языках появляется в первую очередь как одно из значений перфектоидных форм. Эти формы обладают разной степенью конвенционализации и грамматикализации эвиденциального значения. Все они происходят из результативной конструкции, чаще всего на основе (общего перфективного) конверба и копулы. В некоторых, но не во всех языках при этом используются когнатные единицы. Представлены и другие варианты оформления функционально аналогичной конструкций, в том числе конструкции на основе причастия или суффиксальной конструкции неизвестного происхождения. В целом складывается впечатление, что перфектоидные формы в нахско-дагестанских языках не сводятся к единому источнику в праязыке, но представляют собой параллельный дрейф, причем пути их эволюции и организация парадигмы в разных языках могут достаточно сильно различаться: с одной стороны, одна форма может сочетать все возможные значения перфектоида (результатив, текущая релевантность, косвенная засвидетельствованность), с другой стороны, в языке может быть одновременно представлено несколько более специализированных форм. Специализированные узкие результативы в нахско-дагестанских языках отличаются от форм текущей релевантности тем, что они не допускают присутствие действующего субъекта, см. раздел 2.2.1.2.1. Эвиденциальная функция и функция текущей релевантности, в типологических подходах часто считающаяся прототипической функцией перфекта, в нахско-дагестанских языках обе хорошо представлены. При этом, если семантика TP распространена по всему региону, эвиденциальность как значение перфектоида на юге Дагестана в основном отсутствует. Тот факт, что данное значение здесь не отмечается, по-видимому, не является результатом неполноты описаний, что подтверждается подробным исследованием (Maisak 2019).

Любопытное ареальное распределение признака косвенной засвидетельствованности как значения перфектоида, по контрасту с распределением разного рода эвиденциальных клитик, как обсуждалось в разделе (2.2.8). Тем не менее, сравнение описаний форм в нахско-дагестанских языках с соответствующими формами из тюркских

языков не позволяет предполагать, что данный признак, в тех языках, где он присутствует, появился под влиянием контакта с тюркскими языками, по разным причинам. Во-первых, в дагестанских тюркских языках косвенная засвидетельствованность, по всей видимости, слабо выражена. Во-вторых, если какое-то заимствование из тюркских языков имело место, то речь идет о заимствовании дополнительного компонента значения у частично аналогичной формы (см. раздел 2.2.7), что представляет собой достаточно сложный процесс. Нахско-дагестанские перфектоиды формально сильно отличаются от тюркских: в тюркских языках выражение косвенной засвидетельствованности осуществляется конструкциями на основе причастий, тогда как для нахско-дагестанских языков более характерны конвербы. При этом в нахско-дагестанских языках широко представлены аналитические формы, в то время как аналитическое происхождение тюркских конструкций не доказано. В-третьих, несмотря на то, что признак скорее всего не сводится к уровню праязыка или даже праязыков разных групп, и он подозрительно частотен на Кавказе, нельзя опровергать сценарий, что он развивался самостоятельно в отдельных языках, особенно при отсутствии исторических данных о языках и языковых контактах. Тем не менее, можно обнаружить два ареала в данном регионе, которые включают в себя тюркские языки: северо-западная / центральная зона, где признак наличествует, и южная зона, где он отсутствует.

В разделе 2.1 было отмечено, что влияние мусульманской культуры и исламизации шло с юга на север, что отражается и в местном фольклоре: на севере до какой-то степени сохранены фольклорные мотивы, которые характерны для разных народов Северного Кавказа и которые предшествовали исламизацию, тогда как на юге они не представлены. Напомним, что тюркские народы играли важную роль в распространение ислама и исламской культуры на этой территории. В частности, азербайджанский язык служил важным посредником между нахско-дагестанскими и иранским языками. Вместе с исламизацией пришли письменность и новые литературные формы. Возможно, определенную роль в распространении эвиденциального употребления перфектоидов (или его отсутствия) играла именно литература. В конвенционализован-

ных нарративных жанрах эвиденциальные показатели используются особенно часто, а функция их в таких контекстах наиболее ярко выражена. В третьей главе мы рассмотрим употребление перфектоидов в фольклоре и в нарративных текстах. Там же обсуждается сценарий, при котором присутствие тех или иных тюркских языков могло способствовать или препятствовать развитию заглазной семантики.

Глава 3

Эвиденциальность и «перфектоиды» в нарративах

Как отмечено в (Labov & Waletzky 1967), по сравнению с обычной речью в нарративах говорящие пользуются более ограниченным набором глагольных форм. Говорящие выбирают определенную форму для главной линии рассказа, а другие формы играют вспомогательную роль для внутреннего структурирования текста или оформления фоновых событий и дополнительных сведений. Для главной линии наиболее характерны перфективные формы глагола или пунктивные предикаты, поскольку они обозначают законченные действия и тем самым имплицируют возможность какого-то последующего действия, тогда как у имперфективных и дуративных форм, которые соответственно употребляются для оформления фоновых событий и информации, эта возможность отсутствует (Norper 1982). Особые эффекты употребления форм несовершенного вида, в частности, форм настоящего времени, в нарративе обсуждаются в (Падучева 2010: 287-290). Согласно Р. Шинзато, употребление в фоновых эпизодах свойственно и эвиденциальным перфектоидам, например, старояпонской форме со вспомогательным глаголом *-keri*, по контрасту с *-ki* образующим нечто наподобие аориста (Shinzato 1991). По мнению Шинзато, это связано с исходными, видо-временным значением перфекта, который обозначает дуративное событие. Хотя эвиденциальный пер-

фектоид, в отличие от прототипического перфекта, также встречается в главной линии нарратива, такое употребление считается диагностикой для «неперфектности», как уже обсуждалось в разделе 1.2.1. Внутри главной линии чередование разных форм может структурировать дискурс. В саларском языке тюркской семьи формы прямой засвидетельствованности в незасвидетельствованном нарративе, который в целом основан на использовании заглазных форм, используются для выдвижения какого-то события на передний план (Dwyer 2000: 55–56), см. подробнее о разного рода отступлениях от основной линии в разделе 3.3. В любом случае, в нарративах одна форма как правило преобладает над другими.

В цезском языке нахско-дагестанской семьи, где оппозиция прямой и косвенной засвидетельствованности считается грамматикализованной (см., однако, обсуждение в 2.2.3.1), говорящие могут употреблять форму прямой засвидетельствованности в заглазном нарративе для «приближения» рассказа к моменту речи и его участникам, аналогично употреблению форм настоящего времени в рассказах о прошлом (Comrie & Polinsky 2007). В приложении к статье Комри и Полинской приводится история на диалекте с. Кидеро, в которой рассказчик начинает рассказывать в прошедшем заглазном, после чего переключается на прошедшее очевидное, хотя речь идет о легендарных событиях. Там же отмечается, что форму глагола в первом предложении можно было бы рассматривать как нарративное обрамление, после которого допускается переключение на форму с очевидным значением допускается. Тем не менее в течение рассказа говорящий несколько раз возвращается к прошедшему заглазному, и мотивация этих переключений остается не до конца понятной, на что указывает Д. Форкер (Forker 2018a: 499). Возможно, здесь играет роль функция внутреннего структурирования дискурса, хотя моменты переключения в цезском тексте не маркируют явные переходы на фоновые события. Это подтверждается и тем, что почти во всех случаях одну форму можно заменить другой (Comrie & Polinsky 2007: 342–343). В нахско-дагестанских языках мы находим разные нарративные стратегии. Кроме стратегии с общим прошедшим, в нарративах о незасвидетельствованных событиях отмечается

упомянутая выше стратегия с заглазным перфектоидом, а также стратегии с репортативом и с особым вспомогательным глаголом в роли показателя эвиденциальности. Отдельной стратегией можно считать случаи, в которых рассказ начинается с эвиденциально маркированной формы, после чего рассказчик переходит на менее маркированную форму (например, общее прошедшее). В зависимости от режима повествования встречаются стратегии, перечисленные в таблице 3.1. По-видимому, контекст прямой засвидетельствованности — наименее маркирован, и общее прошедшее — нейтрализующее значение. Следует иметь в виду, что приведенный нами список стратегий отнюдь не исчерпывающий.

Таблица 3.1: Нарративные стратегии в нахско-дагестанских языках

	Прямая засв.	Косвенная засв.
Общее прошедшее	+	+
Перфектоид	-	+
Репортативная частица	-	+
Специализированный всп. гл.	-	+
Обрамление перфектоидом и общее прошедшее в главной линии	-	+

Остается неизученным, коррелируют ли разные нарративные стратегии с конкретными жанрами нарратива. Про эвиденциальные показатели известно, что они склонны к конвенционализации в определенных нарративных жанрах — становятся признаками жанра. В традиционных повествовательных жанрах, таких как сказки, и особенно в сказочных формулах, употребление показателя часто зависит не от говорящего и его источника информации, а от условностей нарративных традиций. Во многих языках такую роль играют репортативные показатели. В нахско-дагестанских языках, наряду с перфектоидами, эта стратегия также отмечена. При этом репортати-

вы могут присоединяться к каждому предикату в цепочке нарративных клауз, а могут - только к некоторым из них. В нескольких нахско-дагестанских языках (включая, например, аварский) доступны обе, более менее синонимичные стратегии (с перфектоидом и с репортативом), но разница в выборе той или иной пока неисследована, ср. (Forker 2018c). Типологические ожидания состоят в том, что заглазные стратегии более конвенционализированы и, соответственно, последовательно используются по крайней мере в традиционных жанрах, таких как сказки или эпосы. Наши предварительные данные пока не подтверждают, что жанры в этом плане существенно отличаются. Среди нарративных жанров, представленных во всех нахско-дагестанских языках, включая бесписьменные, мы находим по крайней мере следующие:¹ i) героические эпосы; ii) разного рода сказки; iii) местные легенды (например предания о создании села); iv) анекдоты общего характера (по фольклорным мотивам); v) личные анекдоты (о родственниках и знакомых); vi) истории из собственного опыта.

Классификация носит упрощенный характер — каждый из упомянутых жанров покрывает несколько частных поджанров, с которыми связаны определенные традиции рассказывания, например, сказки о животных или нартские эпосы. Сопоставительное изучение лингвистической специфики каждого из них остается задачей будущего. Мы не учитываем песни и стихи, несмотря на то, что они могут иметь повествовательный характер. К тому же, в языках с письменной традицией, на которых издаются книги, газеты и художественная литература, представлено куда больше жанров, возможно, со своими тонкостями употребления тех или иных форм глагола. По крайней мере в аварском языке перфектоид играет особенную роль в публицистических текстах (Forker 2018a) и в переводе религиозной литературы — события в Библии, например, по умолчанию переданы в пересказе, так что в ее переводах встречаются перфектоиды в качестве заглазного прошедшего. Однако это не всеми носителями считается уместным, так как перфектоид часто ассоциируется с вымышленными событиями (Verhees 2018). Подобным образом и в других языках с заглазным перфектои-

---

¹Стоит отметить, что героические эпосы для юга региона менее характерны (ср. раздел 2.1).

дом форма избегается, когда речь идет об исторических событиях, которые говорящий (или писатель) считает «реальными» см. (Slobin & Aksu-Koç 1982: 187) и (Shinzato 1991: 42–43).² Поскольку цель настоящего исследования — сравнение разных, не только литературных нахско-дагестанских языков, мы рассматриваем только жанры, представленные во всех языках.

В настоящей главе мы анализируем употребление глагольных и эвиденциальных форм в нарративах. Сначала мы обсудим употребление форм в элицитированных нарративных текстах 3.1.1, затем в естественных нарративах (3.6). В разделе 3.1 обсуждаются общие проблемы элицитации эвиденциальности, а раздел 3.2 посвящен вопросу о том, насколько нарративное употребление можно считать диагностическим признаком эвиденциальности. Затем мы перейдем к собранному нарративному материалу. Исследование естественных текстов требует нескольких предварительных определений (3.3), в том числе определения того, что, на наш взгляд, является нарративным текстом (3.3.1). Материал в разделе 3.6 потребует краткого введения в грамматические особенности рассматриваемых языков (3.4) и описания принципов разметки нарративов на этих языках, которым мы следовали (3.5).

3.1 Элицитация эвиденциальных форм

Методом элицитации предложений можно получить некоторые сведения об употреблении видо-временных форм глагола и их уместности в тех или иных контекстах. Конкретно для изучения разных значений перфекта в рамках исследовательской группы Eurotur была разработана анкета (Dahl 2000), опиравшаяся, в частности, на результаты работы (Dahl 1985). Анкета широко используется в типологических исследованиях, и в литературе нередко встречаются примеры, которые были элицитированы с ее помощью. Анкета состоит из 88 предложений на английском языке, включающих краткое описание ситуативного контекста. Анкета включает дополнительные вопросы об упо-

---

²Подробнее о тонкостях употребления заглазных и незаглазных форм при рассказе об исторических «фактах» см. в (Friedman 1986, 2014).

треблении формы, например, встречается ли она в тех или иных нарративных жанрах. Главная глагольная форма в примере на языке-стимуле не спрягается. Носитель должен перевести предложение на свой язык с учетом описанной ситуации, ср. вопросы 58 и 59 из анкеты (Dahl 2000: 804).

- (1) 58. [A comes from the kitchen very agitated and tells B what he has just seen happen:]
A: The dog EAT our cake!
- (2) 59. [A comes from the kitchen where he has just seen the sad remains of the cake. He tells B what he assumes to have happened:] A: The dog EAT our cake!

Разница между 58 и 59 заключается в том, что в ситуации 59 говорящий наблюдал не событие, а только его последствия. Согласно Т. Грид, в лезгинском языке оба предложения можно перевести с глаголом как в Аористе, так и в Перфекте. Однако в случае 59 Перфект более уместен именно в связи с тем, что говорящий не лично наблюдал событие, а делает умозаключение (Greed 2017: 16–17). Цитируемая статья основана на работе с двумя носителями разных диалектов лезгинского языка — неясно, насколько широко инферентивная интерпретация Перфекта распространена среди носителей лезгинского.

На основе существующих описаний мы классифицировали лезгинский Перфект как перфектоид без эвиденциального значения. В случае лезгинского языка нам не кажется, что речь может идти о неполноте описания. Результаты Грид могут быть связаны с тем, что инферентивная импликатура до какой-то степени присутствует (т.е. ощущается носителями) во многих языках с перфектоидом текущей релевантности (см. раздел 1.2.1). В рамках настоящего исследования мы использовали анкету Перфекта для сопоставительного изучения аварского и андийского перфектоидов (результаты исследования представлены в (Verhees 2018)) и для изучения употребления перфектоидов в диалектах андийского языка (в основном в зиловском и рикванинском диалектах) (Ферхеес 2017).³ Анкета была частично собрана также для рутульского языка

³Данные этих исследований также доступны по ссылке <https://github.com/sverhees/>

(для говора с. Кина) (Ферхеес 2017). Результаты показали, что в аварском и андийском языках перфектоиды имеют эвиденциальное значение, хотя в рикванинском диалекте андийского оно кажется более грамматикализированным, чем в зиловском диалекте андийского языка и в аварском языке. Это проявляется в невозможности заменить рикванинский перфектоид на другую форму, если говорящий не видел события собственными глазами (и наоборот). В аварском языке замена перфектоида Аористом допустима; с другой стороны, здесь отмечено значение текущей релевантности, отсутствующее в рикванинском диалекте андийского языка. Интересно отметить, что в зиловском диалекте того же андийского языка значения текущей релевантности тоже отмечено. Таким образом анкета до какой-то степени действительно фиксирует разницу в функциях перфекта, см. более детально разбор примеров в (Verhees 2018). Согласно данным анкеты, в рутульском языке эвиденциальность как значение Перфекта отсутствует. При передаче незасвидетельствованных событий факультативно используется репортативная частица (Ферхеес 2017).

В процессе работы методом элицитации отдельных предложений мы заметили, что такой подход ведет к вариативности реакций консультантов, которая снижает достоверность результатов. Вклад этой вариативности в оценку грамматических фактов невозможно оценить объективно. К тому же она накладывается на вариативность в речи носителей разных возрастов, полов и идиолектную вариативность. Оказывается сложно понять, что именно повлияло на выбор формы (например, перфектоид вместо общего прошедшего или наоборот): уровень грамматикализации эвиденциального или другого значения, особенности речи носителя или обстоятельства проведения эксперимента. Ниже перечисляются некоторые факторы, с которыми мы сталкивались в полевой работе (некоторые из них также отмечены в (Кибрик 1972)).

1. Интерпретация стимулов

2. Сосредоточенность носителя

---

dissertation_evidentiality.

3. Семантическая оценка форм носителем

4. Эффект внушения

Интерпретация стимулов. Стимул должен быть понятным, но не должен акцентировать внимание на исследуемом феномене. В нашем случае в качестве языка посредника выступает русский, в котором эвиденциальные значения передаются лексическими способами (например: «оказывается», «говорят», и т.д.). В тех нахско-дагестанских языках, где в принципе есть грамматическая эвиденциальность, помимо грамматических показателей существуют и лексические аналоги этих выражений. Если стимул на русском языке содержит лексическую подсказку (например, «оказывается»), высока вероятность того, что носитель будет переводить его с использованием лексического способа выражения эвиденциальности и на родной язык, стараясь максимально приблизить перевод к русскому стимулу, вместо того чтобы выбрать вариант выражения того же смысла, наиболее естественный и уместный при использовании родного языка в естественных условиях. С другой стороны, у нас нет способа проверить, насколько носитель понимает стимул. Возможно он, не погружаясь в конкретный контекст, выбирает некоторый допустимый дефолтный вариант вместо той формы, которая более уместна с учетом всех контекстуальных условий, заданных исследователем, ср. (Aikhenvald 2004: 18). Конечно, что-то о выборе определенной формы носителем можно выяснить, задавая дополнительные вопросы. Однако надо иметь в виду, что дополнительные вопросы исследователь задает, имея определенные суждения о том, какие результаты он может получить. Соответственно, исследователь скорее будет задавать вопросы о тех случаях, которые не встраиваются в его модель исследуемой грамматической категории.

Сосредоточенность носителя. Ответы на вопросы, приведенные в примерах (1)–(2), требуют от носителя полного погружения в контекст. Поскольку использование форм сильно зависит от контекста, для каждого вопроса носитель должен представить себе, как он выразился бы, если бы в действительности оказался бы в описан-

ной ситуации. Носители, одинаково хорошо владеющие родным языком, по-разному справляются с такой непривычной и довольно неестественной задачей. Анкеты, подобные обсуждаемой выше перфектной, призваны уловить минимальные различия в условиях выбора формы. Соответственно, анкета содержит множество очень похожих примеров, где в каждом случае меняется всего лишь одна маленькая деталь контекста. Очень вероятно, что степень сосредоточенности носителя колеблется в ходе элицитации, так что в некоторые моменты он просто не улавливает малозаметные, но важные для исследования изменения в стимулах. У нас нет способа проверить, в какой момент это произошло и насколько внимательно носитель отвечал на те или иные вопросы. В ходе работы человек устает и может — незаметно для исследователя — начинать менее точно отвечать на них. Здесь также вмешиваются условия, в которых проводится полевая работа в Дагестане. В идеале анкета должна заполняться за одну сессию продолжительностью час или полтора. В полевых условиях работа может в любой момент прерваться из-за домашних дел, детей или для осуществления религиозных обрядов. Не всегда консультант соглашается или имеет возможность второй раз сесть за такую задачу.

Семантическая оценка форм носителем. Размышление носителей о том, почему они использовали определенную форму или почему они не использовали другую — важный исследовательский инструмент для выявления факторов выбора той или иной формы. Однако семантика такой полифункциональной формы как перфектоид с эвиденциальным компонентом может быть не очень ярка в представлении носителя. В ходе элицитации семантический контраст между перфектоидом и общим прошедшем может не ощущаться или с трудом поддаваться эксплицированию. Носитель чувствует, что разница есть, но ему неочевидно, в чем именно она заключается или как ее описать.⁴ Согласно существующей литературе, в аварском и андийском языках перфектоид имеет значение косвенной завсидетельствованности (Маллаева 2007), (Forker

---

⁴В.Ф. Хэнкс по поводу оценки носителей замечает: «It is therefore critical to recognize that *native metalanguage is different from actual usage*: as a description, it may be shown to be inadequate or even distorting, but as a record of how speakers think about typical usage, it is invaluable» (Hanks 2009: 18). (Курсив из источника.)

2018с), (А. А. Kibrik 1985). А.А. Кибрик отмечает, что главное различие между Аористом и Перфектом в диалекте с. Анди заключается в засвидетельствованности: Аорист употребляется тогда, когда говорящий сам видел событие, тогда как Перфект используется, когда он не был его свидетелем (А. А. Kibrik 1985).⁵ Первые сведения из рикванинского диалекта подтверждают эту гипотезу, хотя и с уточнением, что Аорист используется также для выражения общего знания, что типологически ожидаемо, ср. (Verhees 2018) и раздел 1.1. С другой стороны, носителем зиловского диалекта, с которым мы проводили элицитацию анкеты, эвиденциальная семантика не ощущается.

Так, вопросы 58 и 59 (примеры (1)–(2)) были переведены на рикванинский диалект Аористом и Перфектом соответственно, и в качестве причины различия носитель называл компонент засвидетельствованности. Для носителя зиловского диалекта в обоих случаях было приемлемо употребление Перфекта, но допускался также и Аорист. Осталось неясным, в чем в данном контексте заключается разница между зиловским Аористом и Перфектом. В другом контексте (пример (3) ниже из другой анкеты), употребление Перфекта не зависело от того, имеет ли носитель прямые сведения о событиях или нет. Оно интерпретировалось носителем следующим образом: Перфект (вариант с *-j*) просто передает факты, а Аорист (вариант без *-j*, идентичный основе прошедшего времени, от которой Перфект образуется) более эмоционален, в частности, выражает удивление говорящего. Ср. пример (3), в котором описывается два незасвидетельствованных события.⁶ Хотя при этом носитель зиловского диалекта использовал Перфект для оформления заглазных нарративов (вопросы 60–61 из анкеты о перфекте) и Аорист для других версий того же нарратива, при котором говорящий представляется свидетелем событий (вопросы 9–11), аналогично рикванинским переводам тех же вопросов, только носитель рикванинского диалекта называл засвидетельствованность в качестве причины выбора формы.

---

⁵А.А. Кибриком также описано результативное употребление андийского Перфекта.

⁶Согласно З.М. Маллаевой, Аварский Перфект наоборот придает высказыванию более эмоциональный оттенок по сравнению с Аористом (Маллаева 2007: 217–218).

- (3) maduhala-si hon-ŋi-si uškul b-iχ-oŋi-j, a iŋi-χa hoŋu
 neighbour-ATR village-INTER-ATR school 4-ruin-CAUS-PF and we.EXCL here
 maduhalš-χa joŋi džidi-j
 neighbour-AD girl make-PF
 ‘Школу соседнего села разрушили, а у нас здесь у соседей родилась дочка.’
 Контекст: К вам приехал двоюродный брат из города, которого вы уже очень
 давно не видели. Он спрашивает, “Какие новости?”; вы рассказываете ему о со-
 бытиях: В соседнем селе школу разрушили, а у нас тут у соседей дочка родилась.
 [полевая работа 2016-го года] андийский: зиловский

То, что перед человеком сидит исследователь, который ожидает ответ на вопрос, в чем разница между двумя формами, может приводить к тому, что человек на ходу начинает придумывать логические объяснения, которые не подтверждаются употреблением формы. В качестве примера приведем утверждение одного нашего консультанта, что разница между Перфектом и Аористом заключается в том, что одна форма употребляется для единственного числа, а другая для множественного числа (на самом деле, такому объяснению противоречит употребление форм самим этим носителем). В таких случаях снова важную роль будут играть собственные суждения исследователя, что ведет к cherry picking (букв. ‘сбор вишни’ - когда выбираются только самые красивые и удобные для исследователя примеры и интерпретации). Во-первых, исследователь может быть склонен принимать те объяснения, которые его устраивают, и отказываться от других интерпретаций. Во-вторых, у исследователя может вырабатываться предпочтение определенного носителя, который отвечает на сложные вопросы более целостно и последовательно, но чья интуиция может быть не репрезентативной относительно говора или языка в целом. С другой стороны, тот факт, что один или несколько носителей не могут конкретно сформулировать, в чем разница между формами, не значит, что семантического контраста нет вовсе. После сбора анкеты о перфекте с двумя носителями аварского мы предлагали другим носителям две версии одного короткого элицитированного текста с просьбой интерпретировать различие между ними. Одна версия была целиком в Перфекте, другая со всеми главными

предикатами в Аористе. Только один консультант из пяти мог описать, в чем именно с его точки зрения заключалась разница, хотя все ощущали некую разницу.

Эффект внушения. Как уже было отмечено в предыдущих пунктах, элицитация — довольно неестественная задача и требует высокой степени сосредоточенности от носителя, которого могут отвлекать разные внешние обстоятельства. Не в последнюю очередь влияет и сам факт присутствия исследователя, а также вопросы, которые он задает, опираясь на свои умозрительные представления об объекте исследования. Данный феномен известен как *observer's paradox* ПАРАДОКС НАБЛЮДАТЕЛЯ (Labov 1972). Добросовестный исследователь стремится следить за этим эффектом и принимает эти факторы во внимание при оценке ответов. Тем не менее, измерить воздействие данного эффекта всё же невозможно. Проблема особенно остро стоит в нашем случае, поскольку мы имеем дело с неустойчивой семантикой, причем степень этой неустойчивости различна в разных языках. Импликатура незасвидетельствованности до какой-то степени естественно вытекает из акцента на результате ситуации (подробнее об этом семантическом переходе в разделе 1.2.1). Ощущение такой импликатуры можно спровоцировать в том числе и в языке, где она является не вполне конвенционализированной, появляясь стихийно (т.е. это импликатура частная).

В ходе работы с анкетами мы замечали, что некоторые носители на каком-то этапе «угадывают», что именно хочет получить исследователь, и это влияет на то, как говорящие воспринимают стимулы и отвечают на вопросы. В связи с присутствием исследователя может возникать идея, что в ответах должна быть определенная систематичность. В условиях осознания носителем ожиданий исследователя один яркий пример, в котором оттенок заглазости чувствуется сильнее, может вызвать переоценку других примеров. Например, когда мы работали с аварским языком, на вопрос о том, можно ли заменить Перфект в примере (4) на Аорист, носитель ответил, что в принципе можно, но тогда предложение понимается как будто говорящий сам на себя ощущал этот дождь, или ночью слышал как дождь шел на крыше, т.е., имел какие-то прямые сведения о ситуации. Этот контекст заставил носителя задуматься о других примерах, и

он захотел пересмотреть свои ответы на другие вопросы. Напомним, что несмотря на ощутимый оттенок прямой засвидетельствованности, оппозиция прямой и косвенной засвидетельствованности в аварском языке не считается грамматикализованной, поскольку употребление Аориста в незасвидетельствованных контекстах часто вполне приемлемо.

- (4)   noɬ   c'ad b-an b-ugo.
         at_night rain N-fall N-COP
         'Ночью дождь шел.'

Контекст: Утром просыпаетесь, смотрите из окна и видите, что во дворе или на улице мокро. А: Ночью дождь ИДТИ.

[полевая работа 2016-го года]

аварский язык

Таким образом, у консультантов может возникать представление о том, как «надо» и как «правильно» с точки зрения предполагаемых ими ожиданий исследователя, что направляет их ответы в определенную сторону. При этом немаловажную роль в Дагестане могут играть стратегии вежливости и желание консультанта помочь гостю-исследователю.

Суммируя, элицитация — удобный способ быстро уловить некоторые условия употребления определенных форм, особенно для понимания того, в каком окружении форму нельзя использовать; это следует в том числе из нашего собственного опыта работы с анкетами. С другой стороны, есть много факторов, снижающих достоверность ответов. Эффекты этих факторов до какой-то степени заметны, и их следует учитывать при оценке результатов. Поэтому данные элицитации должны дополняться сведениями из других источников, хотя и у других методов, как мы увидим, есть свои минусы как вообще, так и в частности для изучения категории эвиденциальности, см. обзор в (Kittilä, Jalava & Sandman 2018). Цель нашего исследования — разработка метода разграничения разного рода эвиденциальных импликатур и степени грамматикализации эвиденциальных значений. При элицитации в оценку конвенционализированности импликатуры вмешиваются различные факторы, статус и степень воздействия

которых сложно оценить. Стоит отметить, что в литературе об эвиденциальности в целом пока слабо развита методология сравнения разного рода имплицатурных и пост-имплицатурных значений, как обсуждалось в разделе 1.1.

3.1.1 Элицитация рассказов

При работе с перфектной анкетой вопросами, наиболее показательными с точки зрения употребления эвиденциальных форм, оказались вопросы (8–11; 60–61) (Dahl 2000: 800–809). Они представляют собой короткие рассказы о том, как кто-то шел по лесу и наступил на змею. В каждом вопросе меняются обстоятельства: действие произошло недавно или же очень давно; говорящий был или не был свидетелем, и т.д. В языках, где эвиденциальность перфектоиду не свойственна, его употребление как главной формы в незасвидетельствованном нарративе оказывается невозможным, поскольку употребление перфектоида в нарративной цепочке противоречит семантике текущей релевантности (Lindstedt 2000). При этом следует иметь в виду, что перфектоид может использоваться в нарративном контексте также и в том случае, если он грамматикализуется в сторону перфективного (аорист) или простого (претерит) прошедшего — такой путь грамматикализации распространен в европейских языках (Bybee, Perkins & Pagliuca 1994). Однако в таком случае форма будет равно уместна в засвидетельствованных и незасвидетельствованных нарративах; сразу скажем, что такая ситуация для нахско-дагестанских перфектоидов нехарактерна, хотя в некоторых языках синхронный Аорист по-видимому также восходит к перфектоидной формы, например в лезгинских языках, см. подробнее (Maisak 2019). В языках, где категория эвиденциальности является значением перфектоида, нарративное употребление перфектоида представлено даже у тех носителей, которыми эвиденциальная семантика ощущается не очень ярко, как обсуждалось в предыдущем разделе 3.1.

В связи с этим мы решили провести эксперимент, предлагая расширенную версию рассказа о змее с двух точек зрения: в первой версии говорящий пересказывает историю о своей бабушке, которую он слышал с чужих слов. Во второй версии говоря-

щий рассказывает о том, как он сам шел по лесу с братом, когда брат вдруг наступил на змею. Оба нарратива состоят из 10 предложений, включая вводное предложение с уточнением перспективы. Сюжет у нарративов одинаковый — кроме главных персонажей меняются какие-то маленькие детали. Кроме того, используются слова, которые представляют некоторую трудность для перевода и отвлекают носителя от цели исследования. Идея заключается в том, чтобы переводчик задумывался над деталями, например, над переводом слова ‘ягода’, а форму глагола выбирал бы на этом фоне автоматически.⁷ Мы также использовали некоторые глаголы, которые в форме перфектоида по умолчанию интерпретируются результативно (например ‘садиться’, ‘уставать’), ср. раздел 2.2.1.2.1. Как оказалось, в незасвидетельствованном нарративе перфектоидная форма этих глаголов имеет семантические свойства общего прошедшего — она указывает не на состояние в настоящем, а на действие, совершившееся в прошедшем (с дополнительным значением, что это произошло не на глазах у говорящего). Ср. начало двух версий рассказа:⁸

(5) 1. Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.

(6) 1. Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.

Мы просили носителей перевести тексты по предложениям, и одновременно записывали аудио и текст. После этого мы задали дополнительные вопросы о выборе глагольных форм. Всего было собрано 13 переводов каждой версии от носителей разных диалектов (см. таблицу 3.2 ниже). Представлены носители разных возрастов, однако год рождения известен не во всех случаях. В андийских диалектах перфектоид противопоставлен Аористу. Существуют две параллельные «серии» аналитических форм прошедшего времени, со вспомогательным глаголами в форме Аориста или Перфекта, соответственно, которые различаются по параметру засвидетельствованности, ср.

⁷Гипероним ‘ягода’ в андийском языке не существует, поэтому многие носители подолгу думали, как лучше перевести это слово. В ответ были получены, например, названия разных ягод или слово *píqi* ‘фрукт(ы)’, заимствованное из аварского языка (< *píq*).

⁸В аппендиксе А прилагаются анкета и глоссированные ответы — тексты также доступны по ссылке: https://github.com/sverhees/dissertation_evidentiality.

Таблица 3.2: Сбор нарративного теста в андийских диалектах

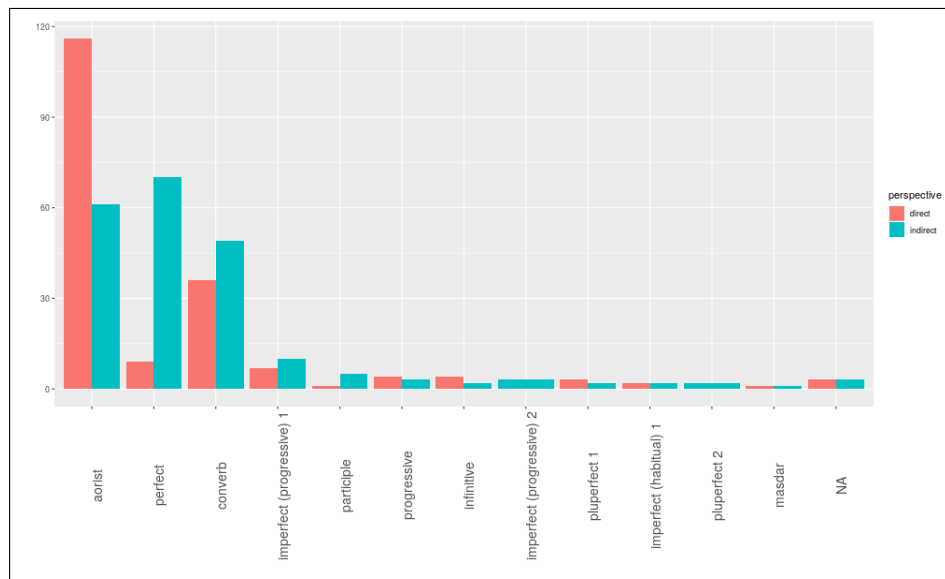
Село	М	Ж	Итого
Риквани	3	2	5
Зило	2	4	6
Рушуха		1	1
Муни	1		1
Итого	6	7	13

Сам перфектоид имеет разные окончания в разных диалектах, но по крайней мере в верхних диалектах (Риквани, Зило, условно также Рушуха) они когнатные (ср.: *-du* (руш., анд.), *-d* (рикв.), *-j* (зил.). Только в мунинском диалекте (нижняя группа) используется суффикс иного происхождения (*-lo*), но организация парадигмы аналогичная, т.е. перфектоид совпадает с общим конвербом и в мунинском говоре. Система прошедшего времени устроена несколько иначе в диалекте с. Кванхидатли, который тоже относится к нижней группе (Verhees 2019c), но кванхидатлинский диалект здесь не рассматривается. В целом выясняется, что в рамках конкретного нарратива носители последовательно выбирают для себя одну стратегию оформления. Встречается относительно мало различных глагольных форм. Помимо Аориста и Перфекта, встречаются Имперфекты и Плюсquamперфекты обеих серий. Формальное разнообразие в основном проявляется в первом, вводном предложении, которое по сути не составляет часть нарративной цепочки. Выбор формы явно коррелирует с типом засвидетельствованности (см. рисунок 3.1), но Аорист при этом менее ограничен, чем Перфект.⁹

По сравнению с контекстами прямого доступа, употребление Перфекта более приемлемо в незасвидетельствованном контексте. Однако употребление Аориста допу-

⁹Формы Имперфект 1 и Плюсquamперфект 1 в рисунке относятся к аористной серии, а Имперфект 2 и Плюсquamперфект 2 относятся к перфектной серии.

Рис. 3.1: Глагольные формы в элицитированных нарративах на разных диалектах андийского языка

стимо и в том случае, если говорящий сам не видел событий, тогда как Перфект в очевидном контексте встречается только в единичных предложениях. Это ожидаемо, потому что, как уже говорилось выше, Перфект в своем незвиденциальном употреблении не может составлять главную форму в нарративной цепочке. Несмотря на явную количественную корреляцию между формой и перспективой засвидетельствованности, ни один из носителей во время дополнительного обсуждения не называл параметр засвидетельствованности в качестве причины выбора той или иной формы, вне зависимости от диалекта.

По поводу рисунка 3.1 еще стоит отметить, что аналитические формы Аористной серии, представлены в обеих перспективах, тогда как формы Перфектной серии встречаются только в незасвидетельствованных нарративах. Известно, что формы Перфектной серии в своем употреблении более ограничены чем собственно Перфект, потому что для них не характерна такая полисемия, которая ассоциируется с Перфектом. Формы Аористной серии при этом нейтральны, подобно собственно Аористу. Рисунок показывает достаточно убедительное соответствие между перспективой засвидетельствованности и употреблением глагольных форм. Поэтому особенно интересны

те случаи, где предположение о перспективе свидетельства как предиктор не оправдалось. Мы рассмотрим структуру конкретных рассказов и случаи отступления от ожидаемых нарративных стратегий. Для этого мы сначала отфильтровали все нефинитные формы, потому что они не относятся к главной линии нарратива. В таблицах 3.3 и 3.4 ниже каждому носителю (обозначенному сокращением в верхней строчке) соответствуют два столбца. В левом столбце указана употребляемая форма (pst — Аорист; pf Перфект; x — другое), а в правом столбце — функция предложения, к которому форма/клауза относится (o — первое предложение нарратива; 1 — главная линия).

Таблица 3.3: Структура рассказов о засвидетельствованных событиях на андийских диалектах

A		AAJu		ABE		AMKh		GRG		GRSh		Kh		KhMM		M		MKG		MShM		NNA		Z	
x	o	x	o	x	o	pst	o	x	o	pst	o	pst	o	pst	o	x	o	x	o	x	o	x	o	pst	o
x	1	pst	1	pst	1	pst	o	x	1	pst	o	pst	1	x	o	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1
pst	1	x	1	pst	1	pst	1	pst	1	x	1	x	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1
pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	x	1	pst	1	x	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1
pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1
pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	x	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1
pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1		1	pf	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pf	1
pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pf	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pf	1
pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pf	1
		pst	1	pst	1	pst	1	pst	1	pf	1	pst	1	pst	1									pst	1
						pst	1			pst	1			pst	1										
						pst	1																		

Первое предложение выделяется потому, что в нем задана рамка для рассказа. Тем самым оно не включено в основную линию, и употребление форм в этом контексте может отличаться от остального нарратива. Зеленым цветом раскрашены клаузы главной линии в правом столбце и ожидаемая форма в левом столбце. В контексте прямой засвидетельствованности, например, мы ожидаем преимущественно Аорист, поэтому Аористы раскрашены зеленым. Встреченные Перфекты (т.е. неожиданные формы) закрашены красным цветом. В таблице 3.4, наоборот, Перфекты раскрашены зеленым, а Аористы красным цветом, поскольку мы предполагаем, что в незасвидетельствованных нарративах носители предпочитают Перфект. Серым цветом выделяются клаузы

первого предложения, а также все нерелевантные для нас формы (т.е. формы все формы кроме Аориста и Перфекта, например, Плюсquamперфект, Имперфект, Прогрессив, и т.д.)

Таблица 3.4: Структура рассказов о незасвидетельствованных событиях на андийских диалектах

A				AAJu		ABE		AMKh		GRG		GRSh		Kh		KhMM		M		MKG		MShM		NNA		Z	
x	o	x	o	pst	o	pst	o	pst	o	pst	o	pst	o	x	o	x	o	pst	o	pst	o	x	o	pst	o		
x	o	x	o	x	o	pst	o	x	o	pst	o	pf	o	x	o	pst	1	x	o	x	o	x	o	pf	1		
x	1	pst	1	x	1	pst	o	x	o	pst	o	pf	o	pf	1	pf	1	pst	1	pst	1	pst	1	pf	1		
pst	1	pf	1	pst	1	pst	1	pst	1	x	1	pf	o	x	1	pf	1	pf	1	pst	1	pst	1	pf	1		
pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	x	1	x	1	x	1	pf	1	pf	1	pst	1	pst	1	pf	1	pf	1		
pst	1	pst	1	pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	x	1	pf	1	pf	1	pst	1	pst	1	pst	1	pst	1		
pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pst	1	pst	1	pf	1	pf	1		
pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pst	1	pf	1	pf	1		
pf	1	pf	1	pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pst	1	pf	1	pf	1		
pst	1	pst	1	pst	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pf	1	pst	1	pst	1	pf	1	pst	1		
pf	1	pf	1	pst	1	pf	1	pst	1	pf	1	pf	1	pf	1					pst	1	pf	1				
						pf	1			pst	1	pf	1	pf	1												
								pst	1	pst	1	pf	1	pf	1					pst	1						

Опираясь на таблицу 3.4, можно сказать, что из 13 носителей 8 использовали стратегию с Перфектом для заглазного нарратива, т.е., основная линия рассказа оформлена цепочкой Перфектов. Два носителя (AMKh и NNA) начали рассказ в Аористе, после чего переключились на Перфект. Интересно отметить, что к Аористам в версии NNA, единственного представителя мунинского диалекта в нашей выборке, присоединяется Репортативная Частица (*godí*), тогда как к Перфектам в той же цепочке она не добавляется. У трёх носителей (AAJu, MKG и Z) Перфекты с Аористами чередуются. Таблицы 3.4 и 3.3 подтверждают, что Перфектная стратегия допускается только в незасвидетельствованном контексте. Сравнение с таблицей 3.4 при этом позволяет утверждать, что преобладание Аориста в засвидетельствованном контексте связано скорее с недопустимостью употребления в этом контексте Перфекта и ничего не говорит о том, насколько грамматикализовано значение очевидности. Отсутствие Перфектной стратегии в косвенных нарративах у нескольких носителей можно объяснить тем, что Аорист нейтрален в плане эвиденциальности, так что выбор формы определяется нар-

ративными предпочтениями говорящего. При этом на носителей могла влиять формулировка первого предложения. Поскольку в нем дословно указан источник информации («Мне рассказывали, что..»), это можно воспринимать как своего рода нарративное обрамление, после чего дальнейшие указания на источник информации в принципе не нужны. Считающаяся типичной стратегия обрамления, при которой говорящий начинает рассказ в Перфекте, после чего переключается на Аорист в качестве общего прошедшего, в наших элицитациях не представлена.

Среди тех носителей, которые выбрали Аористную стратегию в косвенном нарративе, были 4 из 5 носителей рикванинского диалекта. Это любопытный результат, поскольку данные анкетирования, обсуждаемые в разделе 3.1, казалось бы, указывали на то, что в рикванинском Перфект как показатель косвенной засвидетельствованности более грамматикализован, чем в зиловском диалекте. В то же время, 5 из 6 носителей зиловского диалекта употребляют в косвенном нарративе Перфектную стратегию. Вопрос о том, насколько это соответствие характерно для каждого диалекта в целом или же лишь для определенных носителей, требует дальнейшего изучения. Из двух носителей, которые не использовали ни одного Перфекта в косвенном контексте, один использовал репортативную частицу. Репортативная частица также употребляется носителем Kh на одном из главных предикатов первого предложения перевода, причем предикат этот стоит в форме Перфекта. Дальше рассказ продолжается полностью в Перфекте, ср. первое предложение в (7) и второе предложение в (8), с Плюсquamперфектом серии Перфекта.

- (7) di-qi bos:on di-j ila reš-ži j-iʔon-nij vurvi
 1SG-AD tell.AOR 1SG-F[GEN] mother forest-INTER F-go-PF blackcurrant
 r-ak'arun-nij j-iʔo-j=vodi
 INAN2-gather-PF F-go-PF=REP
 'Мне рассказывали, что моя мать пошла в лес, пошла собирать смородину.'
 [полевая работа 2017-го года] андийский: зиловский

- (8) χ^want'ulo=lo j-ik'o-j r-ak'arun-nij
whole_day=ADD F-be-PF INAN2-gather-PF
'Она собирала весь день.'

[полевая работа 2017-го года]

андийский: зиловский

Стоит отметить, что никто из носителей не использовал Репортатив на каждом главном предикате, хотя такая стратегия представлена в материале, записанном Я.Г. Сулеймановым на рикванинском диалекте, см. сказку про лису и перепёлку в (Сулейманов 1957: 423). Отмеченные переходы от одной формы к другой в пределах нарратива связаны с информационной структурой: переход от Аориста к Перфекту выдвигает действие на передний план и поэтому встречается преимущественно в предложениях 7, 8, и 9 (вне зависимости от эвиденциальной перспективы), когда главный персонаж нечаянно наступает на змею (7), после чего змея кусает его/ее (8), а он(а) бросает в змею камень (9). При этом решение о том, на каком именно из этих событий делать акцент, варьируется у разных носителей. Переход от Перфекта к Аористу, наоборот, обозначает «логическое следствие» из предыдущего действия. Например, переход от Перфекта к Аористу в последнем предложении ('змея умерла') носитель объяснил тем, что это логическое следствие того, что змею ударили камнем в предыдущем предложении, хотя в этой ситуации можно продолжать нарратив и в Перфекте. Решения о переключениях очень индивидуальны, и, в принципе, как показывают переводы нескольких носителей, при построении нарратива можно вовсе обойтись без них. Стоит отметить, что здесь появляется асимметрия — переключение из Аориста в Перфект имеет другое значение чем переход от Перфекта в Аорист, тогда как их роль в главной линии аналогична.

Результаты эксперимента показывают, что употребление Аориста и Перфекта в андийских диалектах связано с эвиденциальной перспективой, что отражается в количестве Перфектов в нарративах, построенных из разных перспектив (см. рисунок 3.1). При этом носители не обязательно ощущают эвиденциальную семантику — из тех носителей, которые применяли перфектоидную стратегию в заглазном контексте,

ни один не назвал засвидетельствованность в качестве причины выбора соответствующих форм. Некоторые в обоих контекстах употребляют немаркированный Аорист. Стоит при этом иметь в виду, что данный эксперимент также является элицитацией, соответственно, факторы, обсуждаемые выше в разделе 3.1, могли отчасти влиять на выбор форм и искажать картину. Тем не менее, в записанных на андийском языке рассказах, например, в грамматических очерках (Дирр 1906), (Сулейманов 1957), (Tsertsvadze 1965), (Салимов 2010 (1968)), представлены все те же стратегии: перфектоидная стратегия в заглазном контексте, аористная стратегия в очевидном и заглазном контекстах, стратегия с репортативом и нарративы с переключениями между формами.

3.2 Нарративное употребление как самостоятельный признак

Данные андийского языка, представленные в предыдущем разделе 3.1.1, вызывают следующий, немаловажный для целей нашего исследования вопрос: возможно ли, что употребление перфектоида в качестве прошедшего заглазного в нарративном контексте является независимым свойством данной категории? Как обсуждалось в разделе 3.1.1, эвиденциальная семантика слабо (или вовсе не) ощущается большинством носителей разных диалектов андийского языка, которых мы опрашивали, в отличие, например, от носителей ингушского языка, которые ярко осознают эти различия (Nichols 2011: 243). Среди носителей зиловского диалекта, с которыми мы работали, нет ни одного, кто назвал бы параметр засвидетельствованности в качестве причины выбора той или иной формы. В то же время они последовательно применяют перфектоидную нарративную стратегию для рассказов о незасвидетельствованных событиях не только при элицитации, но и в естественных нарративах.¹⁰ Для этого противоречия возможно несколько разных объяснений:

---

¹⁰ Корпус текстов на зиловском диалекте андийского языка пока в процессе обработки.

1. Эвиденциальная семантика в других контекстах всё же присутствует, но анкетирование оказалось неудачным или было проведено с выборкой носителей, нерепрезентативной для языкового (или диалектного) сообщества в целом.
2. Эвиденциальная семантика вне нарративного контекста ранее ощущалась более ярко, но утрачивается или уже утрачена, в то время как нарратив оказался устойчивым контекстом из-за его связи с традициями устного творчества.¹¹
3. Нарративное употребление — самостоятельный признак, присутствие которого необязательно подразумевает, что форма имеет или когда-либо имела заглазное значение в других дискурсивных или морфосинтаксических контекстах.

Первое объяснение представляется нам маловероятным. Мы опросили больше десяти разных носителей зиловского диалекта, что для исследования такой темы в письменном языке представляется - по сравнению с другими исследованиями - достаточно широкой выборкой.¹² К тому же, несмотря на то, что у носителей аварского языка и рикванинского диалекта андийского языка также наблюдаются колебания в оценке наличия и роли эвиденциальной семантики, среди них всё же находились и такие, кто выделял фактор засвидетельствованности (впрочем, для этих языков мы опросили намного меньше носителей — три носителя аварского языка, исключая тех, кого мы попросили лишь интерпретировать разницу между двумя короткими нарративами, как обсуждалось в разделе 3.1, и пять носителей рикванинского диалекта). Данные опроса нельзя считать доказательством того, что эвиденциальный компонент значения в интуиции носителей зиловского полностью отсутствует; однако, как кажется, их можно считать указанием на то, что этот компонент присутствует менее ярко по сравнению с другими диалектами и языками.

---

¹¹ А.Ю. Айхенвальд (Aikhenvald 2004: 301) отмечает, что утрата нарративных традиций может становиться причиной утраты категории эвиденциальности. Возможно в данном случае, наоборот, традиция устной литературы поддерживает сохранение категории.

¹² Кроме эксперимента с элицитацией рассказов, мы проходили анкеты по разным темам с другими носителями и задавали носителям дополнительные вопросы о контрастах и причинах выбора тех или иных форм.

Второе возможное объяснение кажется правдоподобным, поскольку (народная) литература часто служит контекстом сохранения архаичных языковых черт. Однако в отсутствие эвиденциальных прочтений вне нарративного контекста сложно счесть именно это объяснение как более вероятным по сравнению с третьим. Именно третье объяснение представляет наиболее серьезную проблему для настоящего исследования. Мы предположили, что нарративное употребление — стабильный, однозначный признак степени грамматикализованности заглазного значения, ср. 1.2.1. Если же данную функцию можно считать независимым признаком, то ее нельзя связать со степенью грамматикализованности категории эвиденциальности. Правда, кажется маловероятным, чтобы употребление перфектоида как заглазного прошедшего может появиться в (нахско-дагестанском) языке как бы из ничего, вообще без посредства постепенной эволюции из инферентива, как было описано в разделе 1.2.1. Тем не менее, если учитывать контакт с другими языками, в которых заглазность грамматикализована и перфектоид употребляется в заглазных нарративах, нельзя исключить сценарий, в котором нарративное употребление перфектоида заимствуется как стилистический прием, характерный для определенного фольклорного жанра (или совокупности жанров). Поэтому мы решили провести дополнительный анализ нарративных стратегий, используемых в фольклорных текстах на разных дагестанских языках.

В разделе 2.2.8 было показано, что, согласно существующей литературе, заглазное значение перфектоида отсутствует в нескольких языках Южного Дагестана (в рутульском, табасаранском, лезгинском, хиналутском, будухском и удинском языках), хотя для лезгинского и хиналутского языков имеются ограниченные сведения о наличии по крайней мере инферентивной интерпретации этой формы, ср. обсуждение в разделе 2.2.8. Лезгинский, рутульский и в меньшей степени табасаранский языки представлены в *Своде памятников фольклора народов Дагестана*.¹³ В «Своде» представлены памятники из архива фольклорных текстов — оригинальные тексты на языках Да-

¹³Из 20 планированных томов данной антологии, до 2019-го года вышли первые шесть: 1. *Сказки о животных* (Ганиева & Аджиев 2010), 2. *Волшебные сказки* (Ганиева & Аджиев 2011), 3. *Бытовые сказки* (Алиева & Аджиев 2013), 4. *Мифологическая проза* (Халидова & Аджиев 2012), 5. *Героический и героико-исторический эпос* (Аджиев & Алиева 2015), 6. *Обрядовая поэзия* (Халилов, Алиева & Аджиев 2017).

Таблица 3.5: Нарративные стратегии в фольклорных текстах

Язык	Том Свода	Стратегия
кумыкский	1. Сказки о животных	перфектоид
	2. Волшебные сказки	перфектоид
	3. Бытовые сказки	перфектоид
	4. Мифологическая проза	перфектоид
аварский	1. Сказки о животных	перфектоид / репортатив
	2. Волшебные сказки	репортатив
	3. Бытовые сказки	репортатив
	4. Мифологическая проза	перфектоид
рутульский	1. Сказки о животных	презенс / аорист
	2. Волшебные сказки	презенс / аорист
	3. Бытовые сказки	презенс / аорист
	4. Мифологическая проза	презенс / аорист
лезгинский	1. Сказки о животных	аорист
	2. Волшебные сказки	аорист
	3. Бытовые сказки	аорист
	4. Мифологическая проза	аорист

гестана с переводом на русский язык. Кроме вышеперечисленных языков, представлены также тексты на аварском и кумыкском языках и (немного меньше) на агульском и ногайском языках, а также, в пятом томе (Аджиев & Алиева 2015), один текст на азербайджанском языке. Мы случайным образом выбрали по четыре текста из четырех томов: один на аварском языке, один на кумыкском, один на рутульском и один на лезгинском языке, и сравнили стратегии оформления главной линии рассказа: результаты представлены в таблице 3.5.¹⁴ Мы выбрали именно эти четыре тома в связи с тем, что поэзия и эпос отличаются от сказок в плане стиля повествования, а эпические сказания представлены к тому же не для всех языков — в пятом томе Свода, например, отсутствует рутульский материал. Как показывает таблица 3.5, в кумыкском все четыре текста оформляются перфектоидной стратегией (т.е., формой с суффиксом *-кан* или *-дан*, как в тексте «Бусы Вайкут-майкут» из четвертого тома, на кайтагском диалекте). В аварском языке перфектоидная стратегия конкурирует с репортативной, при которой репортатив *ila* оформляет все главные предикаты. Рутульские рассказчики сочетают

¹⁴ Полную таблицу с указанием на конкретные тексты, которые мы рассмотрели, можно найти по ссылке: https://github.com/sverhees/dissertation_evidentiality.

формы основного прошедшего (аорист, состоящий из перфективного конверба на *-ir* и морфологизированной связки *i*) с настоящим временем. В лезгинских текстах преобладает аорист с суффиксом *-na*, который идентичен конвербу. В рутульских и лезгинских текстах перфектоиды встречаются только в единичных случаях при передаче чужой речи. Эти данные не представляют полную картину употребления форм в главной линии фольклорных рассказов на рассматриваемых нами языках, но в целом они соответствуют обобщениям, вытекающим из материала второй главы. Таким образом, можно сделать вывод, что употребление перфектоида в нарративах о незасвидетельствованных или вымышленных событиях скорее всего не появляется независимо, так что наличие таких употреблений можно считать для перфектоидов признаком сильной грамматикализованности эвиденциальной семантики, а отсутствие эвиденциальности в интуиции носителей тех или иных языков указывает скорее на утрату категории в ненарративном дискурсе, чем на ее исходное отсутствие.

3.3 Метод анализа нарративных текстов

В разделе 1.1 мы обсуждали интерпретацию эвиденциальности как дейктической категории на основе ее индексальных свойствах, по аналогии с временным и пространственным дейксисом. Значение таких категорий по умолчанию определяется относительно говорящего и момента речи, его временных и пространственных параметров. Как уже обсуждалось в разделе 1.1, термин «дейктический» возможно не является самым уместным. Возможными альтернативами являются - индексальный (Hanks 2014), шифтерный (Jakobson 1957), эгоцентричный (Падучева 2010)¹⁵ или clausal grounding в рамках теории когнитивной грамматики (Langacker 2017), ср. также (Boye 2018). Дейктические подходы опираются на идею о разных воплощениях говорящего в речевых актах. В человеческом языке говорящий играет несколько разных ролей, которые могут совпадать или расходиться. В простом нарративе говорящий может, например, рас-

---

¹⁵В работе (Падучева 2010) эвиденциальность не обсуждается, поскольку в русском языке нет грамматической эвиденциальности, однако ее анализ модальных и дискурсивных форм можно применить и к эвиденциальным формам.

сказывать про свой личный опыт, про события, в которых он сам играл определенную роль, или же передавать то, что он лично наблюдал. Подходы Х. Бергквиста и П. Коккелмана различают три разные роли говорящего: автор, озвучиватель, поручатель (Bergqvist 2018), (Kockelman 2004). Поскольку автор составляет высказывание, он главным образом отвечает за перспективизацию. Например, при рассказе о действиях в прошлом автор может выбирать разные временные формы для главной линии своего нарратива (прошедшее, настоящее в качестве *praesens historicum*, и т.д.), которые имеют определенный дискурсивный эффект.

При оформлении перспективы порождается некий «наблюдатель», отличный от говорящего, см. раздел 1.1. Образно говоря, наблюдатель является воплощением референциальной гибкости говорящего — он может путешествовать во времени и в пространстве, помещая себя в ситуациях, в которых он на самом деле не участвовал и при которых не присутствовал. В настоящей работе мы разбиваем высказывание на четыре компонента и выделяем, соответственно, четыре роли. Во-первых, имеется исходное событие, которое происходит в определенном месте, в определенный момент времени и с определенными участниками. Автор дейктически кодирует событие, располагая его во времени и в пространстве и уточняя свое отношение к нему с помощью категорий лица и эвиденциальности. В тех случаях, когда автор полностью совпадает с озвучивателем, время, пространство и другие дейктические измерения определяются относительно момента речи, то есть говорящего.

- (9) hu-b zamana-di b-uk'-ič'a ida jaraк hena iči-b=c:u-b
 DEM-N time-ERG N-be-NEG.CVB COP weapons now 1PL.INCL-N=COMP-N[GEN]
 'В то время не было оружия как у нас сейчас.'

(Gudava 1962)

ботлихский язык

В примере (9), говорящий рассказывает про историю села Ботлих. Озвучиватель в этом случае совпадает с автором, и говорящий рассказывает с собственной точки зрения о событиях которые произошли давно и которые он сам не засвидетельствовал (что объясняет употребление Перфекта *b-uk'-ič'a ida* 'было'). При этом он указыва-

ет на настоящий момент через комментарий о наличии оружия, включая адресата в дейктический центр использованием инклюзивного местоимения. Особенность роли автора заключается в том, что он способен на перемещение и рекурсию, осуществляемые через фигуру наблюдателя, и может увеличивать или сокращать дистанцию между событием и моментом речи. Таким образом, автор может вводить других авторов и последовательно принимать их перспективу. Озвучиватель в свою очередь может передать перспективу другого автора. В текстах на рикванинском диалекте андийского, записанных Я.Г. Сулеймановым, есть один короткий рассказ о том, как дедушка говорящего ходил продавать андийские бурки, чтобы потом можно было купить ткань. В первом предложении говорящий говорит, что эту историю ему рассказывал дед, после чего он сразу переключается на перспективу первого лица на протяжении всего рассказа, как бы передавая историю от имени своего деда. Интересно заметить, что в переводе к тексту используется местоимение третьего лица.

- (10) b-aχoʃi   murtiɫ=lojd iʃ:il   w-ol'on   tuken-ni
 INAN1-sell.AOR(CVB) burka=SBR 1SG.EXCL M-PL.go.AOR store-IN.LAT
 'Продали **они** бурки и пошли в магазин.'
 букв. 'Продав бурки, мы пошли в магазин.'

(Сулейманов 1957: 421)

андийский: рикванинский

В обычном, утвердительном высказывании поручатель совпадает с автором и озвучивателем. Озвучиватель при этом может передать высказывание, автором которого он не является, и в таком случае он может как ручаться, так и не ручаться за передаваемую информацию. Автор и поручатель могут различаться в том случае, если автор вводит нового автора — первый автор в таком случае может дистанцироваться от слов нового автора, опровергать их, или наоборот ручаться за них.

Х. Бергквист постулировал отдельное событие получения информации (source event), и соответствующую роль для говорящего: восприниматель (cognizer), хотя нам кажется, что такой дополнительный слой — лишний. Расхождения между событием и событием рассказывания в плане эвиденциальности кодируются автором, и соответ-

Рис. 3.2: Компоненты высказывания о событии

Событие	Роль говорящего
событие	→ участник: участвует в передаваемом событии
событие рассказывания	→ автор: сочиняет высказывание, кодирует дейксис
событие коммитмента	→ поручатель: ручается за подлинность информации
момент речи	→ озвучиватель: произносит высказывание

ственно объясняются разного рода расхождениями между участниками события и автором рассказывания. Поскольку автор дейктически оформляет исходное событие, он отвечает не только за установление связи между этим событием и моментом речи, но и за внутреннюю структуру передаваемого события. Для анализа внутренней структуры ключевым понятием является точка отсчета (*point of reference*), которое было введено Х. Рейхенбахом для толкования английского Плюсквамперфекта (*past perfect*), который сочетает семантику прошедшего времени с предшествованием (Reichenbach 1947), как в примере (11): оба события произошли в прошедшем, но отправление Фреда в путь (ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ) предшествовало его прибытию (ПРОСТОЕ ПРОШЕДШЕЕ). Точкой отчета для плюсквамперфекта тем самым является другое событие в контексте, тогда как простое прошедшее определяется относительно момента речи.

(11) Fred arrived at 10. He had set off at 6.

(Kamp & Reyle 1993: 593)

В нарративной цепочке плюсквамперфект может передавать последовательные события, которые произошли перед другим событием. В примере (12) все формы плюсквамперфекта имеют одну и ту же точку отсчета (прибытие Фреда), в то время как по отношению друг к другу они обозначают последовательные (а не предшествующие) события: Фред сначала встал, потом принял душ, и так далее. Эти примеры показывают, что для анализа употребления видо-временных форм в нарративе, помимо самого события и момента речи, важны также точка отсчета (пример (11)) и фигура наблюдателя (пример (12)).

- (12) Fred arrived at 10. He had got up at 5; he had taken a long shower, had got dressed and had eaten a leisurely breakfast. He had left the house at 6:30.

(Kamp & Reyle 1993: 594)

Для настоящего исследования компонент точки отсчета является релевантным, поскольку формы глагольной парадигмы, о которых идет речь, совмещают разные функции, выбор между которыми осуществляется в контексте, подобно тому, как это происходит с английским плюсквамперфектом. Как было показано в предыдущем разделе, для интерпретации временных форм в рассказах на андийском языке форма, непосредственно предшествующая другой формы в тексте, тоже имеет значение для интерпретации последней. Например, переключение из Аориста в Перфект дает определенный дискурсивный эффект, отсутствующий в цепочке однородных форм.

3.3.1 Нарративная цепочка

Когда мы используем термин нарратив, мы имеем в виду нарративную цепочку, в которой последовательность событий описывается цепочкой клауз, причем линейный порядок последних отражает порядок последовательности исходных событий во времени. Такие нарративные тексты относительно однородны в плане используемых глагольных форм. При этом нарративный текст имеет такую особенность, что цепочка глагольных форм интерпретируется одинаковым образом, как обозначение последовательности событий. Это касается не только прошедшего общего, но и настоящего, и даже плюсквамперфектов (ср. пример (12) в разделе 3.3). Такие примеры объясняются особой ролью наблюдателя в нарративном режиме (по сравнению с речевым режимом) (Падучева 2010). В нарративном режиме, наблюдатель движется по временной оси параллельно рассказываемым событиям, и цепочка из двух или более одинаковых форм приобретает значение последовательности.

Тексты из грамматик, которые были использованы для исследования в разделе 3.6, представляют разные жанры, включая как цельные нарративы, так и диалоги. Из каж-

дого текста мы выделили именно нарративные цепочки. Так, например, мы использовали текст о школе, в котором говорящий сначала рассказывает, как организовывали школу и как раньше приезжали русские учителя, которых все очень уважали; и что среди них была одна учительница, которую все особенно полюбили. Рассказывая про эту учительницу, он вспоминает, как однажды она очень сильно заболела и все сельчане ей помогали, но она так и не выздоровела. В итоге ее вывезли на вертолете в больницу в Баку. В наш анализ мы включаем не весь текст, а только этот нарративный эпизод. Также нами не были включены в нарративный текст вводные замечания перед рассказом. Пример (13) представляет переводы первых предложений одного текста на цахурском языке (Кибрик & Тестелец 1999: 759–765). Первые три предложения представляют введение и не относятся к нарративной цепочке, которая начинается только с четвертого предложения.

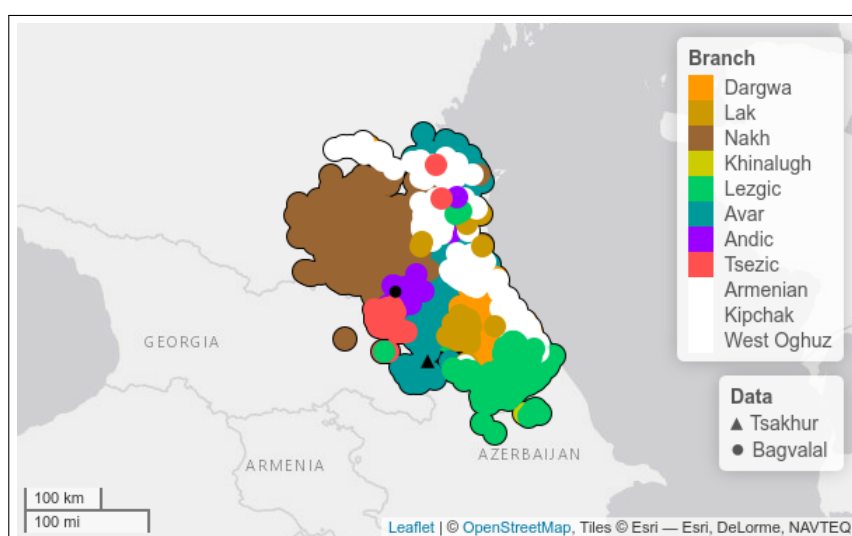
- (13)
1. Я хочу рассказать историю [=сделать рассказ], которая случилась давным-давно [во время времен бывшую].
  2. В то время дагестанцы (часто) воевали [=войну делали] с грузинами.
  3. Эту историю мне рассказал мой дед, а деду — его дед.
  4. Один человек по имени Саид (вместе) со своим другом Исой шел через горы.

Вслед за (Падучева 2010) мы считаем, что минимальная длина для цепочки составляет две клаузы, с уточнением, что эти клаузы должны быть финитными. В разделе 3.5 подробно описано, как мы размечали разные виды клауз которые встречаются в нарративах.

3.4 Выборка языков и данные

Здесь мы рассматриваем нарративы из текстов на багвалинском языке андийской ветви и на цахурском языке лезгинской ветви. Выбор именно этих языков обоснован, во-первых, наличием (небольших) собраний глоссированных текстов (Кибрик & Тестелец 1999), (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001), и, во-вторых, тем, что эти языки принадлежат разным генеалогическим группам и распространены в географически удаленных друг от друга частях Дагестана, относясь к разным «зонам влияния» (ср. раздел 2.1). На рисунке 3.3 ниже изображены сёла идиомов, которые представлены в наших данных (Кванада для багвалинского и Мишлеш для цахурского) на фоне общего ареала языковых групп. Согласно имеющейся литературе, перфектоиды в этих языках обладают разным статусом. Иногда интерпретация семантики перфектоидов может зависеть от автора (см. раздел 1.2.1), но поскольку багвалинским и цахурским занимались одни и те же исследователи, кажется вероятным, что описанные различия не мотивируются разными теоретическими установками и исследовательскими приемами, и перфектоиды в этих языках действительно чем-то существенно различаются.

Рис. 3.3: Селения Кванада (багвалинский) и Мишлеш (цахурский) на фоне распределения генеалогических групп языков нахско-дагестанской семьи

3.4.1 Языки

На багвалинском языке говорят около семи тысячи человек в четырёх селениях Цумадинского района и в двух селениях Ахвахского района на северо-западе Дагестана (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001: 21). Носителей цахурского языка от 30 до 50 тысяч (Кибрик & Тестелец 1999: 3), и проживают они в Рутульском районе Дагестана и в граничащих с ним Гахском и Закатальском районах Азербайджана. Как было показано на карте на рисунке 2.1, разные языки и ветви нахско-дагестанской семьи в целом географически компактны. В результате среди соседей багвалинского языка мы находим в основном другие андийские языки и аварский язык, а цахурский язык окружён другими лезгинскими языками (лезгинский, рутульский) и азербайджанским.

Багвалинская система прошедшего времени типична для аваро-андийских языков. Имеется прошедшее общее (Претерит) и многофункциональный перфектоид (Перфект) со значениями результата, текущей релевантности, косвенной засвидетельствованности и миративности.¹⁶ Другие формы прошедшего времени образуются вспомогательным глаголом в Претерите, а их заглазные эквиваленты — вспомогательным глаголом в форме Перфекта, см. часть парадигмы в таблице 3.6.

Таблица 3.6: Основные формы прошедшего времени глагола *hec'i* 'подниматься, вставать' в багвалинском языке, по (Майсак & Татевосов 2001: 394)

	Претерит	Перфект
	<i>hec'i</i>	<i>hec'i-b-o ek'wa</i>
Плюсквамперфект	<i>hec'i-b-o b-uk'a</i>	<i>hec'i-b-o b-uk'a-b-o ek'wa</i>
Имперфект	<i>hec'ira:χ b-uk'a</i>	<i>hec'ira:χ b-uk'a-b-o ek'wa</i>
Хабитуалис-в-прошедшем	<i>hec'iro:-b b-uk'a</i>	<i>hec'iro:-b b-uk'a-b-o ek'wa</i>

Помимо этого существует серия форм со вспомогательным глаголом 'найти', обозначающих обнаружение ситуации, значение которых часто приближается к инфе-

¹⁶ Впрочем, текущая релевантность присутствует ограниченно, ср. (Tatevosov 2001).

рентиву (раздел 2.2.4.3). В багвалинском языке также существуют частицы для передачи чужой речи. Их функция в основном кватативная, но при опущении матричной клаузы с глаголом говорения они могут выражать репортативное значение, ср. примеры (36) и (37) в разделе 2.2.5.

Цахурская система устроена иначе. Имеется противопоставление Аориста и Перфекта, но вспомогательный глагол в форме Перфекта (*ixa wo=d*) не участвует в образовании основных аналитических времен. Аналитическая парадигма делится на атрибутивные (AF) и неатрибутивные (NAF) формы.¹⁷ В цахурском языке атрибутивные формы глагола широко представлены в функции вершины финитной клаузы. Противопоставление атрибутивных и неатрибутивных форм не во всех случаях ясно (см. анализ в (Калинина & Толдова 1999), но для форм, которые образуются копулой *wo-d*, атрибутивизированные формы являются нейтральными, а неатрибутивизированные выражают эпистемическую оценку (Maisak & Tatevosov 2007). В таблице 3.7 слева мы приводим формы эпистемической парадигмы, а справа — соответствующие дефолтные формы (те же формы представлены во второй главе в таблице 2.16).

Таблица 3.7: Перфект, Дуратив и Проспектив в цахурском языке по Maisak & Tatevosov 2007

	Неатр.	Атр.
Перфект	aqi wo-d	aqi wo-d-un
Дуратив	aqɑ wo-d	aqɑ wo-d-un
Проспектив	aqas-o-d	aqas-o-d-un

Значение NAF / эпистемических форм близко к эвиденциальности, но их употребление нельзя объяснить только эвиденциальными контрастами. Они обозначают дистанцирование говорящего от события, что часто совпадает с ситуациями, где говорящий не был свидетелем сообщаемого события незасвидетельствованностью. Поми-

¹⁷Мы используем сокращения, используемые в (Maisak & Tatevosov 2007).

мо формы NAF имеется две эпистемические частицы *jî* и *nî*, которые присоединяется к главному глаголу или к находящейся в фокусе составляющей (подобно репортативам в других языках, ср. раздел 2.2.5), и могут заменять *wo-d* в качестве связки. Частицы имеют разные дополнительные функции, в том числе выражают прошедшее время (Татевосов & Майсак 1998). Частица *nî* при этом выражает идею «дистанции между текущим миром говорящего и миром фактов, образующих фонд его знаний» (Кибрик & Тестелец 1999: 726), в том числе идею «проблематичной достоверности» (Татевосов & Майсак 1998). В (Maisak & Tatevosov 2007: 392–403) частица *jî* рассматривается как показатель того, что информация была получена в момент времени в прошлом. Эта информация может быть как прямой, так и косвенной — показатель сам по себе не выражает ни то, ни другое. Она при этом умеет утвердительный характер, т.е., даже при передаче информации с чужих слов она передает уверенность со стороны говорящего. Обе частицы употребляются в основном в контексте первого лица и именно для оформления дополнительных комментариев к основной линии нарратива. Таким образом, для настоящего исследования они не очень релевантны, поскольку употребление этих частиц для нарративной цепочки не характерно.

3.4.2 Данные

Мы рассмотрели все тексты, представленные в грамматиках багвалинского (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001) и цахурского (Кибрик & Тестелец 1999) языков, кроме стихов, и выделили из них нарративные цепочки. Таблица 3.8 ниже суммирует количество используемого текстового материала. Были рассмотрены 799 предложений из 36 текстов. В них мы нашли 461 нарративных клауз (считая только главные клаузы). Как видно из таблицы, багвалинского материала больше, чем цахурского. Цахурских нарративов меньше, но они при этом длинее, ср. последние две строчки таблицы 3.8. В обоих языках представлена в основном речь мужчин. К сожалению, не для всех носителей приводятся сведения о годах рождения, поэтому мы не можем сказать, какие возрастные группы представлены в наших данных. Все тексты были записаны во вто-

рой половине 1990-х годов. Контексты прямой и косвенной засвидетельствованности в обоих языках представлены примерно в одинаковом соотношении.

Таблица 3.8: Содержание текстового материала

	багвалинский		цахурский	
	м	ж	м	ж
носители	7	2	6	1
тексты	18	6	11	1
предложения	406	60	317	16
глагольные формы	1220	149	864	41
цепочки	43	6	13	4
нарративные клаузы	225	27	199	10

В цахурском материале есть один текст о событиях, которые приснились носителю. Этот текст нужно рассматривать отдельно в связи с тем, что сновидение в одних языках воспринимается как прямая засвидетельствованность говорящего, а в других оформляется как нарратив о косвенно засвидетельствованных событиях, видимо, потому, что описываемые события не имели места в действительности, см. например (Sumbatova 1999) о сванском языке. Из содержания трех цахурских текстах неясно, видел ли сам говорящий или нет то, что о чем рассказывает — эти случаи обсуждаются в разделе 3.6.3. В данных представлены тексты разных жанров, в том числе: сказки, местные легенды, анекдоты (общие и личные) и рассказы из личного опыта. В такой маленькой выборке жанры естественно представлены в количестве, недостаточном для того, чтобы сравнивать их между собой, но наш анализ предварительно показывает, что те или иные паттерны не характерны исключительно, например, для сказок и каких-либо других, конвенционализированных жанров.

3.5 Принципы разметки

В настоящем разделе обсуждаются технические решения, связанные с разметкой нарративного материала. Каждая нарративная цепочка получила собственный номер (seq_nr), а номер предложения цепочки (sentence) соответствует номеру предложения в тексте оригинала. Были размечены все глагольные формы в каждом предложении, хотя некоторые из них не образуют самостоятельной клаузы. Последовательно мы разместили форму и функцию, см. ниже. В таблице имеется исходная словоформа (word), перевод лексемы на русский язык (rus) и морфемный разбор в том виде, как он дан в источнике (gloss, в котором лексическая глагольная глосса заменена буквой v). Далее мы классифицировали форму (form): например, цахурская форма с глоссом NPL.V-IPF классифицирована как present (или converb, в зависимости от контекста). Для каждой клаузы размечена ее функция в структуре рассказа (clause), и указан носитель (с кодом - sp_code) и номер текста (text_id). Пример приведен в таблице 3.9.

Таблица 3.9: Разметка текстовых данных (пример)

text_id	sp_code	sentence	word	rus	gloss	form	clause	seq_nr
to1	mish1	1	ha=r=k'in-ni:	идти	1=v.pf-em2	aorist	first	52

К этим данным привязаны метаданные о самом тексте (таблица 3.10) и его рассказчике (таблица 3.11). Для каждого текста описан предмет (topic), который классифицирован по теме или жанру (theme), например личный опыт, местная легенда, сказка, анекдот, причем указана соответствующая тексту эвиденциальная перспектива (direct / indirect). У всех таблиц имеется дополнительный столбец для комментариев.

Транслитерация, принятая в настоящей работе, не сильно отличается от конвенций, используемых авторами грамматик. Для некоторых согласных мы пользуемся символами МФА (например: /χ/ вместо X и /ʁ/ вместо R), за исключением /ʂ/, /z/, /ts/, /tʃ/ и их абруптивных коррелятов, которые пишутся как /ʂ/, /ʒ/, /c/, /č/, согласно тради-

ции, распространенной в кавказоведении. Для латеральных аффрикатов /tʃ/, /tʃʰ/ используются /ʃ/, /ʃʰ/. Долгие гласные и сильные согласные обозначаются символом /:/.

Таблица 3.10: Метаданные о текстах (пример)

text_id	title	txt_length	seq_nr	seq_length	sentence	topic	theme	persp
to1	Текст А	26	52	24	1-24	Mohammed's broken leg	personal recollection	direct

Таблица 3.11: Метаданные о рассказчиках (пример)

sp_code	sp_name	sp_birthyear	sp_gender	language	branch	village	source
to1	ФИО	?	m	Tsakhur	Lezgic	Mishlesh	[Kibrik et al. 1999]

В столбце gloss сохранено глоссирование исходного источника, только перевод основы заменён буквой (например, 3.делать-РОТ - 3.v-ROT) и перенесён в столбец rus (ср. таблицу 3.9). Столбец form отражает нашу классификацию соответствующей формы. В приведенных в тексте диссертации примерах глоссы унифицированы по нашим конвенциям. Список сокращений см. раздел 3.7.

В рассматриваемых языках встречаются разного рода **аналитические формы и сложные предикаты**. Аналитические формы времени занимают одну клетку в соответствующих столбцах word, rus и gloss, но пишутся они отдельно, согласно их морфологическому разбору в источниках. Аналитические сложные слова, например, цах. *χa:bar ha:ʔas* ‘рассказывать’, букв. ‘рассказ делать’ анализируются как отдельные словоформы (существительное и глагол). Хотя такие конструкции функционируют не совсем как обычный глагол с абсолютным аргументом (в некоторых случаях может вводиться второй абсолютный аргумент), для наших целей эта особенность не релевантна. В случаях, где произошло морфологическое сращение, сложное слово отме-

чено как одна форма, составляющие которой разделены дефисом, следуя решениям в исходных источниках. Наличие вспомогательных глаголов с эвиденциальным значением (например 'найти' в багвалинском, ср. раздел 2.2.4.3) помечено в столбце для комментариев (comment). Форма охарактеризована по своей видо-временной функции. Для форм, которые относятся к определенной серии или парадигме, эта принадлежность также отражена в нашей классификации.¹⁸

Количество разных специализированных конвербов в дагестанских языках обычно достаточно велико. Мы размечаем только разницу между **общими конвербами** (converb) и **специализированными конвербами** (sconverb), поскольку семантические различия между разными специализированными конвербами для наших целей нерелевантны. Информация о конкретных используемых формах зафиксирована в столбце gloss. Все причастия помечены просто как participle, без уточнения их видо-временного значения. В связи с **синкретизмом** некоторых глагольных форм одна словоформа может соответствовать разным формам-функциям. В цахурском языке, например, перфективная основа может быть Аористом или Перфективным Конвербом. Различить эти формы не во всех контекстах одинаково просто, ср. (Kazenin & Testelests 2004), но при морфемном разборе авторы грамматики старались отражать предполагаемую структуру в переводе или в дополнительных комментариях. Поскольку у нас не было доступа к носителям цахурского языка из с. Мишлеш, наша классификация опирается на анализ авторов. Сомнительные на наш взгляд места помечены отдельно в столбце для комментариев. Наличие **показателя атрибутива** для цахурских форм отмечено в отдельном столбце, чтобы можно было при необходимости отделить атрибутивизированные формы от неатрибутивизированных.

В разметке мы главным образом отмечаем **главные клаузы** (main), причем отдельно выделяем **первую финитную клаузу** цепочки (first), так как первое предложение может получать особое оформление (framing). **Зависимые клаузы** (dependent) включают в себя разного рода конвербные и релятивные клаузы и подчиненные клаузы с

---

¹⁸Например, мы различаем naf_perfect и af_perfect в цахурском языке и preterite_pluperfect и perfect_pluperfect в багвалинском языке.

масдарами (именами действия). **Свободные клаузы** (comment) — это клаузы внутри нарратива, в которых рассказчик временно выходит из нарративного режима, например, чтобы дать слушателю дополнительную информацию о том или ином аспекте рассказа или участнике событий. Довольно яркий пример такой ситуации представляет пример (14), где говорящий прерывает свой рассказ замечанием, что он забыл рассказать адресатам важную информацию без которой они могут не понимать часть истории, и излагает эту информацию.

- (14) hama-n-či-l-e   hiqa=d   sa   kar   za-s:-e   k'eli-t-χin
этот.N-ATR-OBL.N-SUP-EL перед=CON.4 один вещь.4 я.OBL-AD-EL 4-забывать.PF
šo-k'le   iwh-es: ibrehim-paše-j-k'le   ac'a-xa-jn-ki,
вы.OBL-AFF говорить-POТ Ибрагим-паша-OBL-AFF 4.знать-4.стать.PF-ATR-KI
ham-ni   jiv-i-l-i:n   pil   alwer   ha?-i:n
этот-ATROBL день-OBL-SUP-ATR деньги.4 торговля.4 4.делать.PF-ATR
ham-ni   zaʔfa-j-sana   χil-e-ni   sumk'γ-e: k'eč:-u,
этот-ATR.OBL женщина-OBL-AD кисть.руки сумка-IN 4.класть.внутри-PF
torb-e: ixa-j
пакет-IN 4.стать.PF-MSD
'До этого я вам **забыл** одну вещь сказать: Ибрагим-паша знал, что торговая вы-
ручка этого дня у этой женщины в дамской [=ручной] сумочке лежала, в паке-
тике была [= (она ее) в дамскую сумочку положив, в пакетике была].'
цахурский
язык
(Кибрик & Тестелец 1999: 785)

В нескольких случаях нарратив прерывается для вопросов (и ответов) — такие предложения были отмечены как **диалог** (conversation). Сами такие предложения для наших целей не релевантны, но тот факт, что рассказ чем-то прерывается, на наш взгляд может влиять на употребление, поэтому такие моменты были учтены в разметке. В анализе цахурского материала, представленного в текстах А-Г (Кибрик & Тестелец 1999: 753–769), свободные клаузы отвечают не только, например, за дополнительную информацию о персонажах или предметах или специальных терминах (исторический фон), но и для уточнения деталей самого события (внутренний фон). В нашей разметке дополнения первого типа отнесены к свободным клаузам, тогда как

второй тип — это часть основной линии, поскольку в текстах внутренний фон в принципе составляет часть нарратива и оформляется соответственно, тогда как исторический фон оформляется другими формами (часто презенс или хабитуалис по контрасту с основной линией в форме прошедшего времени).

Для семи глагольных форм мы не смогли определить функцию на уровне клауз, причем в шести случаях это связано с необычным употреблением причастий у одного носителя багвалинского языка. Ср., например, (15) ниже, где проблематичные случаи и их соответствия в переводе выделены жирным и для удобства пронумерованы. Вторая форма вероятно образует релятивную клаузу, но употребление первой и третьей форм нам осталось не до конца понятным. Согласно Е.Ю. Калининой имперфективное причастие в роли сказуемого в багвалинском языке может иметь модальное значение «возможности» (помимо хабитуалиса и будущего) (Калинина 2003), но такое объяснение здесь не очень подходит.

- (15) b-uk'-ur jama-b-a-χ-u-b miq'-al-a-χ-is:ini
 NPL-быть-NPL яма-PL-OBL.PL-AD-ATR-N дорога-PL-OBL.PL-AD-TRANS
 b-uλ'e:-ra:-χ, b-eχ'e:-n-o:-b(1) tormaz-abi r-iši-ra
 NPL-гнать-IPFV-CVB N-начинать-IPFV-PTCP тормоз-PL NPL-хватать-IPFV.INF
 he: jama k'anc'ur-a-ł-o-b(2) k'anc'ur-u-b-q'at:ani
 потом яма прыгать-ROT-FUT-PTCP-N прыгать-PTCP-N-TEMP
 r-iši-r-o:-r(3) tormaz-abi
 NPL-хватать-IPFV-PTCP-NPL тормоз-PL
 Тнали (мы) по ямистым дорогам, (и если Ибрашка) **начинал(1)** тормозить [= хватать тормоза,] (то) [потом] тормоза **срабатывали(3)** (лишь) тогда, когда (мы) уже переехали яму [= когда перепрыгивали яму, которую надо было **перепрыгнуть (2)**].'
 багвалинский язык
 (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001: 762)

Передача чужой речи позволяет говорящему принимать перспективу одного из участников события, о котором он рассказывает. Чужая речь в нахско-дагестанских языках обычно маркируется кватативной частицей на правой границе цитаты (см. раздел 2.2.5). В багвалинском языке используются частицы, которые могут составлять

комплекс или разделяться — в таких случаях одна из них остается на правой границе, а другая маркирует фокусную составляющую. Сама цитата преимущественно оформляется как прямая речь, т.е., время глагола определяется относительно персонажа, речь которого цитируется, а не относительно момента текущего речевого акта (Evans, Bergqvist & San Roque 2018). Личные местоимения могут заменяться рефлексивами, выполняющими логофорическую функцию. В цахурском языке цитативные частицы отсутствуют. Наличествует два комплементаризера, которые вводят финитные зависимые (*ki* и *wi*), но они не используются с глаголами говорения. Цитаты обычно вводятся с помощью глагола речи, но это необязательно. В обоих языках помимо обычной конструкции с глаголом говорения представлена стратегия со связкой или бытийным глаголом. Эта конструкция вводит более маркированный тип цитирования: говорящий указывает на то, что следующая передача (чаще всего с чужих) слов субъективна и приблизительна, аналогично конструкции *be like* в английском языке (Romaine & Lange 1991), или *такой, такая* в разговорном русском языке.

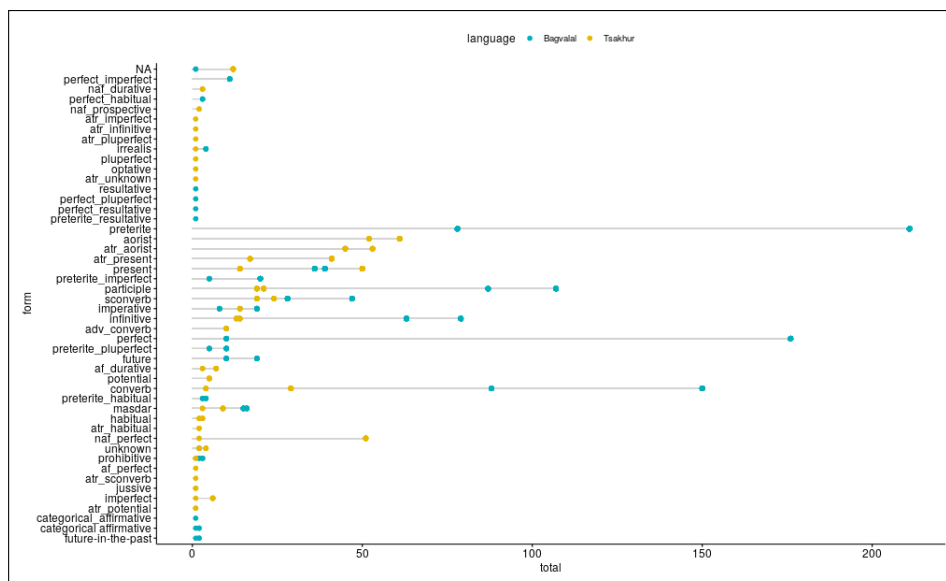
- (16) Ibrahim w-uk'a o-ra: behri-č'u-b=ɣala
 Ибрагим м-быть этот-OBL.NPL.SUP.LAT быть.разрешенным-NEG-PTCP-N=RALA
 b-ah-a:
 NPL-братъ-POT.INF
 'Ибрагим сказал им: "Нельзя братъ".' (букв. Ибрагим был на них: "Нельзя братъ")'
 багвалинский язык
 (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001: 765)

Нефинитные клаузы внутри цитаты помечены как *dependent*. Те случаи, когда главный предикат в цитате стоит в нефинитной форме, мы тоже отмечаем как *quote* — это своего рода главная клауза внутри контекста цитирования.

3.6 Результаты

В цахурских данных встречаем больше разных форм (всего 32), чем в багвалинском (23), что на рисунке 3.4 выражается в большем количестве желтых точек.

Рис. 3.4: Формы, используемые в багвалинских и цахурских нарративах

Если учитывать только клаузы, составляющие главную линию рассказа (тем самым исключая нефинитные клаузы и цитаты), разница сокращается: 14 разных форм в багвалинском языке против 17 в цахурском. Набор используемых форм в нарративных цепочках в целом ограничен, причем можно отметить явное предпочтение общих прошедших и перфектоидов (см. рисунок 3.4 и таблицу 3.12).¹⁹ В целом в цахурском языке используется больше форм иных, чем перфекты, но среди этих других форм самая частотная встречается лишь 46 раз, против 83 перфектоидов.

¹⁹ Категория «другие» в таблице также включает в себя формы так называемых серий, например, туда входит багвалинский Плюквамперфект со вспомогательным глаголом в форме Перфекта.

Таблица 3.12: Количество и доля используемых форм в нарративах

	багвалинский	%	цахурский	%
прошедшее	244	48	237	58
перфектоид	171	33	83	20
другие	97	19	89	22

Рисунки 3.5 и 3.6 ниже показывают долю трех категорий форм (прошедшее vs. перфектоид vs. другие) в отдельных нарративах. Судя по количеству зеленого в столбцах на рисунке 3.5, можно предположить, что нарративы 3–5, 8, 10–21, 23–25, 41, 43 и 47 на багвалинском языке являются незасвидетельствованными, поскольку соответствующие им столбцы либо полностью зеленые, либо зеленой является их большая часть. Это предсказание подтверждается для всех текстов кроме текста 47, особенности которого обсуждаются более подробно в разделе 3.6.1.

Рис. 3.5: Формы, используемые в багвалинских нарративных цепочках

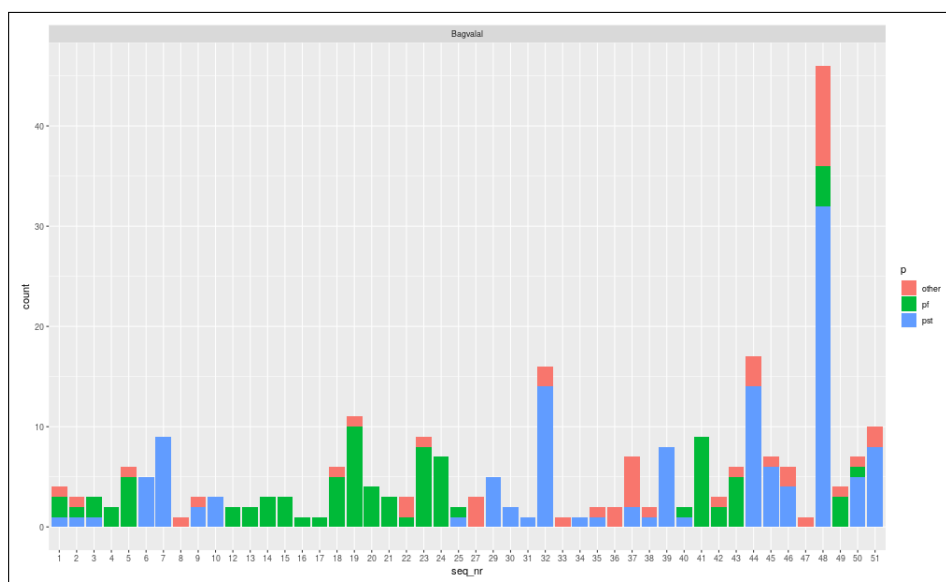
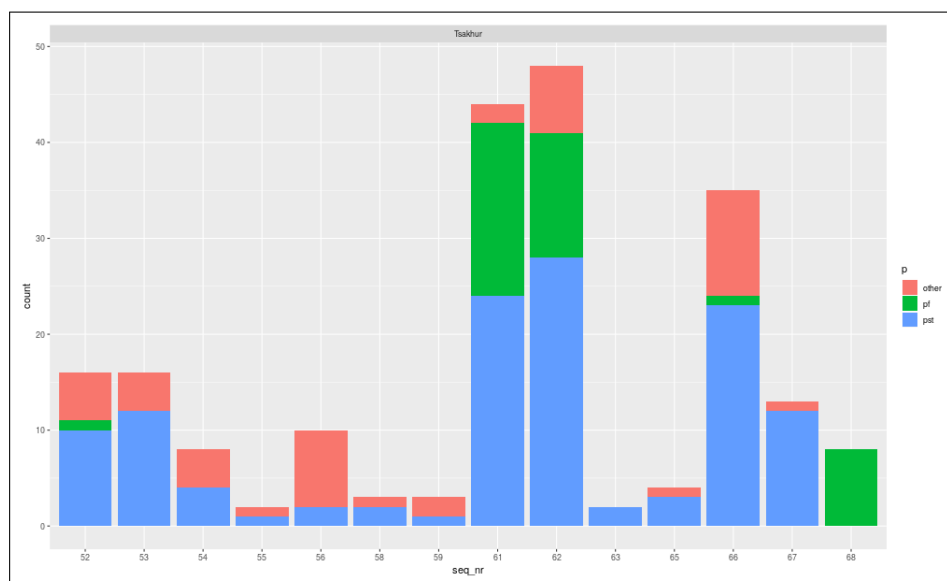

Рис. 3.6: Формы, используемые в цахурских нарративных цепочках

В цахурском языке только один текст (68) рассказан полностью в Перфекте. Кроме этого, есть два текста, в которых используется относительно много Перфектов (61 – 62). В разделах 3.6.1 – 3.6.2 мы обсудим оформление нарративов по отношению к эвиденциальной перспективе, обращая внимание на некоторые неожиданные употребления, а в разделе 3.6.4 определим статистическую значимость параметра засвидетельствованности для распределения глагольных форм.

3.6.1 Незасвидетельствованные нарративы

В предыдущем разделе мы заметили, что исходя из рис. 3.5 можно предположить, какие из цепочек на багвалинском языке описывают события, незасвидетельствованные говорящим. В следующих цепочках Перфект используется исключительно или преимущественно: 3–5, 8, 10–21, 23–25, 41, 43 и 47. Среди этих 22 цепочек — 9 полных текстов, и 13 фрагментов (из которых 4 минимальной длины, т.е. две клаузы). Все кроме одного действительно передают события, при которых говорящий сам не присутствовал, включая одну сказку, местные легенды, анекдот, и анекдоты о знакомых людях. На рисунке 3.5, нарратив 47 выглядит как короткий нарратив, который состоит исключи-

тельно из Перфектов. Он действительно короткий (предложений всего два), и Перфект в нем только один. Первое предложение возглавляет причастие, а второе — Перфект. В разделе 3.3.1 мы определили, что нарративная цепочка как состоящую минимум из двух финитных клауз, однако дело в том, что в данном случае причастие в первом предложении на наш взгляд используется в роли сказуемого, см. пример (17) и его продолжение в (18).

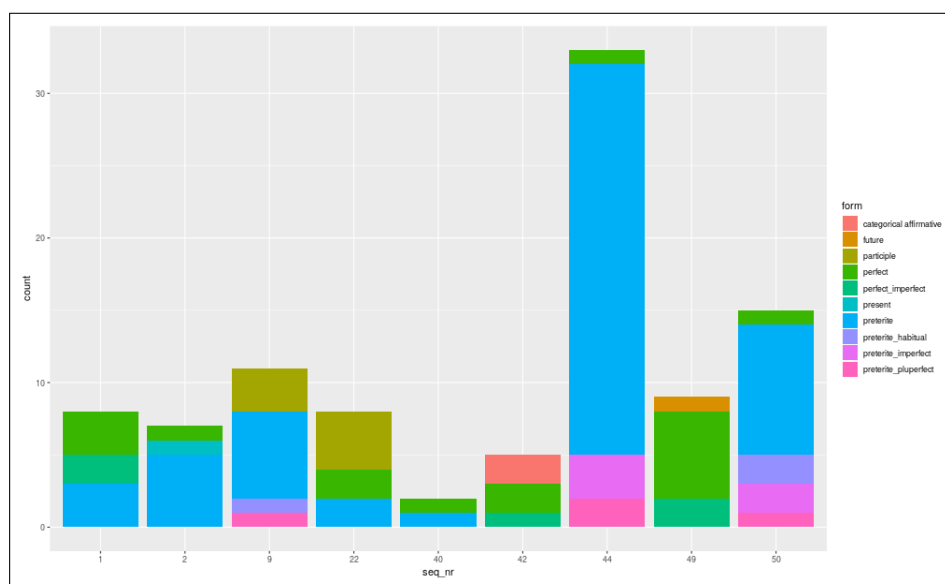
- (17) se-b muḫtar-la mašina-ḥi rekʷ-ě:-w-o, ɬ-o:-b-q'aḥ:ani
 один-N Мухтар-LA машина-INTER садиться-CAUS-M-CVB ехать.IPFV-PTCP-N-TEMP
 jaš-i-la ha:-n-o miq'-a-la o-ru-χ
 девушка-PL-LA видеть-HPL-CVB дорога-OBL-SUP этот.OBL.HPL-AD
 w-ič'-ina:-χ-la w-uk'a-w-o mašina q'war-o:-b
 М-смотреть-IPFV-CVB-LA М-быть-М-CVB машина переворачиваться-CAUS.PTCP-N
 'Когда (мы) однажды, посадив Мухатара в машину, ехали, (Ибрагим,) по дороге
 увидев девчат и засмотревшись на них, машину перевернул.' багвалинский язык
 (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001: 760)

- (18) he: jaš-i-la eseba: b-e:-r-o, o-ru-r
 потом девушка-PL-LA рядом.LAT HPL-приходить-HPL-CVB этот-OBL.HPL-ERG
 kumuk-la dže:-b-o, mašina b-iw-e:-b-o ek'wa
 помощь-LA делать-N-CVB машина N-стоять-CAUS-N-CVB есть
 'Затем подошли девчата, и с их помощью [=они помощь сделав] подняли ма-
 шину' багвалинский язык
 (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001: 760–761)

Поскольку говорящий, с одной стороны, сам участвовал в ситуации и тем не менее не возникает эффект первого лица (т.е., говорящий будто участвовал неосознанно), заглазное прочтение в этом случае исключено. История является частью разговора, в котором два носителя сначала думают, о чем рассказывать, а потом начинают вспоминать истории про одного родственника. Рассказ в примерах (17) – (18) — первый рассказ, после чего другой носитель рассказывает историю подлиннее. Есть возможность, что первый говорящий своей короткой историей не совсем перешел в нарративный режим, а предложение в (18) на самом деле не составляет часть нарратива, а передает релевантный на момент речи факт, что они машину все-таки подняли (с помощью

девчат). Без работы с носителями кванадинского диалекта багвалинского языка трудно сказать что-то более определенное. Хотя наличие большого количества Перфектов в багвалинском языке оказывается достаточно надежным индикатором того, что говорящий сам не участвовал в рассказываемых событиях, в текстах имеется 9 незасвидетельствованных нарративов, которые не рассказаны преимущественно в Перфекте. Среди них в том числе сказка, анекдоты про знакомых и местные легенды. Более подробное рассмотрение этих случаев показывает, что в 49-м нарративе все-таки больше Перфектов, чем других форм, а рисунок 3.7 показывает, что главная альтернативная стратегия — с прошедшим / Претеритом.

Рис. 3.7: Конкуренция стратегий в незасвидетельствованных нарративах в багвалинском языке

Интересный случай представляет короткая история 22 о том, как в девятнадцатом веке на селение Кванада напали хуштадинцы — жители другого багвалинского села — когда большая часть кванадинской молодежи погибла в Грузии, куда они ездили на разбой. В итоге кванадинцы были вынуждены некоторое время платить налоги хуштадинцам. Эта история в данных была помечена как местная легенда — говорящий сам не был свидетелем этих событий, и рассказывает про события в очень общих чертах. Основная линия этой истории оформлена причастиями — стратегия, которая требует

дальнейшего изучения. Напоминаем, что в аварском языке раньше тоже существовала нарративная стратегия с причастиями прошедшего времени, имевшая эвиденциальное или модальное значение (см. раздел 2.2).

В цахурских текстах имеется только один рассказ (68), который полностью рассказан в Перфекте. Это анекдот о том, как сывагильцы ловили медведя. В этом анекдоте жители селения Сывагиль (цахурское селение в Азербайджане) идут ловить медведя. Когда медведь их увидел, он убежал в берлогу, после чего сывагильцы засунули одного человека в берлогу. Когда его оттуда вытащили, он оказался без головы. Сывагильцы начали спорить, была ли у него голова раньше, до того, как они засунули его в берлогу. В конце истории они спрашивают у его жены — была ли у ее мужа голова, на что она отвечает, что не уверена, что голова была — помнит только, как у него усы двигались, когда он ел хинкал. Поскольку этот сюжет фиктивный, его можно отнести к анекдотам. Единственная сказка в цахурском материале (67) рассказана в Аористе.²⁰

Нарративы 61 и 62, в которых чередуются Аористы и (неатрибутивные, то есть эпистемические) Перфекты, записаны от одного и того же носителя, который рассказывает истории про известных местных людей (вор в законе Ибрагим-паша и конокрад Темраз). Пересказы не привязаны к определенному первичному источнику, например, в конце (61), говорящий заключает историю замечанием: «Вот такую историю люди про него рассказывают». В случае нарратива 62, нам осталось не до конца понятным, ведет ли говорящий рассказ, опираясь на собственный опыт, или нет. В итоге мы считаем, что в цахурском материале есть четыре рассказа о незасвидетельствованных событиях: 62 про Ибрагим-паши, 67 — сказка, 68 — анекдот про Сывагильцев и 53 — короткая легенда про предателя Саида, который оказался не предателем. Последний рассказан в Аористе.

---

²⁰ Сюжет тоже представлен в сборнике даргинского фольклора (van den Berg 2001: 114–116), только в той версии, главные персонажи просто трое друзей, без местной специфики, и жена человека без головы помнит только как он каждый год купил новую шляпу. В (Кибрик & Тестелец 1999) приводится следующее примечание по поводу него: «Приводимый “бродячий” сюжет широко засвидетельствован в фольклоре различных народов, ср. тот же анекдот (“Догада”), записанный в верховье Мезени в 1916 г. и приведенный в сборнике сказок русского Севера (Озаровская 1931, с. 403–404).»

3.6.2 Засвидетельствованные нарративы

В засвидетельствованных нарративах встречаются преимущественно простые прошедшие. В багвалинском языке стратегия отличается только в нарративах 27 и 37: оба они из диалога про поездку с лингвистами во время экспедиции. В нарративе 27 обладает причастие, а в 37 — настоящее время, используемое как *praesens historicum*. Стратегия с настоящим временем также представлена в одном цахурском тексте. Остается неизвестным, возможна ли такая стратегия при рассказе о незасвидетельствованных событиях, или она характерна именно для рассказов из собственного опыта. Перфект в засвидетельствованных нарративах встречается всего 9 раз: 3 в цахурском (один атрибутивный, два неатрибутивных) и 6 в багвалинском. Один из этих случаев (про перевернутую машину) уже упоминался в разделе 3.6.1.

В рассказе 48, говорящий рассказывает про то, как они с родственником на грузовике спускались из села и поехали в Ставропольский край, везя в кузове вещи и пассажиров в кузове. Пока они спускались по плохим дорогам, в кузове происходили разные события, о чем водителю и говорящему было неизвестно. Они узнали об этих событиях только потом, и именно эта информация рассказана в Перфекте, или с конструкцией с глаголом 'найти', тогда как основная линия рассказа ведется в Претерите. В цахурских текстах неатрибутивный Перфект используется в короткой истории о том, как друг говорящего в молодости притворялся, что он сломал ногу, чтобы не пойти в магазин (52). История рассказана в основном в Аористе, но Перфект используется, когда говорящий рассказывает о том, что они с друзьями только потом узнали, что и почему сделал этот человек.

- (19) χ ili:dže sem-mi a-t'-k'in-i:-l-e   qí:ka ša-k'le
спустя год-PL NPL-уходить.PF-MSD-SUP-EL после мы.OBL-AFF
aс'a-xa-jn-ki   ma^hammad-i-s   d-ik:i:kin-o-r   magaziny-e:-qa
знать-4.статья.PF-ATR-KI Магомед-OBL-DAT NEG-хотеть.PF-быть=1 магазин-IN-ALL
ajr-es   hamančiše a^hmal-bi   wo-d   haʔ-u   gelj
м.приходить-Р0Т поэтому хитрость-PL быть-NPL делать-PF нога.4
ha-t'-q'ur-wi
4-ломать.PF-WY
'Через [=спустя] много лет мы узнали, что Магомед не хотел идти в магазин и
поэтому притворился, что сломал ногу.'
(Кибрик & Тестелец 1999: 757–758)   цахурский язык

3.6.3 Другие нарративные стратегии

В одном багвалинском тексте говорящий пересказывает анекдот про своего знакомого, где он после первого предложения переходит на перспективу первого лица и рассказывает всю историю как бы от имени главного персонажа, см. первые два предложения анекдота в примерах (20)–(21).²¹

- (20) o-š:u-r   b-as-in-o:-b   b-uk'a e-w   grozni-la
этот-OBL.M-ERG N-рассказывать-IPFV-PTCP-N N-быть LOG-M Грозный-LOC
ek^wa-b-q'arł:ir   in-š:u-r   j-ih-i-wala   čačana-j
есть-PTCP.N-TEMP LOG-OBL.M-ERG F-брать=RALA чеченка-F
'Он рассказывал, что когда он был в Грозном, женился на чеченке.'
(Maisak & Tatevosov 2007: 787)   багвалинский язык
- (21) o-j   haddilir j-uχ:u-č'i   di-č'
этот-F долго   F-оставаться-NEG я.OBL-CONT
'Она долго у меня не осталась.'
(Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001: 787)   багвалинский язык

Стратегии непрямого нарратива с репортативной частицей в багвалинском и цахурском языках не представлены. В цахурском языке подобного рода частицы отсутствуют, а семантически похожие частицы эпистемического статуса не используются в главной линии, как уже обсуждалось в разделе 3.4.1. В багвалинском языке имеются

²¹В разделе 3.3 мы обсуждали подобную стратегию в нарративе из рикванинского диалекта андийского языка, где говорящий пересказывал историю своего деда.

квотативы, которые иногда употребляются в качестве репортатива, но нарративная стратегия с квотативными частицами в репортативной функции отсутствует. Багвалинская конструкция с ‘найти’ используется только в тех эпизодах внутри рассказа, которые описывают ситуацию непосредственного обнаружения, ср. Текст 8, предложения 88–92 (Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001: 771).

3.6.4 Статистическая значимость засвидетельствованности как параметра

В целом оба языка показывают распределение, похожее на андийские данные, представленные в разделе 3.1.1. Перфектоиды значительно более распространены в контекстах, где говорящий рассказывает не о собственном опыте, хотя в цахурских данных этот эффект возникает в основном благодаря вкладу одного носителя (см. раздел 3.6.1). В контексте прямой засвидетельствованности преобладает общее прошедшее. Отношения при этом не симметричные — общие прошедшие используются также в контексте косвенной засвидетельствованности, а перфектоиды почти полностью отсутствуют в контексте прямой засвидетельствованности. При этом цахурский Аорист в незасвидетельствованных контекстах более частотен, чем Перфект, тогда как в багвалинском языке Перфект преобладает над Претеритом в заглазном контексте.

Таблица 3.13: Перфектоиды и прошедшие в багвалинских и цахурских нарративах согласно перспективе свидетельства

	багвалинский		цахурский	
	прям.	косв.	прям.	косв.
перфектоид	6	165	3	50
прошедшее	181	63	79	86

Тест хи-квадрата подтверждает, что наблюдаемая корреляция между употреблением форм и перспективой свидетельства — статистически значима для обоих языков, со значениями p намного ниже 0.05 ($< 2.2e-16$ для багвалинских данных, и $8.463e-08$ для цахурских, в обоих случаях степень свободы была 1).

3.7 Итоги

Известно, что в языках с эвиденциальным перфектоидом эта форма часто выступает в рассказах о незасвидетельствованных событиях. Наоборот, в языках, где косвенная засвидетельствованность как значение перфектоида отсутствует, перфектоид часто практически не используется в главной линии нарратива, за исключением выделения определенного события в контекстах с семантикой текущей релевантности (раздел 3). В настоящей главе мы более подробно проанализировали нарративный режим речи носителей исследуемых языков. В простых, элицитированных нарративах на разных диалектах андийского языка, в котором перфектоид может иметь значения результата, текущей релевантности и косвенной засвидетельствованности, форма может употребляться для главной линии рассказа о незасвидетельствованных событиях, но также для обозначения неожиданных событий внутри рассказа в Аористе (см. раздел 3.1.1). Такую стратегию оформления нарратива о незасвидетельствованных событиях мы назвали перфектоидной. Перфектоидная стратегия используется не всегда и не всеми носителями. Встречается и использование Аористной стратегии, появляющейся вне зависимости от эвиденциальной перспективы, причем в случае нарратива о незасвидетельствованных событиях факультативно можно использовать репортативную частицу. Данные элицитированных нарративов противоречат данным, полученным элицитацией анкеты. Если судить по результатам анкетирования, в рикванинском диалекте эвиденциальное значение более грамматикализовано, чем в зилловском (см. раздел 3.1). Однако при элицитации нарративов только 1 из 5 рикванинских носителей использовал перфектоидную стратегию в незасвидетельствованном контексте, в то время как из 6 носителей зилловского диалекта перфектоидную стратегию использовали 5 носителей (раздел 3.1.1). Методологическая проблема заключается в том, что вариативность, наблюдаемая при элицитации, может быть результатом не только особенностей речи определенных носителей или групп носителей, но и разных условий эксперимента (например, сосредоточенность носителя или поведение исследователя. С другой стороны, эти данные теоретически могут свидетельствовать

об особом статусе использования перфектоида именно в нарративе — в частности, о возможности заимствования перфектоидной стратегии нарратива как способа грамматического оформления определенного типа дискурса вне зависимости от степени грамматикализованности у перфектоида эвиденциального значения.

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть эти предположения, в разделе 3.6 мы рассмотрели естественные нарративы на двух языках с разными функциональными профилями перфектоидов: багвалинском и цахурском. В обоих языках перфектоиды ассоциируются с заглазностью, но в случае цахурского языка косвенная засвидетельствованность не считается главной функцией этой формы, а лишь контекстной импликацией, часто возникающей в связи с тем, что форма выражает дистанцирование говорящего от описываемой ситуации (ее предположительная основная функция). Подобные идеи о семантике перфектоидных форм с эвиденциальным уклоном встречаются также у исследователей других языков эвиденциального пояса (см. раздел 1.2.1). По нашим данным, перфектоид в обоих языках значительно более частотен в незасвидетельствованном контексте (раздел 3.6.1), чем в контекстах прямой засвидетельствованности (3.6.2), хотя и в цахурском, и в багвалинском языках использование общего прошедшего остается возможным и в заглазных нарративах. При этом в цахурском языке даже в незасвидетельствованном нарративе Аорист более частотен, чем Перфект, в то время как в багвалинском языке Перфект в незасвидетельствованных нарративах преобладает. Эта разница между багвалинским и цахурским в плане относительной частотности простого прошедшего и перфектоида в заглазных нарративах в принципе подтверждает существующую интерпретацию перфектоидов в этих языках: багвалинский перфектоид более, а цахурский — менее эвиденциален, следовательно простое прошедшее в цахурском языке — более нейтральный нарративный выбор, а в багвалинском — наоборот, менее нейтральный. Поскольку у нас была доступна лишь небольшая выборка текстов, этот результат требует подтверждения.

Таким образом, мы предполагаем, что использование перфектоидов в (заглазном) нарративе может служить объективной сопоставительной мерой степени его грамма-

тикализованности, в противовес анализу, базирующемуся на сравнении элицитированных анкет. С другой стороны, тот факт, что употребление перфектоида в главной линии заглазных нарративов представлено в разных языках и идиомах, включая и те, где эвиденциальная семантика не очень ярко ощущается носителями (например, в зилловском андийском), или те, в которых форма используется скорее для обозначения более абстрактной дистанции (в цахурском), в принципе может указывать и на то, что данное употребление является в какой-то степени независимым свойством перфектоидов. В разделе 1.2.1 мы обсуждали следующий путь развития заглазных употреблений перфектоидов: сначала инферентивное значение возникает как дискурсивная импликатура, затем форма может расширить свой контекст употребления на ситуации, где говорящий не видел даже результата или последствия события, о котором он рассказывает, а имеет какие-то другие косвенные сведения о нем, например, знает о нем с чужих слов. На данном этапе становится возможным использовать форму для оформления заглазных нарративов, включая не только такие традиционные жанры как сказки и легенды, но более реальные истории, при которых говорящий не присутствовал.

Можно представить себе сценарий, при котором такое употребление заимствуется из контактного языка в качестве стилистического приема, без наращения эвиденциальной семантики в других контекстах. Однако по нашим данным нарративное употребление отсутствует в тех языках, где перфектоид в других контекстах вообще не имеет эвиденциальной функции, как в рутульском и лезгинском (за исключением более или менее редких инферентивных импликатур, отмечаемых, например, для лезгинского), см. 3.5. В зилловском диалекте андийского языка, для которого мы зафиксировали только нарративное употребление перфектоида, нарратив служит «хранителем» эвиденциальной категории, которая в обычной речи утрачивается или по крайней мере (согласно интуиции носителей данного диалекта по сравнению с носителями других диалектов андийского) менее ярко выражена. Можно сделать следующий вывод: для того, чтобы форма могла приобрести нарративную функцию передачи заглазости, инферентивное или эвиденциальное ядро уже должно иметь место в других

контекстах. При этом мы считаем вполне вероятным, что нарративное употребление эвиденциального перфектоида в одном языке по крайней мере может способствовать появлению такого же употребления в другом языке, который находится в контакте с первым.

Как мы уже отметили — гипотеза о появлении эвиденциального значения перфектоида под влиянием контакта с тюркскими языками труднодоказуема, во-первых, в отсутствие достаточных исторических данных о самих языках и языковых контактах и, во-вторых, в связи с тем, что инферентивная импликатура перфектоидных форм является естественной и распространенной вне зависимости от принадлежности языка определенному ареалу (1.2.1).²² Заглазные перфектоиды представлены и вне ареала «эвиденциального пояса», хотя в его границах они встречаются чаще. В связи с этим Л. Йохансон замечает, что контакты носителей кавказских языков с тюркскими языками, вероятно, лишь усиливали тенденции к развитию заглазного значения, уже присутствующие в самих языках-реципиентах (Johanson 2006: 172). Мы выдвигаем гипотезу о том, как именно эвиденциальные компоненты значения формы могут усиливаться в ситуации языкового контакта через нарративные употребления.

Нарративное употребление играет важную роль при освоении категории эвиденциальности в детской речи. В речи турецких родителей прошедшее заглазное часто употребляется при общении с детьми в контексте нарративов о вымышленных событиях, которые по определению являются незасвидетельствованными (Aksu-koç 1988). Таким образом дети знакомятся с заглазной функцией этой формы прошедшего времени (видовое значение — указание на стативную ситуацию — они осваивают еще до этого) (ibid.). В детской речи эвиденциальное употребление впервые появляется в сказочных формулах, таких как «было, не было» (ср. раздел 2.1). На данном этапе употребление формы по-видимому еще не имеет семантического наполнения - дети просто повторяют употребление за взрослыми, не осознавая, какую функцию в данном случае несет

---

²²Как обсуждалось в разделе 2.2.9, реконструкция контактного сценария еще более затруднена тем, что нахско-дагестанские перфектоиды в формальном плане не очень похожи на их тюркские эквиваленты.

заглазное прошедшее (форма на *-mİŝ* в турецком языке) (Aksu-Koç, Ögel-Balaban & Alp 2009).²³ После этого они усваивают значение инферентива, после него — значение репортатива. Как мы отмечали в разделе 1.2.1, освоение последних двух значений у детей и в других языках, по-видимому, идет параллельно общим тенденциям грамматикализации форм косвенной засвидетельствованности, в которых инферентивное значение предшествует репортативному. Нам представляется возможным, что, аналогично тому, какую роль нарративное употребление играет в турецкой речи, направленной к детям, нарративное употребление в одном языке может стимулировать развитие заглазости в контактирующем языке.

Перфектоид с эвиденциальным значением, который используется в заглазных нарративах, можно рассматривать как своего рода *minimally counterintuitive concept* (MCI) — понятие из когнитивной антропологии, которое используется для объяснения широкого распространения определенных религиозных идей (Boyer 2001), (Barrett & Nyhof 2001). MCI концепты основаны на знакомых понятиях и категориях, и в большей части соответствуют интуитивным ожиданиям, связанным с этими понятиями, но одновременно нарушают небольшой (*minimal*) объем этих ожиданий. В качестве примера можно привести понятие «призрака», которое находится в народных верованиях по всему миру. Призрак по сути человек, который может проходить через стены и другие сплошные объекты. Кроме этого последнего «нарушенного ожидания», он соответствует многим предположениям, которые вызывает понятие «человек»: у него есть какая-то история, он имеет свои мысли и эмоции, он ищет общения с другими людьми, и так далее, см. (Barrett & Nyhof 2001), (Boyer 2001). Широкое распространение таких понятий обусловлено тем, что они опираются на нечто интуитивно понятное, но добавляют туда нечто новое, что делает их запоминающимися (Barrett & Nyhof 2001: 72). Поэтому они запоминаются лучше, чем понятия, которые полностью соответствуют или, на-

---

²³Интересно отметить, что в удинском языке распространенная сказочная формула «было, не было» по примеру азербайджанского языка используется в форме перфекта, так же как и в турецком языке (Maisak 2018). При этом для удинского перфектоида и его азербайджанского аналога эвиденциальность не характерна. Соответственно, употребление перфекта в нарративе ограничивается формулой и отдельными предложениями — нарративное употребление как таковое (главная линия рассказа в перфекте) не представлено.

оборот, сильно нарушают ожидания. Для носителя языка с обычным перфектом, нарративное употребление подобной формы необычно и до какой-то степени противоречит ожиданиям и именно поэтому очень заметно. Такая форма сочетает частичное оправдание ожиданий (она похожа на форму в языке реципиента, например, семантикой результата или текущей релевантности в сопоставлении с общим прошедшим) с их нарушением (перфектоид используется в нарративной цепочке). Языки, в которых инферентивная импликатура уже достаточно конвенционализирована в этом плане представляют особо плодородную почву для дальнейшего развития заглазной семантики. Такой механизм может объяснить широкое распространение данной «граммемы» (грамматическая семантическая единица, ср.) как своего рода грамматического мема (Boyer 2001) в условиях интенсивного обмена фольклорными традициями. Нарративное употребление формы в такой ситуации может действовать как «перцептивный магнит» (ср. (Blevins 2017) об этом эффекте в фонологии), который усиливает уже присутствующую склонность к инферентивной/эвиденциальной интерпретации.

В случае Восточного Кавказа и прилегающих территорий обмен фольклорными традициями действительно имел место, что проявляется в наличии общих сюжетов и в ареальных паттернах их распространения, ср. (Аджиев 1991а). Роль такого обмена в эволюции перфектоидов может быть подтверждена или опровергнута масштабным сопоставительным изучением употребления форм в фольклорных и других текстах из данного региона. Возможные пути такого исследования предварительно намечены в работе в виде пилотных микроисследований (разделы 3.2, 3.6), но в целом оно пока остается задачей для будущего.

Заключение

Цель настоящей диссертации — охарактеризовать грамматический статус перфектоподобных форм в нахско-дагестанских языках и, в особенности, то место, которое занимает в значении этих форм компонент эвиденциальности, а также оценить гипотезу о том, что эвиденциальное использование этих форм мотивировано контактами с местными тюркоязычными народами. Нахско-дагестанские языки находятся в центре большого ареала, где встречаются сходные системы выражения эвиденциальности (в основном: косвенной засвидетельствованности) с разным уровнем грамматикализации. Вопрос о том, что является, а что не является грамматическим способом выражения эвиденциальности, занимает в типологических исследованиях этой категории центральное место, так как во многих языках мира обнаруживаются формы, находящиеся на той или иной стадии грамматической эволюции в направлении эвиденциальных значений, и формы, значение которых имеет более или менее выраженные эвиденциальные "оттенки". В первой главе мы предложили различать недограмматизированные конструкции, которые приобретают эвиденциальное прочтение только в определенном дискурсивном контексте, и те, у которых интерпретация (частично) определяется морфосинтаксисом. Так, например, в некоторых нахско-дагестанских языках, доступные интерпретации многозначной формы перфекта могут зависеть в том числе от вида глагола — имперфективные глаголы в аштынском даргинском по умолчанию получают эвиденциальное прочтение, см. обсуждение в 1.1.

Эвиденциальность в целом можно рассматривать как дейктическую (в другой терминологии — индексальную) категорию, поскольку она определенным образом ха-

рактизует связь между неким событием и речевым актом. Дейктические подходы удобны тем, что они позволяют анализировать употребление эвиденциальных показателей по аналогии с другими дейктическими (индексальными) категориями, например, по аналогии с категорией времени, а также с категорией эпистемической модальности. При этом учитываются различные компоненты события, разные роли говорящего, их отождествление и «растождествление», а также соответствующие сдвиги эпистемической перспективы, то есть то, как говорящий манипулирует этой перспективой, либо приближая действие к моменту речи (например через употребление *praesens historicum* или формы личной засвидетельствованности), либо, наоборот, дистанцируясь от него. Кроме того, интерпретация эвиденциальности как дейктической категории позволяет описывать данную семантическую зону как континуум, а не как таксономию значений и оппозиций. Деление на прямую и непрямую информацию, например, релевантно не для всех языков, поскольку значение инферентива может сочетаться в одном показателе с репортативом (косвенная засвидетельствованность) или со значением прямого восприятия (прямая, или личная засвидетельствованность). Дейктическая интерпретация позволяет также исключить квотатив из семантической зоны эвиденциальности. Хотя квотативные показатели могут находиться в одной парадигме с эвиденциальными показателями (показатели эвиденциальности вообще нередко образуют единую парадигму с показателями других категорий), они указывают на источник информации только косвенно. Их основная функция — указать на то, что высказывание является цитатой (часто они маркируют ее границы, подобно кавычкам в письменном тексте); в некоторых случаях - ввести говорящего - источник цитаты. Квотативы могут иногда выполнять функцию репортатива — такое употребление отмечено и у некоторых нахско-дагестанских частиц передачи чужой речи — но в конкретных контекстах квотативная и репортативная функции чаще всего могут быть различены. Особое место в типологии эвиденциальности занимает отсылка к общему знанию — знанию, которое человек осваивал в течение жизни из разных конкретных источников и которое он затрудняется приписать какому-то кон-

кретному, «дискретному» источнику.

Во второй главе мы определили термин «перфектоид» как обозначающий форму, которая имеет значение результата или текущей релевантности, а также, возможно, значение косвенной засвидетельствованности (2.2.1). Среди них бывают такие формы, которые более похожи на категорию перфекта как она известна в типологии, и такие, которые явно имеют такое же происхождение, но чью функцию сложно называть перфектной. Такого рода формы представлены во всех нахско-дагестанских языках. Они восходят к результативной конструкции, чаще всего представленной аналитической конструкцией на основе (общего перфективного) конверба и копулы настоящего времени. Исходная результативная конструкция семантически достаточно похожа на результативный перфект, но последний считается уже последующим этапом грамматической эволюции результата. Для типологии нахско-дагестанских перфектоидов важно различать эти категории, так как здесь «узкие» результаты иногда представлены отдельными формами, существующими в дополнение к более грамматикализированным перфектам. Как мы показали, для различения этих категорий важным параметром является возможность присутствия действующего субъекта — узкий результат не допускает такую возможность и либо отвергается, либо семантически реинтерпретируется носителями. Помимо перфектоидной эвиденциальности в языках семьи представлены и другие способы выражения данной категории, в том числе специализированные частицы для передачи, в частности, репортатива, а также их диахронические предшественники — клитизированные глаголы речи и специализированные вспомогательные глаголы (например 'быть' в форме перфекта, глаголы 'найти', 'оставаться', и т.д.).

Ареалы распространения эвиденциальных частиц и вспомогательных глаголов не позволяют выявить яркий генеалогический или ареальный паттерн (за исключением конструкции с 'найти', ср. (Даниэль & Майсак 2018)). В случае перфектоидов, развитие определенной формальной структуры также скорее показывает параллельный дрейф для всех языков семьи. С семантикой дело обстоит иначе. Тогда как семантика резуль-

татива и текущей релевантности свойственна всем языкам, эвиденциальность как значение перфектоида не характерна для лезгинских языков на юге, но в то же время широко представлена на севере и северо-западе Дагестана. Возможно, это связано со сферой влияния разных тюркских языков. На юге региона традиционно был распространен азербайджанский язык — тюркский язык огузской группы, в котором эвиденциальная семантика прошедшего времени на *-mIʃ* выражена слабо (Johanson 2018). В центральной и северо-западной зоне исторически роль лингва франка играл кумыкский язык (наряду с аварским) (Chirikba 2008), хотя влияние кумыкского языка на языки севера и северо-запада было значительно слабее, чем влияние азербайджанского на юге.

В третьей главе мы рассмотрели употребление перфектоидов в нарративных текстах. В языках с эвиденциальными использованиями перфектоида эта форма часто выступает в рассказах о незасвидетельствованных событиях, тогда как прототипические перфекты не могут оформлять главную линию нарратива. Было предложено считать, что использование перфектоидов в (заглазном) нарративе может служить объективной сопоставительной мерой степени его грамматикализованности, которая иногда может противоречить результатам анализа, опирающегося на данные типологических анкет. Перфектоиды значительно более частотны в заглазных нарративах, чем в других типах дискурса, а частотность общего прошедшего как нейтрального варианта ниже в случае, когда перфектоид как заглазное прошедшее более грамматикализован. С другой стороны, нарративное употребление перфектоидов отсутствует в языках, где, по данным других исследователей, у них отсутствует сильно грамматикализованная эвиденциальность. Употребление перфектоида в заглазном нарративе представлено и в тех языках или диалектах, где эвиденциальная семантика в других контекстах слабо ощущается (напр. зиловский диалект андийского). В связи с этим встает вопрос, не может ли язык заимствовать только нарративное использование перфектоида как стилистический прием. Наши данные позволяют отвергнуть это предположение — эвиденциальное ядро необходимо для развития формы в сторону заглазного прошедшего,

включая нарративную функцию.

В третьей главе мы предложили возможный механизм распространения нарративного перфектоида в изучаемом регионе, опираясь на понятия *minimally counterintuitive concept* (MCI) и *perceptual magnet* (перцептивный магнит). Идея заключается в том, что эвиденциальный перфект одного языка для носителя другого, контактирующего языка, в котором имеется перфектоид текущей релевантности, является, с одной стороны, интуитивно понятной сущностью (формы обоих языков выражают текущую релевантность), но, с другой стороны, нарушает одну из главных диагностик перфектности — используется как основная форма в нарративных цепочках. Нарративное употребление тем самым является перцептивно заметной, необычной функцией перфектоида. Это сочетание знакомого и нового превращает нарративное употребление в MCI, концепт, который легко запоминается и заимствуется. Л. Йохансон предполагает, что, в том что касается эвиденциальности, тюркские языки на Кавказе лишь способствовали усилению внутриязыковых тенденций развития (Johanson 2006). В связи с этим нам кажется вероятным, что при интенсивном обмене традиционными жанрами именно нарративное употребление перфектоида играло роль перцептивного магнита (см. раздел 3.7 и (Blevins 2017)) и стимулировало развитие у перфектоидов эвиденциальной семантики.

Подводя итоги обсуждению гипотезы о контактном происхождении эвиденциальности как значения перфектоида, следует признать, что мы не смогли установить конкретный сценарий заимствования признака, при котором язык А в определенный момент времени заимствует признак из языка Б в документированной ситуации многоязычия. С другой стороны, на Восточном Кавказе можно выделить два ареала, в соответствии с присутствием (центральный / северо-западный ареал) или отсутствием (южный ареал) нарративного перфектоида, что в целом коррелирует с распространением разных тюркских языков в качестве лингва франка: кумыкский, в котором присутствует эвиденциальная семантика, в первом ареале, и азербайджанский, в котором она отсутствует, во втором ареале. Ареальная гипотеза о развитии у перфектоидов эви-

денциальной семантики требует дальнейшего изучения, в том числе детального анализа грамматического оформления разного рода нарративов с учетом социолингвистических, антропологических и исторических данных.

Список литературы

- Aikhenvald, Alexandra Y. 2003. Evidentiality in typological perspective. В Alexandra Y. Aikhenvald & Robert M.W. Dixon (ред.), *Studies in Evidentiality*, 1—32. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Aikhenvald, Alexandra Y. 2004. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Aikhenvald, Alexandra Y. 2018. *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Aksu-koç, Ayhan. 1988. *The acquisition of aspect and modality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Aksu-Koç, Ayhan, Hale Ögel-Balaban & İ Ercan Alp. 2009. Evidentials and source knowledge in Turkish. *New Directions for Child and Adolescent Development* 2009(125). 13—28.
- Alexeyev, Mikhail & Samira Verhees. 2019. Botlikh. To appear.
- Anderson, Lloyd B. 1982. The ‘perfect’ as a universal and as a language-specific category. In Paul J. Hopper (ed.), *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*, 227—264. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Anderson, Lloyd B. 1986. Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries. В Wallace Chafe & Johanna Nichols (ред.), *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*, 273—312. Norwood, NJ: Ablex.
- Aristova, Maria. 2019. Database of Turkic borrowings in East Caucasian. Unpublished.
- Authier, Gilles. 2009. *Grammaire kryz*. Paris: Peeters.
- Authier, Gilles. 2019. Tindi grammar sketch. Unpublished draft.

- Barrett, Justin L & Melanie A Nyhof. 2001. Spreading non-natural concepts: The role of intuitive conceptual structures in memory and transmission of cultural materials. *Journal of cognition and culture* 1(1). 69—100.
- Belyaev, Oleg. 2018. Aorist, resultative and perfect in shiri dargwa and beyond. In Diana Forker & Timur Maisak (eds.), *The semantics of verbal categories in nakh-daghestanian languages*, 80–119. Leiden: Brill.
- Belyaev, Oleg & Diana Forker. 2016. Word order and focus particles in nakh-daghestanian languages. In M.M. Jocelyne Fernandez-Vest & Robert D. Van Valin (eds.), *Information structuring of spoken languages from a cross-linguistic perspective*, 239–262. Berlin: Walter de Gruyter.
- van den Berg, Helma. 1995. *A grammar of hunzib*. München: Lincom.
- van den Berg, Helma. 2001. *Dargi folktales. Oral stories from the Caucasus with an introduction to Dargi grammar*. Leiden: CNWS.
- van den Berg, Helma. 2005. The East Caucasian language family. *Lingua* 115(1-2). 147—190.
- Bergqvist, Henrik. 2018. Evidentiality as stance: event types and speaker roles. B Ad Foolen, Helen de Hoop & Gijs Mulder (ред.), *Evidence for evidentiality*, 19—44. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Blevins, Juliette. 2017. Areal sound patterns: From perceptual magnets to stone soup. B Raymond Hickey (ред.), *The Cambridge handbook of areal linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Boeder, Winfried. 2000. Evidentiality in Georgian. B Lars Johanson & Bo Utas (ред.), *Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, 275—328. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Boye, Kasper. 2012. *Epistemic meaning: A crosslinguistic and functional-cognitive study*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.
- Boye, Kasper. 2018. Evidentiality: the notion and the term. B Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 261—272. Oxford: Oxford University Press.

- Boye, Kasper & Peter Harder. 2012. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. *Language* 88(1). 1—44.
- Boyer, Pascal. 2001. *Religion explained*. New York: Basic Books.
- Bybee, Joan L., Revere Perkins & William Pagliuca. 1994. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago/London: The University of Chicago Press.
- Chafe, Wallace L & Johanna Nichols. 1986. *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood, NJ: Ablex.
- Chirikba, Viacheslav. 2003. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. B Alexandra Y. Aikhenvald & Robert M.W. Dixon (ред.), *Studies in Evidentiality*, 243—290. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Chirikba, Viacheslav. 2008. The problem of the caucasian sprachbund. In Pieter Muysken (ed.), *From linguistic areas to areal linguistics*, vol. 90, 25–94. John Benjamins Publishing Amsterdam.
- Chumakina, Marina. 2009. Loanwords in archi, a nakh-daghestanian of the north caucasus. In Martin Haspelmath & Uri Tadmor (eds.), *Loanwords in the world's languages. a comparative handbook*, 430–446. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Comrie, Bernard. 1976. *Aspect*. Reprinted in 2001. Cambridge: Cambridge University Press.
- Comrie, Bernard. 1985. *Tense*. Reprinted in 2000. Cambridge: Cambridge university press.
- Comrie, Bernard & Madzhid Khalilov. 2009a. Bezhta. In Martin Haspelmath & Uri Tadmor (eds.), *World loanword database*. Leipzig: Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://wold.clld.org/vocabulary/15>.
- Comrie, Bernard & Madzhid Khalilov. 2009b. Loanwords in bezhta, a nakh-daghestanian of the north caucasus. In Martin Haspelmath & Uri Tadmor (eds.), *Loanwords in the world's languages. a comparative handbook*, 414–429. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Comrie, Bernard & Maria Polinsky. 2007. Evidentials in tsez. In Zlatka Guentchéva & John Landabaru (eds.), *L'énonciation médiatisée ii*, 335–50. Louvain/Paris/Dudley MA: Peeters.

- Cornillie, Bert, Juana Marín Arrese & Björn Wiemer. 2015. Evidentiality and the semantics–pragmatics interface. An introduction. *Belgian Journal of Linguistics* 29. 1—17.
- Creissels, Denis. 2009. Language documentation and verb inflection typology: the case of Northern Akhvakh (Nakh-Daghestanian). *Handout at Chronos* 9. 2—4.
- Creissels, Denis. 2012. External agreement in the converbal construction of northern akhvakh. In Volker Gast & Holger Diessel (eds.), *Clause linkage in cross-linguistic perspective*, 127–156. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.
- Creissels, Denis. 2018. Perfective tenses and epistemic modality in Northern Akhvakh. B Diana Forker & Timur Maisak (ред.), *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*, 166—187. Leiden: Brill.
- Curnow, Timothy Jowan. 2002. Types of interaction between evidentials and first-person subjects. *Anthropological Linguistics* 44(2). 178—196.
- Dahl, Östen. 1985. *Tense and aspect systems*. New York: Basil Blackwell.
- Dahl, Östen. 2000. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Daniel, Michael. 2013. Issues in Khinalug syntax: building on corpus evidence. Pre-print.
- Daniel, Michael, S.V. Knyazev & N. Dobrushina. 2010. Highlander's russian: case study in bilingualism and language interference in central daghestan. In A. Mustajoki, E. Prottassova & N. Vakhtin (eds.), *Sociolinguistic approach to non-standard russian*, 65–93. Helsinki: Slavica Helsingiensia.
- DeLancey, Scott. 1997. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. *Linguistic Typology* 1(1). 33—52.
- DeLancey, Scott. 2012. Still mirative after all these years. *Linguistic Typology* 16(3). 529—564.
- Diewald, Gabriele. 2006. Context types in grammaticalization as constructions. *Constructions* 1(9). 0.
- Dobrushina, Nina. 2012. What is the jussive for? A study of third person commands in six Caucasian Languages. *Linguistics* 50(1). 1—25.

- Dobrushina, Nina, Alexandra Kozhukhar & George Moroz. 2019. Gendered multilingualism in highland Daghestan: story of a loss. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 40(2). 115—132.
- Dobrushina, Nina, Daria Staferova & Alexander Belokon. 2017. *Atlas of Multilingualism in Daghestan Online*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. <https://multidagestan.com>.
- Dobrushina, Nina & Sergei Tatevosov. 1996. *Usage of verbal forms*. Alexandr E. Kibrik, Sergej G. Tatevosov & Alexander Eulenberg (eds.). München/Newcastle: Lincom Europa. 91—106.
- Donabédian, Anaïd. 2001. Towards a semasiological account of evidentials: An enunciative approach of -er in Modern Western Armenian. *Journal of pragmatics* 33(3). 421—442.
- Dryer, Matthew S. & Martin Haspelmath. 2013. *WALS Online*. Leipzig: Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://wals.info/>.
- Dwyer, Arienne. 2000. Direct and indirect experience in Salar. B Lars Johanson & Bo Utas (ред.), *Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, 45—60. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Eberhard, David M. 2018. Evidentiality in Nambikwara languages. B Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 333—356. Oxford: Oxford University Press.
- Erdal, Marcel. 2004. *A grammar of Old Turkic*. Leiden: Brill.
- Evans, Nicholas. 2007. Insubordination and its uses. In Irina Nikolaeva (ed.), *Finiteness: theoretical and empirical foundations*, 366—431. Oxford: Oxford University Press.
- Evans, Nicholas, Henrik Bergqvist & Lila San Roque. 2018. The grammar of engagement II: Typology and diachrony. *Language and Cognition* 10(1). 141—170.
- Fitneva, Stanka A. 2018. The acquisition of evidentiality. B Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 185—201. Oxford: Oxford University Press.
- Forker, Diana. 2013. *A grammar of Hinuq*. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.

- Forker, Diana. 2014. The grammar of knowledge in hinuq. In Alexandra Y. Aikhenvald & R.M.W. Dixon (eds.), *The grammar of knowledge. a cross-linguistic typology*, 52–68. Oxford: Oxford University Press.
- Forker, Diana. 2018a. Evidentiality in Nakh-Daghestanian languages. B Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 490—509. Oxford: Oxford University Press.
- Forker, Diana. 2018b. Introduction. In Diana Forker & Timur Maisak (eds.), *The semantics of verbal categories in nakh-daghestanian languages*, 1–25. Leiden: Brill.
- Forker, Diana. 2018c. The semantics of evidentiality and epistemic modality in avar. In Diana Forker & Timur Maisak (eds.), *The semantics of verbal categories in nakh-daghestanian languages*, 188–214. Leiden: Brill.
- Friedman, Victor A. 1986. Evidentiality in the balkans: bulgarian, macedonian, and albanian. In Wallace Chafe & Johanna Nichols (eds.), *Evidentiality: the linguistic encoding of epistemology*, 168–187. New Jersey: Ablex.
- Friedman, Victor A. 2000. Confirmative/nonconfirmative in balkan slavic, balkan romance, and albanian with additional observations on turkish, romani, georgian, and lak. In Lars Johanson & Bo Uta (eds.), *Evidentials. turkic, iranian and neighbouring languages*, 329–367. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Friedman, Victor A. 2007. The expression of speaker subjectivity in Lak (Daghestan). B Zlatka Guentchéva & John Landabaru (ред.), *L'Énonciation médiatisée II*, 351—376. Louvain/Paris/Dudley MA: Peeters.
- Friedman, Victor A. 2014. Enhancing national solidarity through the deployment of verbal categories: How the Albanian admirative participates in the construction of a reliable self and an unreliable other. *Pragmatics and Society* 3(2). 21—56.
- Friedman, Victor A. 2018. Where do evidentials come from? B Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 124—147. Oxford: Oxford University Press.
- Greed, Teija. 2017. Evidential coding in Lezgi. *Languages of the Caucasus* 2. 3—33.
- Gudava, E., Togo. 1962. *Botlixuri ena* [*The Botlikh language*]. Tbilisi: Mecniereba.

- de Haan, Ferdinand. 1997. *The interaction of modality and negation: a typological study*. New York/London: Garland Publishing.
- de Haan, Ferdinand. 1999. Evidentiality in Dutch. *B Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 1. 25.1, 74—85.
- de Haan, Ferdinand. 2012. The relevance of constructions for the interpretation of modal meaning: The case of must. *English Studies* 93(6). 700—728.
- de Haan, Ferdinand. 2013a. Coding of evidentiality. In Matthew S. Dryer & Martin Haspelmath (eds.), *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://wals.info/chapter/78>.
- de Haan, Ferdinand. 2013b. Semantic distinctions of evidentiality. In Matthew S. Dryer & Martin Haspelmath (eds.), *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://wals.info/chapter/77>.
- Hammarström, Harald, Robert Forker & Martin Haspelmath. 2013. *Glottolog 4.0*. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History. <https://glottolog.org/>.
- Hanks, William F. 2009. Fieldwork on deixis. *Journal of pragmatics* 41(1). 10—23.
- Hanks, William F. 2014. Evidentiality in social interaction. *Pragmatics and Society* 3(2). 169—180.
- Haspelmath, Martin. 1993. *A grammar of Lezgian*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Haspelmath, Martin. 2010. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language* 86(3). 663—687.
- Hengeveld, Kees & Hella Olbertz. 2012. Didn't you know? Mirativity does exist! *Linguistic Typology* 16(3). 487—503.
- Hill, Nathan W. 2012. "Mirativity" does not exist: ḥdug in "Lhasa" Tibetan and other suspects. *Linguistic Typology* 16(3). 389—433.
- Holisky, Dee Ann & Rusudan Gagaa. 1994. Tsova-Tush (Batsbi). B Riek Smeets (ред.), *The indigenous languages of the Caucasus. Volume 4. Part 2*, 147—212. Delmar NY: Caravan Books.

- Holvoet, Axel. 2018. Epistemic modality, evidentiality, quotativity and echoic use. B Zlatka Guentchéva (ред.), *Epistemic modalities and evidentiality in cross-linguistic perspective*, 242—258. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.
- Hopper, Paul J. 1982. Aspect between discourse and grammar: an introductory essay for the volume. In Paul J. Hopper (ed.), *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*, 3–18. Amsterdam: John Benjamins.
- Hopper, Paul J & Elizabeth Closs Traugott. 2003. *Grammaticalization*. First published in 1993. Cambridge: Cambridge University Press.
- Imnaišvili, D. 1954. Turmeobitebi kist'uri džgupis enebši. *IKE* 6. 324—342.
- Jaimoukha, Amjad. 2005. *The chechens. a handbook*. London/New York: RoutledgeCurzon.
- Jakobson, Roman. 1957. *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Reprinted in L. R. Waugh and M. Monville-Burston (Eds.) 1984. *Russian and Slavic grammar studies 1931-1981*. Berlin: Walter de Gruyter, 386-392. Cambridge, MA: Harvard University, Department of Slavic Languages & Literature.
- Johanson, Lars. 2000. Turkic indirectives. B Lars Johanson & Bo Utas (ред.), *Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, 61—88. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Johanson, Lars. 2006. On the roles of Turkic in the Caucasus area. B Yaron Matras, April McMahon & Nigel Vincent (ред.), *Linguistic areas. Convergence in historical and typological perspective*, 160—181. New York: Palgrave MacMillan.
- Johanson, Lars. 2018. Turkic indirectivity. In Alexandra Y. Aikhenvald (ed.), *The oxford handbook of evidentiality*, 510–524. Oxford: Oxford University Press.
- Kalinina, Elena & Nina Sumbatova. 2007. Clause structure and verbal forms in nakh-daghestanian languages. In Irina Nikolaeva (ed.), *Finiteness: theoretical and empirical foundations*, 183–249. Oxford: Oxford University Press.
- Kamp, Hans & Uwe Reyle. 1993. *From Discourse to Logic*. Dordrecht: Kluwer.
- Kassambara, Alboukadel. 2018. *ggpubr: 'ggplot2' Based Publication Ready Plots*. R package version 0.2. <https://CRAN.R-project.org/package=ggpubr>.

- Kazenin, Konstantin I & Yakov G Testelet. 2004. Where coordination meets subordination: converb constructions in tsakhur (daghestanian). In Martin Haspelmath (ed.), *Coordinating constructions*, 227–240. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Khalilova, Zaira. 2009. *A grammar of khwarshi*. University of Leiden dissertation.
- Khalilova, Zaira. 2011. Evidentiality in Tsezic languages. *Linguistic Discovery* 9(2). 30—48.
- Kibrik, Aleksandr. 2003. Nominal inflection galore: daghestanian, with side glances at europe and the world. In Frans Plank (ed.), *Noun phrase structure in the languages of europe*, 37–112. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Kibrik, Alexandr E., Sergej G. Tatevosov & Alexander Eulenberg. 1996. *Godoberi*. München/Newcastle: Lincom Europa.
- Kibrik, Andrej A. 1985. Absentiv-aorist und resultativ in der andischen Sprache. B Fähnrich Heinz (ред.), *Sprachen Europas und Asiens*, 55—66. Jena: Friedrich Schiller Universität.
- Kittilä, Seppo, Lotta Jalava & Erika Sandman. 2018. What can different types of linguistic data teach us on evidentiality? B Ad Foolen, Helen de Hoop & Gijs Mulder (ред.), *Evidence for evidentiality*, 281—304. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Kockelman, Paul. 2004. Stance and subjectivity. *Journal of Linguistic Anthropology* 14(2). 127—150.
- Kozintseva, Natalia. 2000. Perfect forms as a means of expressing evidentiality in Modern Eastern Armenian. B Lars Johanson & Bo Utas (ред.), *Evidentials. Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, 401—418. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Labov, William. 1972. *Sociolinguistic patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania.
- Labov, William & Joshua Waletzky. 1967. Narrative analysis: oral versions of personal experience. B June Helm (ред.), *Essays on the verbal and visual arts. Proceedings of the 1966 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society*, 12—44. Seattle/Londen: University of Washington Press.
- Langacker, Ronald W. 2017. Evidentiality in Cognitive Grammar. B Juana Isabel Marín Arrese, Gerda Hassler & Marta Carretero (ред.), *Evidentiality revisited*, 13—56. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

- Lazard, Gilbert. 1956. Caractères distinctifs de la langue tadjik. *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* 51(1), 117—186.
- Lazard, Gilbert. 1999. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? *Linguistic Typology* 3, 91—109.
- Lazard, Gilbert. 2000. Le médiatif: considérations théoriques et application à l'iranien. In Lars Johanson & Bo Utas (eds.), *Evidentials. turkic, iranian and neighbouring languages*, 209—228. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Levinson, Stephen C. 2000. *Presumptive meanings: The theory of generalized conversational implicature*. Cambridge, MA: MIT press.
- Lindstedt, Jouko. 2000. The perfect-aspectual, temporal and evidential. B Östen Dahl (ред.), *Tense and aspect in the languages of Europe*, 365—384. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Maisak, Timur. 2018. The Aorist/Perfect distinction in Nizh Udi. B Diana Forker & Timur Maisak (ред.), *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*, 120—165. Leiden: Brill.
- Maisak, Timur. 2019. Structural and functional variations of the perfect in Lezgian languages. B Kristin Melum Eide & Marc Fryd (ред.), *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*, 1—30. Amsterdam: John Benjamins.
- Maisak, Timur & Gilles Authier. 2011. Introduction. B Timur Maisak & Gilles Authier (ред.), *Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian*, vii—xii. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer.
- Maisak, Timur & Sergei Tatevosov. 2007. Beyond evidentiality and mirativity. evidence from tsakhur. In Zlatka Guentchéva & John Landabaru (eds.), *L'énonciation médiatisée ii*, 377—406. Louvain/Paris/Dudley MA: Peeters.
- McCawley, J.D. 1971. Tense and time reference in english. In C.J. Fillmore & T. Langendoen (eds.), *Studies in linguistic semantics*, 96—113. New York: Holt, Rinehart & Winston.

- Molochieva, Zarina. 2007. Category of evidentiality and mirativity in Chechen. Conference on the Languages of the Caucasus, 7-9.12.2007, Max Planck Institute EVA, Leipzig. Hand-out.
- Molochieva, Zarina. 2010. *Tense, aspect and mood in Chechen*. Universität Leipzig дис. ... док.
- Molochieva, Zarina & Johanna Nichols. 2018. Tense, aspect mood and evidentiality in chechen and ingush. In Diana Forker & Timur Maisak (eds.), *The semantics of verbal categories in nakh-daghestanian languages*, 26–48. Leiden: Brill.
- Moor, Marianne. 1985. *Studien zum lesgischen Verb*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Moroz, George. 2017. *lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology*. <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>.
- Murray, Sarah E. 2017. *The semantics of evidentials*. Oxford: Oxford University Press.
- Mutalov, Rasul. 2018. The tense/aspect system of standard dargwa. In Diana Forker & Timur Maisak (eds.), *The semantics of verbal categories in nakh-daghestanian languages*, 49–79. Leiden: Brill.
- Nedjalkov, Vladimir P. 1995. Some typological parameters of converbs. In Martin Haspelmath & Ekkehard König (eds.), *Converbs in cross-linguistic perspective*, 97–136. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Nichols, Johanna. 1981. Transitivity and foregrounding in the north caucasus. In Danny K. Alford, Karen Ann Hunold, Monica A. Macaulay, Jenny Walter, Claudia Brugman, Paul Chertok, Inese Čivkus & Marta Tobey (eds.), *Proceedings of the seventh annual meeting of the berkeley linguistics society*, 202–221. Berkley: Berkley Linguistics Society.
- Nichols, Johanna. 2003. The nakh-daghestanian consonant correspondences. In Dee Ann Holisky & Kevin Tuite (eds.), *Current trends in caucasian, east european and inner asian linguistics: papers in honor of howard i. aronson*, 207–264. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Nichols, Johanna. 2011. *Ingush grammar*. Berkeley/Los Angeles: University of California Press.
- Nichols, Johanna. 2019. Languages of the Great Caucasus range. Unpublished draft.

- Nichols, Johanna & David A. Peterson. 2010. Contact-induced spread of the rare Type 5 clitic. *B LSA Annual Meeting Extended Abstracts*, т. 1, 1—4.
- Olbertz, Hella & Wim Honselaar. 2017. The grammaticalization of Dutch moeten: modal and post-modal meanings. B Kees Hengeveld, Heiko Narrog & Hella Olbertz (ред.), *The Grammaticalization of Tense, Aspect, Modality, and Evidentiality from a Functional Perspective*, 273—300. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Plungian, Vladimir A. 2001. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of pragmatics* 33(3). 349—357.
- Plungian, Vladimir A. 2010. Types of verbal evidentiality marking: an overview. In Gabriele Diewald & Elena Smirnova (eds.), *Linguistic realization of evidentiality in european languages*, 15—58. Berlin/New York: De Gruyter Mouton.
- R Core Team. 2018. *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria. <https://www.R-project.org/>.
- Ramirez, Henri. 1997. *A Fala Tukano dos Ye'pâ-masa. Tomo 1. Gramática*. Manaus: Inspetoria Salesiana Missionária da Amazônia CEDEM.
- Reichenbach, Hans. 1947. *Elements of Symbolic Logic*. New York: The Macmillan Company.
- Ritz, Marie-Eve. 2012. Perfect tense and aspect. B Robert I. Binnick (ред.), *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*, 881—907. Oxford: Oxford University Press.
- Romaine, Suzanne & Deborah Lange. 1991. The use of like as a marker of reported speech and thought: A case of grammaticalization in progress. *American speech* 66(3). 227—279.
- Schulze, Wolfgang. 2013. Historische und areale Aspekte der Bodenschatz-Terminologie in den ostkaukasischen Sprachen. *Iran and the Caucasus* 2013(17). 295—320.
- Shinzato, Rumiko. 1991. Where do temporality, evidentiality and epistemicity meet? A comparison of Old Japanese -ki and -keri with Turkish -di and -miş. *GENGO KENKYU Journal of the Linguistic Society of Japan* 1991(99). 25—57.
- Slobin, Dan I. & Ayhan A. Aksu-Koç. 1982. Tense, aspect and modality in the use of the turkish evidential. In Paul J. Hopper (ed.), *Tense-aspect: between semantics and pragmatics*, 185—200. Amsterdam: John Benjamins.

- Slobin, Dan I. & Ayhan A. Aksu-Koç. 1986. A psychological account of the development and use of evidentials in turkish. In Wallace Chafe & Johanna Nichols (eds.), *Evidentiality: the linguistic encoding of epistemology*, 159–167. New Jersey: Ablex.
- Soper, John David. 1987. *Loan syntax in turkic and iranian: the verb systems of tajik, uzbek and qashqay*. University of California, Los Angeles dissertation.
- Speas, Margaret. 2018. Evidentiality and formal semantic theories. B Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 286—314. Oxford: Oxford University Press.
- Stenzel, Kristine & Elsa Gomez-Imbert. 2018. Evidentiality in Tukanoan languages. B Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 357—387. Oxford: Oxford University Press.
- Sumbatova, Nina. 1999. Evidentiality, transitivity and split ergativity. Evidence from Svan. B Werner Abraham & Leonid Kulikov (ред.), *Tense-aspect, transitivity and causativity: essays in honour of Vladimir Nedjalkov*, 63—96. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Sumbatova, Nina & Rasul Mutalov. 2003. *A grammar of Içari Dargwa*. Berlin: Lincom.
- Tatevosov, Sergei. 2001. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages. *Journal of Pragmatics* 33(3). 443—464.
- Tatevosov, Sergei. 2003. Inferred evidence: Language-specific properties and universal constraints. B Katarzyna M. Jaszczolt & Ken Turner (ред.), *Meaning through language contrast. Volume 1*, 357—387. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Tsertsvadze, I. I. 1965. *Andiuri ena [The Andi language]*. Tbilisi: Metsniereba.
- Van der Auwera, Johan & Vladimir A Plungian. 1998. Modality's semantic map. *Linguistic Typology* 2. 79—124.
- Vanderbiesen, Jeroen. 2018. Reportive sollen in an exclusively functional view of evidentiality. B Ad Foolen, Helen de Hoop & Gijs Mulder (ред.), *Evidence for evidentiality*, 173—198. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Verhees, Samira. 2018. The perfect in avar and andi: cross-linguistic variation among two closely related east caucasian languages. In Dalila Ayoun, Agnès Celle & Laure Lansari

- (eds.), *Tense, aspect, modality and evidentiality: cross-linguistic perspectives*, 261–280. Amsterdam: John Benjamins.
- Verhees, Samira. 2019a. Defining evidentiality. Accepted for publication in *Topics in Linguistics*.
- Verhees, Samira. 2019b. Evidentiality in East Caucasian on the map. Submitted.
- Verhees, Samira. 2019c. General converbs in Andi. *Studies in Linguistics* 43(1). 195—230.
- Verhees, Samira. 2020. Evidentiality in the Rikvani dialect of Andi. To appear.
- Wälchli, Bernhard. 2000. Infinite predication as a marker of evidentially and modality in the languages of the Baltic region. *STUF-Language Typology and Universals* 53(2). 186—210.
- Wickham, Hadley. 2017. *tidyverse: Easily Install and Load the 'Tidyverse'*. R package version 1.2.1. <https://CRAN.R-project.org/package=tidyverse>.
- Wiemer, Björn. 2018. Evidentials and epistemic modality. В Alexandra Y. Aikhenvald (ред.), *The Oxford Handbook of Evidentiality*, 85—108. Oxford: Oxford University Press.
- Willett, Thomas. 1988. A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality. *Studies in Language* 12(1). 51—97.
- Wixman, Ronald. 1980. *Language aspects of ethnic patterns and processes in the North Caucasus*. University of Chicago, Department of Geography.
- Абдуллаева, А.З., Н.Э. Гаджихмедов, К.С. Кадыраджиев, И.А. Керимов, Н.Х. Ольмесов & Д.М. Хангишиев. 2014. *Современный кумыкский язык*. Махачкала.
- Аджиев, А.М. 1991a. Введение. В А.М. Аджиев, Ф.О. Абакарова & Х.М. Халилов (ред.), *Традиционный фольклор народов Дагестана*, 1—18. Москва: Наука.
- Аджиев, А.М. 1991b. Про эпосы. В А.М. Аджиев, Ф.О. Абакарова & Х.М. Халилов (ред.), *Традиционный фольклор народов Дагестана*, 19—30. Москва: Наука.
- Аджиев, А.М. (сост.) & Ф.А. (отв. ред.) Алиева. 2015. *Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 5. Героический и героико-исторический эпос*. Москва: Наука.
- Алексеев, М.Е. 1985. *Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис*. Москва: Наука.

- Алиева, Ф.А. (сост.) & А.М. (отв. ред.) Аджиев. 2013. *Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 3. Бытовые сказки*. Москва: Наука.
- Амирханов, Х.А. 1987. *Чохское поселение: человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана*. Москва: Наука.
- Атаев, Д.М., В.Г. Гаджиев, М.Г. Гаджиев, В.Г. Котович, В.М. Котович, Р.Г. Маршаев, А.С. Омаров, М.-З.О. Османов & А.Р. Шихсаидов. 1967. *История Дагестана. Том I. Т. 1*. Москва: Наука.
- Баскаков, Николай Александрович. 1940. *Ногайский язык и его диалекты: грамматика, тексты и словарь*. Москва: Изд-во Академии наук СССР.
- Беляев, О.И. 2012. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского. В В.А. Плунгян (ред.), *Acta Linguistica Petropolitana XIX-II*. Санкт-Петербург: Наука.
- Бокарёв, А.А. 1949а. *Очерк грамматики чамалинского языка*. Москва/Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Бокарёв, А.А. 1949b. *Синтаксис аварского языка*. Москва/Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Ганиева, А.М. (сост.) & А.М. (отв. ред.) Аджиев. 2010. *Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 1. Сказки о животных*. Москва: Наука.
- Ганиева, А.М. (сост.) & А.М. (отв. ред.) Аджиев. 2011. *Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 2. Волшебные сказки*. Москва: Наука.
- Гудава, Т.Е. 1959. *Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.
- Даниэль, М.А. & Т.А. Майсак. 2018. «Черная кошка грамматикализации»: конструкции с глаголом 'найти' в дагестанских языках. В Д.А. Рыжова, Н.Р. Добрушина, А.А. Бонч-Осмоловская, А.С. Выренкова, М.В. Кюсева & Б.В. Орехов (ред.), *ЕВРика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной*, 120—152. Москва: Лабиринт.
- Дешериев, Ю.Д. 1953. *Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика*. Москва/Ленинград: АН СССР. Институт языкознания.

- Дешериев, Ю.Д. 1963. *Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов*. Грозный: Чечено-ингушское книжное издательство.
- Дирр, А.М. 1906. Краткий грамматический очерк андийского языка. В *Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа*. Тбилиси: Управление Кавказского Учебного Округа.
- Добрушина, Н.Р. 2011. Многоязычие в Дагестане конца XIX-начала XXI века: попытка количественной оценки. *Вопросы языкознания* 2011(4). 61—80.
- Калинина, Е.Ю. 2003. Нефинитные формы в функции сказуемого как маркеры модальности. В *Материалы конференции «Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие»*, 66—69. Санкт-Петербург: Наука.
- Калинина, Е.Ю. & С.Ю. Толдова. 1999. Атрибутивизация. В А.Е. Кибрик (ред.), *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*, 377—419. Москва: Наука.
- Карпов, Ю.Ю. & Е.Л. Капустина. 2011. *Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX—начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.
- Кибрик, А.Е. 1972. *Методика полевых исследований (к постановке проблемы)*. Москва: Изд-во Московского Университета.
- Кибрик, А.Е. 2007. Принципы и стратегии клаузального сочинения в дагестанских языках. *Вопросы Языкознания* 2007(3). 78—120.
- Кибрик, А.Е. & С.В. Кодзасов. 1988. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол*. Москва: Издательство Московского Университета.
- Кибрик, А.Е., С.В. Кодзасов & И.П. Оловянникова. 1972. *Фрагменты грамматики хиналугского языка*. Москва: Издательство Московского Университета.
- Кибрик, А.Е., Е.А. Лютикова & С.Г. Татевосов. 2001. *Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари*. Москва: Наследие.
- Кибрик, А.Е. & Я.Г. Тестелец. 1999. *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. Москва: Наследие.

- Козинцева, Н.А. 2007. Типология категории засвидетельствованность. В В.С. Храковский (ред.), *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой*, 13—36. Санкт-Петербург: Наука.
- Коряков, Ю.Б. 2006. *Атлас кавказских языков*. Москва: Пилигрим.
- Ландер, Ю.А. 2014. Показатель *ki* в удинском языке: проблема для локуса маркирования и синтаксической структуры. В О.В. Федорова, Е.А. Лютикова, М.А. Даниэль, В.А. Плунгян & С.Г. Татевосов (ред.), *Язык. Константы. Переменные*, 485—498. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Магомедбекова, З.М. 1967. *Ахвахский язык*. Тбилиси: Мецниереба.
- Магомедбекова, З.М. 1971. *Каратинский язык*. Тбилиси: Мецниереба.
- Магомедова, З.А. 2017. Развитие письменности в Дагестане. *Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета* 2017(57). 150—155.
- Магомедова, П.Т. 2012. *Тиндинский язык*. Махачкала: ИЯЛИ.
- Магомедханов, М.М. & М.К. Мусаева. 2015. Армяне в этнокультурном ландшафте Дагестана. *Вестник института ИАЭ* 2015(4). 74—85.
- Майсак, Т.А. 2016. Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка. В Т.А. Майсак, В.А. Плунгян & К.П. Семёнова (ред.), *Типология перфекта*, 315—378. Санкт-Петербург: Наука.
- Майсак, Т.А. & С.Р. Мерданова. 2002. Категория эвиденциальности в агульском языке. *Кавказоведение* 1. 102—112.
- Майсак, Т.А. & С.Р. Мерданова. 2016. Перфект и смежные значения в агульском языке. В Т.А. Майсак, В.А. Плунгян & К.П. Семёнова (ред.), *Типология перфекта*, 379—424. Санкт-Петербург: Наука.
- Майсак, Т.А. & С.Г. Татевосов. 2001. Эвиденциальность. В А.Е. Кибрик, Е.А. Лютикова & С.Г. Татевосов (ред.), *Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари*, 293—318. Москва: Наследие.
- Маллаева, З.М. 2007. *Глагол аварского языка: структура, семантика, функции*. Махачкала: ИЯЛИ.

- Муркелинский, Г.Б. 1971. *Грамматика лакского языка*. Махачкала: Дагестанское учебно-педагогическое издательство.
- Муталов, Р.О. 2002. *Глагол даргинского языка*. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ.
- Недялков, Владимир П. 1983. *Типология результативных конструкций*. Ленинград: Наука.
- Падучева, Е.В. 2010. *Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке: семантика нарратива, второе издание*. Москва: Языки славянской культуры.
- Пиотровский, Б.Б. (ред.). 1988. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* Москва: Наука.
- Плунгян, В.А. 2016. К типологии перфекта в языках мира. Предисловие. В Т.А. Майсак, В.А. Плунгян & К.П. Семёнова (ред.), *Типология перфекта*, 7—38. Санкт-Петербург: Наука.
- Саидова, П.А. 2007. *Закатальский диалект аварского языка*. Махачкала: ИЯЛИ.
- Саидова, П.А. & М.Г. Абусов. 2012. *Ботлихско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ.
- Салимов, Х.С. 2010 (1968). *Гагатлинский говор андийского языка*. Махачкала: ИЯЛИ.
- Селимова, Г.А. 2016. Дагестанизмы в диалектах кумыкского языка. *Филологические науки. Вопросы теории и практики* 59(5). 133—136.
- Сичинава, Д.В. 2013. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. Москва: АСТ-ПРЕСС.
- Сулейманов, Я.Г. 1957. *Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани)*. Институт языкознания АН СССР дис. ... док.
- Сумбатова, Н.Р. 2010. Классное согласование и синтаксические свойства связок в даргинском языке. В Д.В. Герасимов, Н.Р. Заика, В.А. Крылова, О.В. Кузнецова, С.А. Оскольская, С.С. Сай & М.А. Холодилова (ред.), *Acta Linguistica Petropolitana VI*. 3, 212—236. Санкт-Петербург: Наука.

- Сумбатова, Н.Р. & Ю.А. Ландер. 2016. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. Москва: Языки славянской культуры.
- Татевосов, С.Г. 2007. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке. В В.С. Храковский (ред.), *Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой*, 351—397. Санкт-Петербург: Наука.
- Татевосов, С.Г. & Т.А. Майсак. 1998. Кодирование эпистемического статуса средствами морфосинтаксиса (на материале цахурского языка). *Вопросы языкознания* 1998(1). 60—88.
- Татевосов, С.Г. & Т.А. Майсак. 1999a. Периферийные глагольные формы. В А.Е. Кибрик (ред.), *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*, 269—277. Москва: Наука.
- Татевосов, С.Г. & Т.А. Майсак. 1999b. Средства выражения адмиративной семантики. В А.Е. Кибрик (ред.), *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*, 289—291. Москва: Наука.
- Тенишев, Э.Р. 2002. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков*. Москва: Наука.
- Услар, П.К. 1889. *Аварский язык*. Тифлис: Управление Кавказского Учебного Округа.
- Ферхеес, С. 2017. Эвиденциальность и перфект в рутульском языке (на материале говора с. Кина. В М.С. Федина (ред.), *Электронная письменность народов РФ: опыт, проблемы и перспективы. Сборник материалов научной конференции, 16–17 марта 2017 г., Сыктывкар*, 228—235. Сыктывкар : КРАГСиУ.
- Ферхеес, С. 2018. К происхождению эвиденциальности в нахско-дагестанских языках: структурные и ареальные перспективы. *Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология* 2018(57). 110—123.
- ФСГС. 2010. *Всероссийская перепись населения. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство*. [http : / / www . gks . ru / free _ doc / new _ site / perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm) (19 август, 2019).

- Халидова, М.Р. (сост.) & А.М. (отв. ред.) Аджиев. 2012. *Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 4. Мифологическая проза*. Москва: Наука.
- Халидова, Р.Ш. 2006. *Аварско-андийские языковые контакты*. Махачкала: ИЯЛИ дис. ... док.
- Халилов, Х.М., Ф.А. (сост.) Алиева & А.М. (отв. ред.) Аджиев. 2017. *Свод памятников фольклора народов Дагестана. Том 6. Обрядовая поэзия*. Москва: Наука.
- Чумакина, М.Э. & Т.А. Майсак. 2001. Дискурсивные частицы. В А.Е. Кибрик, Е.А. Лютикова & С.Г. Татевосов (ред.), *Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари*, 702—723. Москва: Наследие.
- Ширалиев, М.С. & Э.В. Севортян. 1971. *Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология, синтаксис)*. Баку: Элм.
- Ширалиев, М.Ш. 1958. О диалектной основе азербайджанского национального литературного языка. *Вопросы Языкознания* 1958(1). 78—84.

Appendices

Приложение А

Транскрипция

Таблица А.2: Соответствия транскрипций (продолжение)

МФА	(Кибрик & Тестелец 1999)	(Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001)	Наст.
ʁ	R	R	ʁ
f	(f)		f
ɫ		ɫ	ɫ
s	s	s	s
ʂ	š	š	š
x	x	x	x
χ	X	X	χ
s'	s'		s'
ʃ'	š'		š'
ɹ	-	-	ɹ
j	j, y		j
w	o	o	w

Таблица А.1: Соответствия транскрипций

МФА	(Кибрик & Тестелец 1999)	(Кибрик, Лютикова & Татевосов 2001)	Наст.
i	i	i	i
ɪ	ɪ		ɪ
u	u	u	u
e	e	e	e
o	o	o	o
ɑ	a	a	a
ɪ	-	-	ɪ
~		~	~
m	m	m	m
n	n	n	n
l	l	l	l
r	r	r	r
w	w	w	w
j	j	j	j
ʔ	ʔ	ʔ	ʔ
h	h	h	h
ɦ		ɦ	ɦ
ħ		H	ħ
ʕ	l		ʕ
b	b	b	b
d	d	d	d
	ž	ž	dž
g	g	g	g
ɠ	G		ɠ
p	p	p	p
t	t	t	t
ts	c	c	c
tʃ	č	č	č
k	k	k	k
q	q	q	q
p'	p'		p'
t'	t'	t'	t'
tʃ'		L'	ʎ'
ts'	c'	c'	c'
tʃ'	č'	č'	č'
k'	k'	k'	k'
q'	q'	q'	q'
z	z	z	z
ʒ		ž	ž
ʁ	ğ		ʁ

Приложение В

Элицитированные нарративы на андийском языке

В.1 Анкета

В.1.1 Косвенная засвидетельствованность

(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды. (1.2) Долго она ходила и собирала. (1.3) В какой-то момент она очень устала. (1.4) Она села на ствол дерева. (1.5) Как будто из ничего, появилась змея. (1.6) Бабушка испугалась. (1.7) Она (нечаянно) наступила на змею. (1.8) Змея укусила ее в ногу. (1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею. (1.10) Та [змея] умерла.

В.1.2 Прямая засвидетельствованность

(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды. (2.2) Долго мы ходили и собирали. (2.3) В какой-то момент мы очень устали. (2.4) Мы сели на землю под деревом. (2.5) Как будто из ничего, появилась змея. (2.6) Мы испугались. (2.7) Брат нечаянно наступил на нее. (2.8) Змея укусила его в ногу. (2.9) Он взял камень, и бросил его на змею. (2.10) Змея умерла.

В.2 Переводы

При элицитации мы попросили носителей перевести историю по предложениям устно: сначала первую (косвенную) версию, потом вторую. Ниже мы приводим отгlossированные переводы — в качестве перевода приводится исходный стимул. Для каждого носителя указан код и село (носители при этом упорядочены по селу).

В.2.1 NNA - Муни

- (1) di-qi bosono b-iwi iši j-eč'uḥa ila reš-du=lo j-onno
1SG-INSTR tell.CVB N-be.AOR 1.EXCL F-big mother forest-LAT=ADD F-go.CVB
rešu-ḷi piqi b-ak'aru-ma iwi=no
forest-INTER fruit N-gather-HAB be=ADD
(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.
- (2) iha rihi-di=godī hetī hewi b-ak'arunni
a_lot_of time-ERG=REP DEM DEM N-gather.AOR
(1.2) Долго она ходила и собирала.
- (3) sewi zamanalla-ʔa he j-awodi
one time-SUP DEM F-become_tired.AOR.REP
(1.3) В какой-то момент она очень устала.
- (4) he hok'u (j)-iwi-lo biḥiwkala-ʔa
DEM down (F)-be-PF ?-SUP
(1.4) Она села на ствол дерева.
- (5) eḥudu b-iwi-ḥu b-iwi-lo b-uḥ-odi birka
after N-be-? N-be-CVB N-appear-AOR.REP snake
(1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (6) j-eč'uḥa ila ḷ'irdi-lo
F-big mother become_frightened-PF
(1.6) Бабушка испугалась.
- (7) hetī c'inni-džigu birkala-ʔa č'ik'a b-iwi-lo
DEM know-NEG.CVB snake-SUP foot N-be-PF
(1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.¹

---

¹c'inni-džigu (know-NEG.CVB) букв. 'не зная' иногда переводится как 'вдруг'.

- (8) birkalo-di heḷi č'ik'a q'ami-lo
snake-ERG DEM foot bite-PF
(1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (9) heti hinc'o=lo b-iχi-lo birkala-ʔa gavi-lo
DEM stone=ADD N-take-PF snake-SUP throw-PF
(1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (10) birka b-iḷ'*o-lo
snake N-die-PF
(1.10) Та [змея] умерла.²
- (11) čongulo rešin siwayadi den woci=lo taqi reš-tu w-oʔonno=wi
some year ago 1SG brother=ADD ? forest-LAT M-go.CVB=be.AOR
rešu-ḷi piqi b-ak'arun-nu-ḷiri
forest-INTER fruit N-gather-INF-PURP
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (12) iši-di hewi iha rihi-di b-ak'aruni
1.EXCL-ERG DEM a_lot_of time-ERG N-gather.AOR
(2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (13) se(b) zamanalla-ʔa išili t'uruḥala w-avi
one(N) time-SUP 1.EXCL very M-become_tired.AOR
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (14) išili rišaḥulo-č'u raḷ'ila-ʔa hok'u wi
1EXCL tree-CONT ground-SUP down be.AOR
(2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (15) b-iwi-ḥu b-iwi-lo b-uχ:i berka
N-be-? N-be-CVB N-appear.AOR snake
(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (16) išili ḷ'irdi
1.EXCL become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.
- (17) c'inni-džigu wociš-di birkala-ʔa č'ik'a b-iwi
know-NEG.CVB brother-ERG snake-SUP foot N-be.AOR

²Символ ḷ'* обозначает смягченный вариант ḷ', который в мунинском диалекте противопоставлен ḷ'.

(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.³

- (18) birkalo-di hešuwī č'ik'a q'ammi
snake-ERG DEM foot bite.AOR

(2.8) Змея укусила его в ногу.

- (19) heš-di hinc'o=lo biχi-lo birkalaʔa gawi
DEM-ERG stone=ADD take-CVB snake-SUP.LAT throw.AOR

(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

- (20) birka b-iλ'*o
snake N-die.AOR

(2.10) Змея умерла.⁴

В.2.2 А - Риквани

- (21) di-ɬu bosw-ado b-ik'o se-b zaman di-j j-eč'uχa baba
1SG-DAT tell-PROG INAN1-be.AOR one-INAN1 time FirstSG-F[GEN] F-big mom
reš-λi hirɬalol r-ak'ar-ado j-ik'o
forest-Inter raspberry.PL INAN2-gather-PROG F-be.AOR
(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.

- (22) b-iɦu zaman j-ik'o hege-j r-ak'ar-ado
INAN1-a lot_of time F-be.AOR DEM-F INAN2-gather-PROG
(1.2) Долго она ходила и собирала.

- (23) se-b zaman hege-j zolo j-avi
one-INAN1 time DEM-F very F-become_tired.AOR
(1.3) В какой-то момент она очень устала.

- (24) i hɔgu j-ik'o kuc'odo-l'a
and down F-be.AOR treetrunk.SUP
(1.4) Она села на ствол дерева.

- (25) (sebgulol-ɬu s:u-b-ɬu-k:u) b-uχ:i-d berka
(nothing-ADV NEG.COP-PST.PTCP-ADV-EL) INAN1-appear-PF snake
(1.5) Как будто из ничего, появилась змея.

³ *c'inni-džigu* (know-NEG.CVB) букв. 'не зная' иногда переводится как 'вдруг'.

⁴ Символ λ'* обозначает смягченный вариант λ', который в мунинском диалекте противопоставлен λ'.

- (26) *jaja siri*
mom become_frightened.AOR
(1.6) Бабушка испугалась.
- (27) *c'inni<gu>-čigu (hegel-d) berku-l'a č'ek'a b-iv-oŋi*
know<EMPH>-NEG.CVB (DEM-ERG) snake-SUP foot INAN1-stop-CAUS.AOR
(1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (28) *berku-d hegel-ŋ č'ek'a k'ammi-d*
snake-ERG DEM-GEN foot bite-PF
(1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (29) *hegel-d b-iχi-d=lo kodi hinc'o šammi hegel-lo*
DEM-ERG INAN1-take-CVB=ADD in_hands stone throw.AOR DEM-SUP.LAT
(berku-lo) hinc'o
(snake-SUP.LAT) stone
(1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (30) *berka b-ič'o-d*
snake AN-die-PF
(1.10) Та [змея] умерла.
- (31) *čomlo rešin sedu den woci:=logu reš-ŋi hirbalol r-ak'ar-ado*
some year ago 1SG brother=COM forest-INTER raspberry.PL INAN2-gather-PROG
w-ok'o
M-PL.be.AOR
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (32) *b-ihu zaman w-ok'o iš:il r-ak'ar-ado*
INAN1-a lot_of time M-PL.be.AOR 1.EXCL INAN2-gather-PROG
(2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (33) *se-n zaman-na-k:u iš:il zolo w-avi*
one-INAN1 time-SUP-EL 1.EXCL M-become_tired.AOR
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (34) *iš:il hogu w-ok'o ŋ'eturu-ŋ hiŋ'u*
1.EXCL down M-PL.be.AOR tree-SUB under
(2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (35) *(sebgulol-ŋu s:u-b-ŋu-k:u) b-uχi-d b-igo berka*
(nothing-ADV NEG.COP-PST.PTCP-ADV-EL) INAN1-appear-CVB INAN1-come.AOR snake

(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.

- (36) iš:il siri
1.EXCL become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.

- (37) woc:u-d c'inni<gu>-č'igu hegel-l'a ček'a b-iv-ođi
brother-ERG know<EMPH>-NEG.CVB DEM-SUP foot INAN1-stop-CAUS.AOR
(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.

- (38) berku-d hegeš:u-b č'ek'a k'ammi
snake-ERG DEM-INAN1[GEN] foot bite.AOR
(2.8) Змея укусила его в ногу.

- (39) hegeš:u-d kodi=lo b-iχi-d hinc'o hegel-l'a džaj
DEM-ERG in_hands=ADD N-take-CVB stone DEM-SUP hit.AOR
(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

- (40) onšlo berka b-ič'o
then snake AN-die.AOR
(2.10) Змея умерла.

В.2.3 АВЕ - Риквани

- (41) di-ɬu bos:on se-r zuw di-j j-eč'uχa baba j-il'in-no j-ik'o
1SG-DAT tell.AOR one-INAN2 day 1SG-F[GEN] F-big mom F-go-HAB F-be.AOR
reš-ɬi-k:u, riχilol r-ak'ar-ado=guža
forest-INTER-EL strawberry.PL INAN2-gather-PROG=SIM
(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.

- (42) hege-j b-ihu=gu zaman j-il'in-no j-ik'o b-ak'ar-ado=guža
DEM-F INAN1-a_lot_of=EMPH time F-go-HAB F-be.AOR INAN1-gather-PROG=SIM
(1.2) Долго она ходила и собирала.

- (43) se-b=ga zaman hege-j zolo j-avi
one-INAN1=INDEF time DEM-F very F-become_tiredAOR
(1.3) В какой-то момент она очень устала.

- (44) hege-j hogu j-ik'o reš-u-l'a
DEM-F down F-be.AOR tree-SUP
(1.4) Она села на ствол дерева.

- (45) se-b=ga zaman sebgulo s:u-b-ɬu-k:u b-uχ:i berka
 one-INAN1=INDEF time nothing NEG.COP-PST.PTCP-ADV-EL AN-appear snake
 (1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (46) j-eč'uχa baba siri=ɬodi
 F-big mom become_frightened.AOR=REP
 (1.6) Бабушка испугалась.
- (47) hege-j c'inni<gu>-čigu berku-l'a č'ek'a b-iχ-oɬi
 DEM-F know<EMPH>-NEG.CVB snake-SUP foot INAN1-stop-CAUS.AOR
 (1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (48) berku-d hege-l q'ammi=ɬodi č'ek'u-č'u
 snake-ERG DEM-? bite.AOR=REP foot-CONT
 (1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (49) j-eč'uχa.baba-d hinc'o b-iχi-d=lo džaj berku-l'a
 Fbig.mom-ERG stone INAN1-take-CVB=ADD hit.AOR snake-SUP
 (1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (50) hege-b b-ič'o=ɬodi
 DEM-AN AN-die.AOR=REP
 (1.10) Та [змея] умерла.
- (51) čom rešin seda den=no di-w woc:=lo w-ol'in-no w-ok'o
 some year ago 1SG=ADD 1SG-M[GEN] brother=ADD M-PL.go-HAB M-PL.be.AOR
 reš-ɬi-k:u, reχ:ilol r-ak'ar-ado=guža
 forest-INTER-EL strawberry.PL INAN2-gather-PROG=SIM
 (2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (52) b-ihu zaman w-oɬo iš:il r-ak'ar-ado=guža
 INAN1-a_lot_of time M-PL.walk.AOR 1.EXCL INAN2-gather-PROG=SIM
 (2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (53) se-b=ga zaman iš:il zolo w-aɬi
 one-INAN1=INDEF time 1.EXCL very M-become_tired.AOR
 (2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (54) iš:il ɬ'et'uru-ɬ' hiɬ'u hogu w-ok'o
 1.EXCL tree-SUB under down M-PL.beAOR
 (2.4) Мы сели на землю под деревом.

- (55) se-b=ga zaman c'inni<gu>-č'igu b-uχi berka
 one-INAN1=INDEF time know<EMPH>-NEG.CVB AN-appear.AOR snake
 (2.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (56) iš:il zolo siri
 1.EXCL very become_frightened.AOR
 (2.6) Мы испугались.
- (57) di-w woc: c'inni<gu>-č'igu hegel-l'a č'ek'a b-ik-oli
 1SG-M[GEN] brother know<EMPH>-NEG.CVB DEM-SUP foot INAN1-stop-CAUS.AOR
 (2.7) Брат нечаянно наступил на нее.
- (58) berku-d q'ammi hegeš:u-b č'ek'a
 snake-ERG bite.AOR DEM-INAN1[GEN] foot
 (2.8) Змея укусила его в ногу.
- (59) hegeš:u-d b-iχi hinc'o berku-l'a džaj
 DEM-ERG INAN1-take.AOR snake-SUP hit.AOR
 (2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.
- (60) berka b-ič'o
 snake AN-die.AOR
 (2.10) Змея умерла.

B.2.4 GRG - Риквани

- (61) di-ɬu bos:on se-b miq'i-la di-j j-eč'uχa ila reš-ɬi-k:u
 1SG-DAT tell.AOR one-INAN1 road-SUP 1SG-F[GEN] F-big mother forest-INTER-EL
 j-il'in-no j-ik'o, hegel-d hurq'i r-ak'ar-ado r-ik'o
 F-go-NAV F-be.AOR DEM-ERG strawberry INAN2-gather-PROG INAN2-be.AOR
 (1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.
- (62) hegel-d b-iɦu zaman b-uχi reš-ɬi hurq'i
 DEM-ERG INAN1-a_lot_of time INAN1-disappear.AOR forest-INTER strawberry
 r-ak'ar-ado
 INAN2-gather-PROG
 (1.2) Долго она ходила и собирала.
- (63) se-b zaman hege-j j-aui
 one-INAN1 time DEM-F F-become_tired.AOR
 (1.3) В какой-то момент она очень устала.

- (64) hege-j šan-nu-ri b-uk:u-b ʕet'uru-l'a hogu j-ik'o
DEM-F rest-INF-PURP INAN1-fall-PST.PTCP tree-SUP down F-be.AOR
(1.4) Она села на ствол дерева.
- (65) rok'ol-l'a=gu tigu b-uχ:i berka
heart-SUP=EMPH suddenly AN-appear.AOR snake
(1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (66) hege-j siri
DEM-F become_frightened.AOR
(1.6) Бабушка испугалась.
- (67) hegel-d berku-l'a č'ek'a b-iχ-oŋi-d
DEM-ERG snake-SUP foot INAN1-stop-CAUS.AOR-PF
(1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (68) berku-d hegel-ʕ č'ek'a q'ammi
snake-ERG DEM-GEN foot bite.AOR
(1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (69) hegel-d r-iχi-d=lo k'ant'a berku-l'a džaj
DEM-ERG INAN2-take-CVB=ADD stick snake-SUP hit.AOR
(1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (70) berka b-ič'o
snake AN-die.AOR
(1.10) Та [змея] умерла.
- (71) čomlo rešin sedu=gu den=no woc:u-d=lo reš-ʕi hurq'i
some year ago=EMPH 1SG.ERG=ADD brother-ERG=ADD forest-INTER strawberry
r-ak'ar-ado r-ik'o
INAN2-gather-PROG INAN2-be.AOR
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (72) iš:il wox:uloq hurq'i r-ak'ar-ado w-ok'o
1.EXCL ? strawberry INAN2-gather-PROG M-PL.be.AOR
(2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (73) iš:il zolo w-avi
1.EXCL very M-become_tired.AOR
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.

- (74) iš:il   ʎ'et'uru-ʎ' hogu w-ok'o
1.EXCL tree-SUB down M-PL.be.AOR
(2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (75) rok'u-la=gu   t'igu   b-uχ:i-d   b-igo   berka
heart-IN=EMPH suddenly AN-appear-CVB AN-come.AOR snake
(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (76) iš:il   siri
1.EXCL become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.
- (77) woc:u-d   berku-l'a   č'ek'a b-iχ-oči
brother-ERG snake-SUP foot INAN1-stop-CAUS.AOR
(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.
- (78) berku-d   hegeš:u-b   č'ek'a q'ammi
snake-ERG DEM-INAN1[GEN] foot bite.AOR
(2.8) Змея укусила его в ногу.
- (79) woc:u-d   r-iχi   k'ant'a=lojd hege-r   berku-l'a džaj
brother-ERG INAN2-take.AOR stick=SBR DEM-INAN2 snake-SUP hit.AOR
(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.
- (80) berka b-ič'o
snake AN-die.AOR
(2.10) Змея умерла.

B.2.5 GRSh - Риквани

- (81) di-ɬu   bos:on di-j   j-eč'uχa.baba j-uʎon=ɬoχo   reš-ʎi
1SG-DAT tell.AOR 1SG-F[GEN] F-big.mom F-go.AOR=QUOT INAN1-gather.AOR=QUOT
b-ak'arunni=ɬoχo piq
fruit
(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.
- (82) hege-j b-ihu=gu=ri   j-iʎin-no=lo   j-ik'o-d b-ak'ar-ado
DEM-F INAN1-a_lot_of=EMPH=time F-go-HAB=ADD F-be-CVB INAN1-gather-PROG
b-ik'o-d
INAN1-gather-PROG INAN1-be-PF
(1.2) Долго она ходила и собирала.

- (83) se-b zaman hege-j t'ulu=gu j-avi-d
one-N time DEM-F very=EMPH F-become_tired-PF
(1.3) В какой-то момент она очень устала.
- (84) hege-j hog.ik'o-d λ'et'uro-λ angu-la
DEM-F down.be-PF tree-GEN branch-SUP
(1.4) Она села на ствол дерева.
- (85) c'inni<gu>-č'igu b-uχ:i-d berka
know<EMPH>-NEG.CVB AN-appear-PF snake
(1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (86) j-eč'uχa.ba(ba) siri-d
F-big.mom become_frightened-PF
(1.6) Бабушка испугалась.
- (87) hege-j c'inni<gu>-č'igu b-iχ-oli-d č'ek'a berku-la
DEM-F know<EMPH>-NEG.CVB INAN1-stop-CAUS.AOR foot snake-SUP
(1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (88) berku-d q'ammi-d hegel-č'u č'ek'u-λ
snake-ERG bite-PF DEM-CONT foot-GEN
(1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (89) hegel-d b-iχi-d hinc'o onš:lo šammi-d berku-lo
DEM-ERG INAN1-take-PF stone then throw-PF snake-SUP.LAT
(1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (90) berka b-ič'o-(d)
snake AN-die.AOR-(PF)
(1.10) Та [змея] умерла.
- (91) čom-bolo rešin sedu den=no di-w woc:=lo w-oʔon
some-INDEF year ago 1.SG=ADD 1SG-M[GEN] brother=ADD M-PL.go.AOR
reš-λi b-ak'arunni piq
forest-INTER INAN1-gather.AOR fruit
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (92) iš:il b-ihu=gu=ri w-oʔon-d=lo w-ok'o
1.EXCL INAN1-a_lot_of=EMPH=time M-PL.go-CVB=ADD M-PL.be.AOR
b-ak'ar-ado
INAN1-gather-PROG

(2.2) Долго мы ходили и собирали.

- (93) se-b zaman iš:il t'ulol=gu w-avi
one-INAN1 time 1.EXCL very=EMPH M-become_tired.AOR
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.

- (94) iš:il hogu w-ok'o š'et'uru-š'
1.EXCL down M-PL.be.AOR tree-SUB
(2.4) Мы сели на землю под деревом.

- (95) c'inni<gu>-č'igu inu-k:u-bolo b-uχ:i berka
know<EMPH>-NEG.CVB where-EL-INDEF AN-appear.AOR snake
(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.

- (96) iš:il siri
1.EXCL become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.

- (97) woc: c'inni<gu>-č'igu b-iwi č'ek'a berku-la
brother know<EMPH>-NEG.CVB INAN1-stop.AOR foot snake-SUP
(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.

- (98) hegeš:-č'u berku-d q'ammi-d č'ek'u-q
DEM-CONT snake-ERG bite-PF foot-INSTR
(2.8) Змея укусила его в ногу.

- (99) hegeš:u-d b-iχi-d=lo hinc'o šammi-d berku-lo
DEM-ERG INAN1-take-CVB=ADD stone throw-PF snake-SUP.LAT
(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

- (100) berka b-ič'o
snake AN-die.AOR
(2.10) Змея умерла.

B.2.6 MShM - Риквани

- (101) di-ɬu bos:on onš:=gu j-oχoru-d rešli-l'o j-il'on-d r-ak'ar-ado
1SG-DAT tell.AOR once=EMPH F-old-ERG forest-IN.LAT F-go-CVB INAN2-gather-PROG
r-ok'o riχilol
INAN2-PL.be.AOR red_berry.PL
(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.

- (102) b-ihu zaman sori-d=lo r-ak'arunni heger-ul
 INAN1-a lot_of time turn-CVB=ADD INAN2-gather.AOR DEM.INAN2-PL
 (1.2) Долго она ходила и собирала.
- (103) se-b rihi hege-j j-avi-d=lo hogu j-ik'o š:an-nu-ri
 one-INAN1 time DEM-F F-become_tired-CVB=ADD down F-be.AOR rest-INF-PURP
 (1.3) В какой-то момент она очень устала.
- (104) hogu j-ik'o š'et'ru-š angu-l'a
 down F-be.AOR tree-GEN branch-SUP
 (1.4) Она села на ствол дерева.
- (105) se-b rihi inu-kkwollo b-uχ:i-d b-igo berka
 one-INAN1 time where-EL.INDEF AN-appear-CVB AN-come.AOR snake
 (1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (106) j-oχor siri
 F-old become_frightened.AOR
 (1.6) Бабушка испугалась.
- (107) hege-j j-iχ:i-d=lo bužu-ro-l'a=gu č'ek'a b-iβi
 DEM-F F-become_confused-CVB=ADD believe-MSD-SUP foot INAN1-stop.AOR
 berku-l'a
 snake-SUP
 (1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (108) he-b=rihi berku-d hegel-č'u q'ammi
 DEM-INAN1=time snake-ERG DEM-CONT bite.AOR
 (1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (109) hegel-d b-iχ:i-d=lo hinc'o džaj berku-l'a
 DEM-ERG INAN1-take-CVB=ADD stone hit.AOR snake-SUP
 (1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (110) (he-rbihi) berka b-ič'o
 (DEM-INAN1.time) snake AN-die.AOR
 (1.10) Та [змея] умерла.
- (111) se-r čom=lo rešin sedu den woc:=logu w-ul'on w-uk'o rešli
 one-INAN2 some=ADD year ago 1.SG brother=COM M-go.AOR M-be.AOR forest(?)
 wuŋq'i r-ak'arun-nu
 wild_strawberry INAN2-gather-INF

(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.

- (112) b-ihu zaman iš:i-d sori-d=lo qali vurq'i
 INAN1-a lot_of time 1.EXCL-ERG turn-CVB=ADD search.AOR wild_strawberry
 (2.2) Долго мы ходили и собирали.

- (113) se-b zaman iš:il w-avi
 one-INAN1 time 1.EXCL M-become_tired.AOR
 (2.3) В какой-то момент мы очень устали.

- (114) onšlo iš:il hogu w-ok'o λ'et'uru-λ hiλ'u hogol-l'a
 then 1.EXCL down M-PL.be.AOR tree-GEN under ground-SUP
 (2.4) Мы сели на землю под деревом.

- (115) he-b zaman inu-kkwolo b-igo b-uχ:i-d berka
 DEM-INAN1 time where-EL.INDEF AN-come.AOR AN-appear-CVB snake
 (2.5) Как будто из ничего, появилась змея.

- (116) iš:il siri
 1.EXCL become_frightened.AOR
 (2.6) Мы испугались.

- (117) woc:u-b č'ek'a b-iwi bužu-rol-l'a=gu berku-l'a
 brother-INAN1[GEN] foot INAN1-stop.AOR believe-MSD-SUP=EMPH snake-SUP
 (2.7) Брат нечаянно наступил на нее.

- (118) he-b=rihi berku-d q'ammi woc:u-b č'ek'u-č'u
 DEM-INAN1=time snake-ERG bite.AOR brother-INAN1[GEN]-CONT
 (2.8) Змея укусила его в ногу.

- (119) woc:u-d b-iχi-d=lo šammi hinc'o berku-l'o
 brother-ERG INAN1-take-CVB=ADD throw.AOR stone snake-SUP.LAT
 (2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

- (120) (he-b=rihi) berka b-ič'o
 (DEM-INAN1=time) snake INAN1-die.AOR
 (2.10) Змея умерла.

B.2.7 AMKh - Рышуха

- (121) se-b onši iši-j ila reš-łi j-iʔon di-qi bos:on
 one-INAN1 time 1.EXCL-F[GEN] mother forest-INTER F-go.AOR 1SG-INSTR tell.AOR
 di-j ilu-di b-ak'arun c'orol.č'at'i
 1SG-F[GEN] mother-ERG INAN1-gather.AOR wild_raspberry
 (1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.
- (122) b-ihu=rij j-ełi-du b-ak'arun
 INAN1-a lot_of=time F-go-? INAN1-gather.AOR
 (1.2) Долго она ходила и собирала.
- (123) se-b zaman hege-j zolo t'ulu j-ałi-d:u
 one-INAN1 time DEM-F very strongly F-become_tired-PF
 (1.3) В какой-то момент она очень устала.
- (124) hege-j rešu-ʔa hogu j-ik'o-d:u
 DEM-F tree-SUP down F-be-PF
 (1.4) Она села на ствол дерева.
- (125) se-b zaman b-ik'o-łu-k:u b-iči-d:u b-ułi-d:u berka
 one-INAN1 time AN-be-ADV-EL AN-?-CVB AN-appear-PF snake
 (1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (126) ila sir-d:u
 mother become_frightened-PF
 (1.6) Бабушка испугалась.
- (127) hegel-di c'inni<gu>-č'igu čunk'a b-iłi-d:u berku-ʔa
 DEM-ERG know<EMPH>-NEG.CVB foot INAN1-stop-PF snake-SUP
 (1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (128) berku-di q'ammi-d:u hegel-łi čunk'u-ʔa
 snake-ERG bite-PF DEM-GEN foot-SUP
 (1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (129) hegel-di b-iłi-d:u hinc'o=lo džab-d:u berku-ʔa
 DEM-ERG INAN1-take-CVB stone=ADD hit-PF snake-SUP
 (1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (130) berka=lo b-ič'o-d:u
 snake=ADD AN-die-PF

(1.10) Та [змея] умерла.

- (131) čom-bolo rešin sedu den=no woci:lo w-oʔon reš-ʎi
some-INDEF year ago 1SG=ADD brother=ADD M-PL.go.AOR forest-INTER
he-ʎu-k:u b-ak'arun c'obol.č'at'i
DEM-ADV-EL INAN1-gather.AOR wild_raspberry
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.

- (132) iš:il b-ihu=rij w-eʎi b-ak'arun
1.EXCL INAN1-a_lot_of=time M-go.AOR INAN1-gather.AOR
(2.2) Долго мы ходили и собирали.

- (133) iš:il se-b zamana w-avi zolo t'ulu
1.EXCL one-INAN1 time M-become_tired.AOR very strongly
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.

- (134) iš:il hogu w-ok'o rešu-ʎi hiʎ'u čaχa-ʔa hiʔa
1.EXCL down M-PL.be.AOR forest-INTER under ?-SUP ?
(2.4) Мы сели на землю под деревом.

- (135) se-b zamana b-uχ:i berka
one-INAN1 time INAN1-appear.AOR snake
(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.

- (136) iš:il siri
1.EXCL become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.

- (137) woci:u-di c'inni-č'igu čunk'a b-iwi
brother-ERG know-NEG.CVB foot INAN1-stop.AOR
(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.

- (138) woci:u-ʔa q'ammi čunk'u-ʔa
brother-SUP bite.AOR foot-SUP
(2.8) Змея укусила его в ногу.

- (139) hegeš-di b-iχi hinc'o=lo džabi berku-ʔa
DEM-ERG INAN1-take.AOR stone=ADD hit.AOR snake-SUP
(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

- (140) berka b-ič'o
snake AN-die.AOR

(2.10) Змея умерла.

В.2.8 Kh - Зило

- (141) di-qi bos:on di-j ila reš-łi j-iʔonni-j
 1SG-INSTR tell.AOR 1SG-F[GEN] forest-INTERF-go-CVB blackcurrant INAN2-gather-CVB
 ʋurvi r-ak'arunni-j j-iʔo-j=ʋodi
 F-come-PF=REP
 (1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.
- (142) χʷant'ulo=lo j-ik'o-j r-ak'arunni-j
 whole_day=ADD F-be-PF INAN2-gather-CVB
 (1.2) Долго она ходила и собирала.
- (143) zolo j-avi-j j-ik'o-j hege-j
 very F-become_tired-CVB F-be-PF DEM-F
 (1.3) В какой-то момент она очень устала.
- (144) hege-j ho<j>k'o-j rešu-łi ʋaduk'olu-ʔa
 DEM-F sit_down<F>-PF forest-INTER treetrunk-SUP
 (1.4) Она села на ствол дерева.
- (145) inu-k:u-bolo c'inni-č'igu berka b-uχ:i-j herbi
 where-EL-INDEF know-NEG.CVB snake AN-appear-PF then
 (1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (146) ila siri-j
 mother become_frightened-PF
 (1.6) Бабушка испугалась.
- (147) hegel-d c'inni-č'igu čunk'a b-ivi-j berku-ʔa
 DEM-ERG know-NEG.Cvb foot INAN1-stop-PF snake-SUP
 (1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (148) berku-di hegel-łi čunk'a q'ammi-j
 snake-ERG DEM-GEN foot bite-PF
 (1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (149) hegel-di hinc'o džabi-j berku-ʔa
 DEM-ERG stone hit-PF snake-SUP
 (1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.

- (150) berka b-ič'o-j
snake AN-die-PF
(1.10) Та [змея] умерла.
- (151) čom=lo rešin sedu woc:i=lo den=no reš-łi w-oʔon č'at'i
some=ADD year ago brother=ADD 1SG forest-INTER M-PL.go.AOR blackcurrant
r-ak'arun-nu
INAN2-gather-INF
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (152) zolo b-ihu=ri w-owi išil b-ak'aru-mado
very INAN1-a lot_of=time M-PL.be.AOR 1.EXCL INAN1-gather-PROG
(2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (153) se-b zaman iš:il zolo w-awi
one-INAN1 time 1.EXCL very M-become_tired.AOR
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (154) rešu-ł'i hił'u ho<wo>k'o iš:il
tree-SUB under sit_down<M.PL>.AOR 1.EXCL
(2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (155) se-b zaman-ʔa b-uχ'i berka
one-INAN1 time-SUP AN-appear.AOR snake
(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (156) iš:il herbi zolo siri
1.EXCL then very become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.
- (157) woc:u-di c'inni-č'igu čunk'a b-iwi-j hegel-ʔa
brother-ERG know-NEG.CVB foot INAN1-stop-PF DEM-SUP
(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.
- (158) berko-di hegeš:u-b čunk'u-ʔa q'ammi
snake-ERG DEM-INAN1[GEN] foot-SUP bite.AOR
(2.8) Змея укусила его в ногу.
- (159) hegeš:-di b-iχi-j hinc'o džabi berku-ʔa
DEM-ERG INAN1-take-CVB stone hit.AOR snake-SUP
(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

- (160) berka b-ič'o
snake AN-die.AOR
(2.10) Змея умерла.

B.2.9 KhMM - Зило

- (161) di-qi bos:onni-j b-iwi inna-bolo iši-j j-oχor-di
1SG-INSTR tell-PF INAN1-be.AOR where-INDEF 1.EXCL-F[GEN] F-old-ERG
reš-łi j-i?onni-rbihi r-ak'aru-malo r-ik'o-j čat'i
forest-INTER F-go-TEMP INAN2-gather-PROG INAN2-be-PF blackberry
(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.
- (162) b-ihu=rihi j-ik'o-j hege-j hege-r r-ak'aru-malo
INAN1-a lot_of=time F-be-PFDEM-F DEM-INAN2 INAN2-gather-PROG
(1.2) Долго она ходила и собирала.
- (163) se-b zaman hege-j zolo t'ulu j-aki-j
one-INAN1 time DEM-F very strongly F-become_tired-PF
(1.3) В какой-то момент она очень устала.
- (164) hege-j ho<j>k'o-j ruq'ilu-ʔa
DEM-F sit_down<F>-PF treetrunk-SUP
(1.4) Она села на ствол дерева.
- (165) c'inni inni-č'igu b-uχ:i-j berka
know-NEG.CVB AN-appear-PF snake
(1.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (166) ila siri-j
mother become_frightened-PF
(1.6) Бабушка испугалась.
- (167) hegel-di c'inni<gu>-č'igu b-iwi-j berku-ʔa čunk'a
(1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (168) berku-di hegel-łi čunk'u-ʔa qammi-j
DEM-ERG DEM-GEN foot-SUP bite-PF
(1.8) Змея укусила ее в ногу.

- (169) hegel-di b-iχi-j hinc'o=lodu berku-ʔo šammi-j
DEM-ERG INAN1-take-CVB stone=SBR snake-SUP.LAT throw-PF
(1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (170) herbihi berka b-ič'o-j
then snake AN-die-PF
(1.10) Та [змея] умерла.
- (171) čom=lo rešin sedu den=no woci=i=lo w-owi reš-ʔi č'at'i
some=ADD year ago 1=ADD brother=ADD M-PL.be.AOR forest-INTER blackberry
r-ak'aru-malo
INAN2-gather-PROG
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (172) b-ihu=rihi w-owi iš:il he-r r-ak'aru-malo
INAN1-a lot_of=time M-PL.be.AOR 1.EXCL DEM-INAN2 INAN2-gather-PROG
(2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (173) se-b zaman iš:il t'ulu w-awi
one-INAN1 time 1.EXCL very M-become_tired.AOR
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (174) iš:il ho<wo>k'o rešu-ʔi onši-ʔa hiʔa
1.EXCL sit_down<M.PL>.AOR forest-INTER earth-SUP above
(2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (175) iʔ'i-bolo b-uχi-j berka
?-INDEF AN-appear-PF snake
(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (176) iš:il siri
1.EXCL become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.
- (177) woci:u-di c'inni<gu>-č'igu b-iwi čunk'a berku-ʔa
brother-ERG know<EMPH>-NEG.CVB INAN1-stop.AOR foot snake-SUP
(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.
- (178) berku-di čunk'u-ʔa q'ammi-j
snake-ERG foot-SUP bite-PF
(2.8) Змея укусила его в ногу.

- (179) hegeš-di hinc'o=lo b-iχi-j šammi he-b berku-ʔo
DEM-ERG stone=ADD INAN1-take-CVB throw.AOR DEM-INAN1 snake-SUP.LAT

(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

- (180) herbihi berka b-ič'o-(j)
then snake AN-die.AOR-(PF)

(2.10) Змея умерла.

В.2.10 М – Зило

- (181) di-qi bos:o-mado b-iwi iši-j ilu-di reš-ʔi=lo
1SG-INSTR tell-PROG INAN1-be.AOR 1.EXCL-F[GEN] mother-ERG forest-INTER=ADD
j-iʔonni-j, hel-di biqi b-ak'arunni-j
F-go-PF DEM-ERG fruit INAN1-gather-PF

(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.

- (182) b-ihu=rihi j-eʔi b-ak'arunni-j
INAN1-a lot_of=time F-walk.AOR INAN1-gather-PF

(1.2) Долго она ходила и собирала.

- (183) se-b zaman hege-j j-avi-j
one-INAN1 time DEM-F F-become_tired-PF

(1.3) В какой-то момент она очень устала.

- (184) r-uk'u-b rešu-ʔa hiʔa ho<j>k'o-j
INAN2-fall-PST.PTCP tree-SUP on sit_down<F>-PF

(1.4) Она села на ствол дерева.

- (185) sebgulo s'u-b-ʔu-k'u b-uχi-j b-iʔo-j berka
noting NEG.COP-ADV-EL AN-appear-PF AN-come-PF snake

(1.5) Как будто из ничего, появилась змея.

- (186) ila siri-j
mother become_frightened-PF

(1.6) Бабушка испугалась.

- (187) c'inni-č'igu berku-ʔa čunk'a b-iwi-j
know-NEG.CVB snake-SUP foot INAN1-stop-PF

(1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.

- (188) onšilo berku-di hegel-łi čunk'u-ʔa q'ammi-j
 then snake-ERG DEM-GEN foot-SUP bite-PF
 (1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (189) ilu-di b-iłi-j hinc'o šammi-j berku-ʔo
 mother-ERG INAN1-take-CVB stone throw-PF snake-SUP.LAT
 (1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (190) onšilo berka b-ič'o-j
 then snake AN-die-PF
 (1.10) Та [змея] умерла.
- (191) čom=lo rešin sedu den=no woci=i=lo w-owi w-oʔinn-e
 some=ADD year ago 1SG=ADD brother=ADD M-PL.be.AOR M-PL.go-HAB
 reš-łi-k:u
 forest-INTER-EL
 (2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (192) w-uhol w-ełi-j, b-ak'arun
 M-a lot_of.PL M-walk-CVB INAN1-gather.AOR
 (2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (193) se-b zaman iš:il zolo t'ulol w-awi
 one-INAN1 time 1.EXCL very strongly.PL M-become_tired.AOR
 (2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (194) onšilo iš:il ho<wo>k'o onši-ʔa hiʔa rešu-ł'i hił'u
 then 1.EXCL sit_down<M.PL>.AOR earth-SUP above forest-INTER under
 (2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (195) sebgulo.s:u-łu-k:u b-ułi b-iʔo berka
 nothing.NEG.COP-ADV-EL AN-appear.AOR AN-come.AOR snake
 (2.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (196) iš:il siri
 1.EXCL become_frightened.AOR
 (2.6) Мы испугались.
- (197) woci:u-č'u-k:u c'inni-č'igu čunk'a b-iwi hiʔa
 brother-CONT-EL know-NEG.CVB foot INAN1-stop.AOR above
 (2.7) Брат нечаянно наступил на нее.

(198) onšilo berku-di hegešu-b čunk'a q'ammi
 then snake-ERG DEM-INAN1[GEN] foot bite.AOR

(2.8) Змея укусила его в ногу.

(199) onšilo hegeš-di berku-ʔa hinc'o džabi
 then DEM-ERG snake-SUP stone hit.AOR

(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.

(200) onšilo berka b-ič'o
 then snake AN-die.AOR

(2.10) Змея умерла.

B.2.11 MKG - Зило

(201) di-qi bos:on j-oχor ila reš-ʕi=lo j-iʔonni-j ʔwarq'i
 1SG tell.AOR F-old mother forest-INTER=ADD F-go-CVB raspberry
 r-ak'aru-malo j-ivi
 INAN2-gather-PROG F-be.AOR

(1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.

(202) hege-j zolo j-ihu=gu j-eʕi-j, ʔwarq'i r-ak'arun
 DEM-F very F-a_lot_of=EMPH F-walk-CVB raspberry INAN2-gather.AOR

(1.2) Долго она ходила и собирала.

(203) se-b zaman here-j j-aʕi-j
 one-INAN1 time DEM-F F-become_tired-PF

(1.3) В какой-то момент она очень устала.

(204) hege-j rešu-ʔa ho<j>k'o
 DEM-F tree-SUP sit_down<F>.AOR

(1.4) Она села на ствол дерева.

(205) inu-k:u=gu b-ik'o-bolo b-uχ:i-j b-iʔo berka
 where-EL=EMPH INAN1-be-INDEF AN-appear-CVB AN-come.AOR snake

(1.5) Как будто из ничего, появилась змея.

(206) ila siri berku-č'u-k:u
 mother become_frightened.AOR snake-CONT-EL

(1.6) Бабушка испугалась.

- (207) *hegel-di j-iχi-j čunk'a b-iwi-j berku-ʔa*
 DEM-ERG F-?-CVB foot INAN1-stop-PF snake-SUP
 (1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (208) *berku-di ilu-ʔi čunk'u-ʔa q'ammi*
 snake-ERG mother-GEN foot bite.AOR
 (1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (209) *ilo-di b-iχi-j hinc'o šammi berku-ʔo*
 mother-ERG INAN1-take-CVB stone throw.AOR snake-SUP.LAT
 (1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (210) *berka b-ič'o*
 snake AN-die.AOR
 (1.10) Та [змея] умерла.
- (211) *čom=lo rešin sedu woci=lo den=no ɤʷarq'i r-ak'aru-malo*
 some=ADD year ago brother=ADD 1SG=ADD raspberry INAN2-gather-PROG
w-owi reš-ʔi
 M-PL.be.AOR forest-INTER
 (2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (212) *iš:il zolo w-uhol w-eʔi-j r-ak'arun ɤʷarq'i*
 1.EXCL very M-a_lot_of.PL M-walk-CVB INAN2-gather.AOR raspberry
 (2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (213) *iš:il zolo w-awi*
 1.EXCL very M-become_tired.AOR
 (2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (214) *iš:il hoʔor-ʔa ho<wo>k'o rešu-ʔi*
 1.EXCL ground-SUP sit_down<M.PL>.AOR forest-INTER
 (2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (215) *inu-k:u=gu b-ik'o-bolo b-uχ:i berka*
 where-EL=EMPH INAN1-be-INDEF AN-appear.AOR snake
 (2.5) Как будто из ничего, появилась змея.
- (216) *iš:il siri*
 1.EXCL become_frightened.AOR
 (2.6) Мы испугались.

- (217) wos:u-di čunk'a b-iwi berku-ʔa
 brother-ERG foot INAN1-stop.AOR snake-SUP
 (2.7) Брат нечаянно наступил на нее.
- (218) berku-di wos:u-ʔa q'ammi
 snake-ERG brother-SUP bite.AOR
 (2.8) Змея укусила его в ногу.
- (219) hegeš-di b-iχi-j hinc'o šammi berku-ʔo
 DEM-ERG INAN1-take-CVB stone throw.AOR snake-SUP.LAT
 (2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.
- (220) berka b-ič'o
 snake AN-die.AOR
 (2.10) Змея умерла.

В.2.12 Z - Зило

- (221) di-qi bos:on se-b onši di-j ila reš-ʔi=lo j-iʔonni-j
 1SG-INSTR tell.AOR one-INAN1 time 1SG-F[GEN] mother forest-INTER=ADD F-go-PF
 ʋʷarq'i r-ak'arunni-j
 blackcurrant INAN2-gather-PF
 (1.1) Мне рассказывали, что однажды моя бабушка шла по лесу, собирала ягоды.
- (222) b-iɦu=ri=lo j-eʔi-j r-ak'arunni-j
 INAN1-a lot_of=time=ADD F-walk-CVB INAN2-gather-PF
 (1.2) Долго она ходила и собирала.
- (223) hege-b zaman zolo j-avi-j hege-j
 DEM-INAN1 time very F-become_tired-PF DEM-F
 (1.3) В какой-то момент она очень устала.
- (224) hege-j ho<j>k'o-j ʋaduk'ollo-ʔa
 DEM-F sit_down<F>-PF treetrunk-SUP
 (1.4) Она села на ствол дерева.
- (225) inu-k:u-bolo c'inni-č'igu berka b-uχi-j
 where-EL-INDEF know-NEG.CVB snake AN-appear-PF
 (1.5) Как будто из ничего, появилась змея.

- (226) *ila siri*
mother become_frightened.AOR
(1.6) Бабушка испугалась.
- (227) *hegel-di c'inni-č'igu b-iwi-j berku-ʔa*
DEM-ERG know-NEG.CVB INAN1-stop-PF snake-SUP
(1.7) Она (нечаянно) наступила на змею.
- (228) *hegel-di b-iχi-j šammi-j hinc'o berku-ʔo*
DEM-ERG INAN1-take-PF throw-PF stone snake-SUP.LAT
(1.8) Змея укусила ее в ногу.
- (229) *berku-di hegel-ʔi čunk'u-ʔa q'ammi-j*
snake-ERG DEM-GEN foot-SUP bite-PF
(1.9) Она [бабушка] взяла камень, и бросила [его] на змею.
- (230) *berka b-ič'o*
snake AN-die.AOR
(1.10) Та [змея] умерла.
- (231) *čom=lo rešin sedu den=no woci=lo w-oʔonni-j reš-ʔi=lodu*
some=ADD year ago 1SG=ADD brother=ADD M-PL.go-CVB forest-INTER=SBR
č'at'i r-ak'arun
blackcurrant INAN2-gather.AOR
(2.1) Несколько лет назад мы с братом шли по лесу и собирали ягоды.
- (232) *b-iɦu=ri w-eʔi-j r-ak'arun*
INAN1-a_lot_of=time M-walk-CVB INAN2-gather.AOR
(2.2) Долго мы ходили и собирали.
- (233) *hege-b zaman iš:il zolo w-avi*
DEM-INAN1 time 1.EXCL very M-become_tired.AOR
(2.3) В какой-то момент мы очень устали.
- (234) *iš:il ho<wo>k'o hoʔor-ʔa rešu-ʔ'il*
1SG sit_down<M.PL> ground-SUP tree-SUB
(2.4) Мы сели на землю под деревом.
- (235) *se-b b-ik'o-b-ɦu-k:u b-ič'i-j b-uχ:i berka*
one-INAN1 INAN1-be-PST.PTCP-ADV-EL AN-?-CVB INAN1-appear.AOR snake
(2.5) Как будто из ничего, появилась змея.

- (236) iš:il siri
1.EXCL become_frightened.AOR
(2.6) Мы испугались.
- (237) woc:u-di c'inni<gu>-č'igu b-iɣi-j hegel-ʔa
brother-ERG know<EMPH>-NEG.CVB INAN1-stop-PF DEM-SUP
(2.7) Брат нечаянно наступил на нее.
- (238) berku-di q'ammi-j hegeš:u-b čunk'u-ʔa
snake-ERG bite-PF DEM-INAN1[GEN] foot-SUP
(2.8) Змея укусила его в ногу.
- (239) hegeš-di b-iɣi-j hinc'o šammi-j hegel-ʔo
DEM-ERG INAN1-take-CVB stone throw-PF DEM-SUP.LAT
(2.9) Он взял камень, и бросил его на змею.
- (240) berka b-ič'o
snake AN-die.AOR
(2.10) Змея умерла.